"Марина Дробкова - Имперский марш"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Марина Дробкова

Имперский марш

© Марина Дробкова, 2016

© ООО «РОСМЭН», 2016

* * *

В Бескрайнем заливе бусинами рассыпаны острова – Спящий архипелаг. Его не видно с Большой земли, и не только потому, что он слишком далеко от берега, ведь залив в самом деле простирается на многие-многие километры. Но еще и потому, что эти острова закрыты от чужого взора Заслоном – особым волшебством, которое существовало здесь всегда, со времен образования самого залива Бескрайний. Островов всего четыре: Рока-Алада, Центральный, Безымянный и Светлоярск. Рока-Алада – единственный остров, верхушка которого чуть-чуть видна с берега зимой в ясную погоду. Он был открыт давным-давно чужеземными мореплавателями, поэтому и носит иностранное название. Безымянный до сих пор необитаем. Центральный остров крупнее других, из-за него со Светлоярска, самого дальнего из островов, не видно материк.

На острове Светлоярск улицы расходятся от площади веером, ветвятся на переулочки, словно крона дерева. А ствол – широкая дорога – ведет к городу за Воротами. Они всегда закрыты, туда войти нельзя. Светлоярск – красивый остров, таинственный остров, печальный остров.

Первое, что я помню из детства, – прохладную ночь.

Мне и брату по полтора года, и мама бежит с нами на руках по берегу озера. Обычный человек запоминает себя лет с трех, так мне говорили. Но я почему-то помню все гораздо раньше, чуть ли не с рождения. Бежать маме трудно, мы довольно упитанные дети. Кругом, наверное, лес – елки, елки, елки… Пахнет мхом – я потом узнаю, что это мох. И луна круглая и желтая, как тарелка каши. Вдруг на луну набегает тень большой птицы – кто-то гонится за нами. Брат чувствует это, как и я, и начинает плакать. Мне почему-то не страшно, только очень жалко его. И маму тоже. Но я еще не понимаю почему.

Хищные птицы настигают, кружат над нами, снижаются, распластав огромные крылья. Мама останавливается, в страхе прижимая нас к себе. Наконец одна из птиц ударяется о землю, и перед нами словно вырастает человек.

– Гражданка 12-М. А., остановитесь! Юниор-полиция!

Молодой парень в форме – это сейчас я понимаю, что ему было не больше семнадцати-восемнадцати лет, а тогда он казался взрослым дядькой, большим и страшным, – тычет маме под нос блестящий полицейский жетон, на нем растопырила крылья та самая хищная птица. Орлан. И юниор-полицейских не называют иначе как орланами. Двое других тем временем тоже принимают человеческий облик.

– Не усложняйте своего положения. Отдайте детей, и мы отпустим вас.

Дядька-полицейский говорит очень сердито, так мне кажется. Двое других молча стоят рядом. Один – между мамой и озером, другой загораживает тропинку, по которой мы бежали. Мой брат перестал плакать и теперь грызет кулак, сверкая глазами на полицейского.

– Ну же, сделайте это, вам самой будет легче, – говорит орлан уже мягче.

Мама медленно опускает нас на землю. Мы стоим, вцепившись в ее ноги.

– Алеша, иди к дяде, – говорит мама бесцветным голосом и гладит брата по светлым волосам.

Тот удивленно задирает голову и смотрит на маму, но потом послушно идет на руки к полицейскому.

– Вот и молодец, мужчина! – говорит орлан, подхватывая брата. – И девочку тоже, уважаемая.

– Как? Почему?!

– В этом виноваты только вы, – строго говорит полицейский. – Если бы вы сразу отдали сына, а не бросились в бега, девочка была бы с вами. А теперь вы преступница, и по закону вам полагается год тюремного заключения. Но мы сделаем вид, что вы передали детей добровольно, и просто отпустим вас.

– Умоляю вас… – стонет мать.

– Не нужно умолять. Если я сейчас отдам вам ребенка, меня самого отдадут под суд, и вам это не поможет, – твердо говорит орлан. – Иди ко мне, девочка.

Не знаю, почему я пошла. Не заревела, не вцепилась в маму. И когда полицейский взял меня на руки, не расцарапала ему нос и даже не стала пинаться ногами. Он взглянул на меня, а я… притихла. Брат повеселел, увидев меня снова рядом, заулыбался, начал болтать. И только мама стояла одна на скользком берегу и смотрела, как нас уносят.

Что было дальше я, конечно, видеть не могла. Узнала гораздо позже.

Из озера медленно-медленно, одна за другой, вышли белые девы печали, освещая путь тусклыми фонариками. Они покачивали головами и негромко пели, протягивая моей матери руки, чтобы забрать ее к себе.

И мама пошла с ними.

В тот день я видела последний раз не только маму, но и брата. Следующим же утром Алешу отдали в другую семью – богатую и благополучную, где его могли не только накормить и одеть как следует, не только дать красивые развивающие игрушки, но и учить у лучших учителей, а если заболеет – лечить у лучших врачей.

Об этом говорили при мне няни из интерната. Они думали – я не пойму и не запомню. Мне было полтора года, и я действительно не понимала, что такое усыновление.

Но через несколько лет я вспомнила все. И захотела разыскать брата.

Глава первая,

в которой мы впервые заглядываем в интернат

Аня

Topreading.ru

– Раз, два, три! Ната, Аня, Слава, вместе!

Мы с Наткой Карабановой завизжали, одновременно прижимая ладони к двери. Славка сделал то же самое, но молча, с достоинством.

Под руками тут же засветилась картинка, и мы нетерпеливо отдернули их.

– Ха-ха-ха! А вот нетушки вам! – злорадно закричала Юлька.

Славка нахмурился и засопел.

Поверх облупившегося лака красовалось изображение невиданной зверюги с рогом единорога, хвостом дракона и пузом какой-то птицы. Ну почему мы всегда в разных командах! Чтобы быть в одной, части должны совпасть целиком.

Толпа собравшихся вокруг загалдела.

– Опять у меня орлан, – пробормотала Ната.

– Это не орлан, а феникс! – возразила я.

– Феникс – огненный. А этот серый. Почему у всех всегда разное, а у меня – одно и то же?

– Да ладно. Орланы же – здорово!

Виталик, наш ведущий, подошел и хлопнул Натку по плечу. Надо же, как у него голос за последнее время изменился, все не могу привыкнуть. Басит, как водосточная труба, если в нее крикнуть.

– …И они существуют, в отличие от всех остальных. Так что тебе опять везуха выпала, сестренка!

Натка заулыбалась. Виталик уже почти выпускник, он умеет поддержать. К тому же сам бредит орланами и полетами.

– Запомнили свою картинку и отошли. И последняя тройка! – скомандовала Лялька.

Они с Виталиком первый раз не участвуют – решили, что уже большие, и все-все пазлы, какие выдает нам механизм, собирали по многу раз. Ну и ладно, даже веселее, что ведущие – они, а не взрослые. Да Лялька еще подстриглась «под Виталика», совсем коротко. Теперь они два одинаковых ежика, без смеха не взглянешь.

Единорог – это супер! Там не такие уж сложные задания, но мне нравится сам зверь. Он такой красивый. Милый! По этому поводу надо обязательно сыграть на губной гармошке.

Я зашарила по карманам. А гармошки-то нет, она осталась в спальне. Ирина Андреевна, наша директор, попросила меня не брать гармошку на игру, чтобы не устраивать лишнего шума. А по-моему, все так вопят, что от музыки хуже не стало бы. Может, наоборот, успокоились бы! Но директора не переспоришь. Ладно, хоть феньку сплету в честь единорога…

Булавка, на которой болтаются нитки, всегда приколота к карману. Если карманов на одежде нет, прикрепляю изнутри к подолу. Если же я в штанах и без карманов… Вы где-нибудь видели штаны без карманов? К сожалению, я тоже видела. Пришлось прорезать. Класть, правда, туда ничего нельзя, а вот прицепить булавку с нитками – легко. Запустил руку в прорезь и вытащил,

если надо. Натка тоже раньше плела феньки, и булавка болталась у нее прямо сверху, на виду. Но Ванька с Олежкой всегда норовили дернуть и оборвать, а Натка сердилась. Сейчас ей не интересны феньки, она предпочитает рисовать домики и всякие замки.

Но феньку сплести тоже не удалось, поскольку меня тут же толкнули под локоть. Наш драконо-орлано-единорог выключился, и к двери ринулись следующие участники: сестры-близнецы Нагорные и Юлька, деловито отбросившая назад толстую косу.

– И-и-и – раз! – воскликнула Лялька.

Девчонки прижали руки, вспыхнула новая картинка. Ну, я уже и так вижу: вот он, мой оставшийся единорог, под ладошками близнецов. Что бы ни делали, с кем бы ни подходили на жеребьевку, в каком порядке ни становились бы рыжие двойняшки, у них всегда совпадает изображение. Мы играем в пазлы три раза в году, так включается механизм: в первое воскресенье сентября, января и июня. На Новый год в развлечении участвует весь интернат, включая взрослых, а в остальное время – только школьники с шести лет. Это наш праздник. Близнецам сейчас десять, и они еще никогда не были в разных командах. Механизм чувствует их, что ли? Или они его.

– А у меня – сколопендра! – гордо провозгласила Юлька, убрав руку.

Да уж. Есть чем гордиться. Ей достались двое малявок в команду. Правда, за сколопендру дают дополнительные фрагменты пазла – задания сложные. Но решать их Юльке придется самой, шести– и семилетка ей не очень-то помогут.

Лялька по привычке почесала бровь с пирсингом, но, спохватившись, отдернула руку и важно произнесла:

– Все подошли к своим командам! Приготовили мешочки! Первый этап, как всегда: фенрир – склад, феникс – музыкальный зал, орлан – кухня, дракон – чердак, сколопендра – подвал, юникорн – здесь. Картину, как в прошлый раз, собираем на рояле!

– Удачи! – прибавил Виталик.

Вся толпа, включая семь человек старших – от одиннадцати до четырнадцати лет – и восемь младших, от шести до восьми, рванула по коридору. Осталась только наша команда: я и Лиза с Викусиком. Они с этого года тоже считаются старшими. А мне скоро тринадцать, как Славке.

В интернате есть еще двое малышей, им по три года, и они с нами не играют. Учителя тоже не пришли, полностью доверив мероприятие Виталику и Ляльке. Возможно, кто-то присоединится позже, когда мы все будем собирать пазл из кусочков. Но сначала эти кусочки надо добыть – и не задаром.

– Ну что, сестренка, – подмигнул мне Виталик. – Твоей команде повезло. Начнете с развалин.

Лиза с Викусиком, рыжие близнецы в одинаковых коричневых платьицах, делающих их похожими на мартышек, тихонько взвизгнули от страха и восторга. Виталик налег плечом на дверь, и та открылась.

– Аккуратно, по стенке – сразу налево! – напомнила Лялька. – Не забыла, где выключатель, Насекомое?

Я мотнула головой: конечно, мы помним. Хотя и не заходили в эту комнату с декабря: тут

провалился пол. Ничего опасного нет, комната на первом этаже. Но если попасть в яму ногой, запросто можно заработать вывих, а то и перелом.

– За мной, команда! – сказала я и осторожно, боком, проскользнула в бывшую библиотеку.

Близнецы, держась за руки, двинулись следом. В комнате стоял запах пыли и старой бумаги – мы вынесли отсюда не все книжки, в дальнем углу остался один полный шкаф. Шаря по стене в поисках выключателя, я услышала тихий голос Ляльки:

– Оставим их одних, справятся?

– Погоди, – ответил Виталик еще тише, но я услы шала. – Подстрахуем все же. Там такая дырища…

Беспокоился он, конечно, зря – мы не рухнем. Я-то уж точно: услышу, если ноге вздумается ступить на опасный участок.

Дотянувшись до кнопки, я щелкнула выключателем два раза подряд. Свет не зажегся. Мы замерли. Близнецы даже дышать перестали. Стало тихо-тихо, издалека долетали обрывки разговоров и смех других команд. Наконец в глубине стены загудело, и ниже выключателя обозначился прямоугольник. Затем он засветился, и на поверхности стены проступила надпись: «x / 0,5 = 8». Ну с этим заданием легко справятся близнецы. Без моей помощи.

– Ой, совсем просто! – воскликнула Лиза, будто услышав меня. – Руна означает…

– Стой! – поспешно сказала я, поскольку почувствовала, что Викусик готова возмутиться. – Давайте вы обе скажете мне на ухо, что означает руна, а?

Они закивали. А потом одновременно крикнули мне в уши:

– Четыре!

– Правильно, – поморщившись, ответила я. Едва не оглушили!

Механизм был согласен с таким ответом. Надпись погасла, зато из стены выдвинулся ящичек. Двойняшки одновременно запустили туда руки и вытащили фрагмент пазла величиной с половину их ладони.

– Эй, не порвите! – предупредила я.

Свет наконец зажегся, и мы принялись рассматривать кусочек мозаики.

– Карта? – с сомнением спросила Викусик.

– Сама ты карта! – пихнула ее Лиза. – Не видишь, это кусок ноги!

– Эй, юникорны, вылезайте! – позвал Виталик. – Сюда уже фенриры несутся.

– Идемте, после разбираться будем! – решительно заявила я, отобрав у сестер пазл. Иначе так и будут стоять и спорить. – Теперь кухня, Ляль?

Мы вышли из комнаты, я убрала «добычу» в мешочек, привязанный к поясу, а на наше место уже спешили Женек с Ванькой и девочка-шестилетка. Я еще не запомнила, как ее зовут, она всего два дня в интернате.

– Конечно, ты же наизусть все уже знаешь, – ответила Лялька, не глядя на нас. Она выжидающе смотрела на Виталика.

Но некогда было выяснять, чем все кончится. Свет в комнате остался гореть, мимо нас, как вихри, пролетели мальчишки. Новенькая девочка еле поспевала за ними. Надеюсь, они ее не уронят.

А мне надо было как можно скорее вести команду к следующему этапу – ведь мало собрать пазлы, нужно еще прийти первыми, чтобы победить. Тогда будет приз.

Кухня стояла пустой – предыдущая команда уже отправилась на чердак. Свет так же не горел. Но стоило подумать, что тут опасаться нечего, как позади меня раздался оглушительный грохот: кто-то из близнецов налетел на стол, и гора кастрюль разлетелась по всему полу.

Викусик – это была она, я почти не сомневалась, потому что Лиза поспокойнее, – взвыла не хуже фенрира.

– Слушайте, ну почему вы вечно влипаете в истории? – рассердилась я. – Собирайте кастрюли, задачу я сама решу!

Пока сестры наперегонки ползали по кухне, я дважды щелкнула выключателем, и все повторилось. Только задание в прямоугольнике было таким (сжалившись, я прочитала его вслух):

– «Скорость орлана, летящего над ущельем по ветру, равна А. Скорость плывущего над этим ущельем облака равна В. Какое расстояние пролетит орлан за три часа в тихую погоду?»

– Ань, а как выводить эту руну? – спросила Лиза, выпрямляясь с кастрюлей в руках.

– Ну давайте думать, – вздохнула я. – Как выводить руну расстояния, если мы знаем руны скорости и времени?

– Скорость – это руна расстояния, пройденного за один час! – крикнула Викусик. – Надо продолжить ее во времени!

– Правильно. А мы знаем скорость орлана в тихую погоду?

– Нет, – ответила Лиза. – Мы знаем только скорость орлана по ветру и скорость ветра. Это то же самое, что скорость облака, потому что облако, в отличие от орлана, не машет крыльями!

– Точно! И как теперь найти скорость, которая нам нужна?

– Убрать из скорости по ветру руну ветра? – предположила Лиза.

– Конечно! Вот видишь, ты сама все решила.

– И вовсе не все! – возразила Викусик, не прекращая греметь крышками. – Если мы из руны А убрали руну В и получили скорость в тихую погоду, нам надо еще продлить ее во времени – и будет три руны А без В! Значит, скорость орлана в тихую погоду обозначается тремя рунами А без В!

Викусик, конечно же, была права, и механизм тут же отреагировал: ящичек выехал из стены, открылся, и мне осталось лишь достать фрагмент пазла.

– Это явно чей-то глаз! – произнесла я вслух. – И что-то я не узнаю картинку.

– Да ладно, бежим, и так время потеряли, – вздохнула Лиза.

– И что, я теперь виновата, да? – вскинулась ее сестра.

Я не стала тратить время на то, чтобы мирить их, просто убрала пазл в мешочек и быстрым шагом вышла из кухни. Двойняшки потянулись за мной. Нас ждал чердак.

С командой «орланов» – Наткой и двумя младшими мальчиками – мы столкнулись на черной лестнице. Пришлось им жаться к перилам, а нам с силой протискиваться наверх. В результате я, кажется, отдавила кому-то ноги. Но на нас не обиделись – игра же. Борьба! Все хотят успеть. И победить.

Чердак у нас перетянут бельевыми веревками – здесь мы сушим одежду после стирки. А еще тут иногда можно спрятаться, когда не хочешь никого видеть, если надо, например, пореветь или поссорился с подругой. Или с другом. Мы с Наткой не ссоримся – как-то не из-за чего. Но несколько раз я на нее тут натыкалась, и глаза у нее были на мокром месте. Но вот с кем она ссорится? Не говорит. Что же касается Славки, то мы с ним ссоримся довольно часто, но реветь из-за этого я не стану, вот еще! Пусть сам ревет, если ему надо.

Близнецы тоже сюда бегают. Вдвоем. Они даже ревут вдвоем, поссорившись друг с другом. Никак не могут расстаться.

Задание, подброшенное механизмом, оказалось несложным, но длинным.

– Цепочки заклинаний! – воскликнула Лиза и закружила Викусика на месте.

И точно: надо было прочитать заклинания, сначала восстановив порядок букв, а затем выбросив лишнее слово. Верхняя цепочка выглядела так: «Убд, ябраин, ришокен, ленк, тшанак».

Я не стала с этим возиться, предоставив свободу сестрам. Совершенно очевидно, что лишнее тут – орешник, потому что это не название дерева, в отличие от остальных. А ниже там еще девять строчек.

В распахнутое слуховое окно задувал ветер. Я подошла, чтобы закрыть его… и услышала голоса. Кто-то сидел на крыше и тихо разговаривал. Один голос принадлежал Ляльке. Вот уж не думала, что Лялька лазает по крышам, да еще в то время, когда надо проводить игру! А второй, плачущий, я никак не могла узнать.

– …Даже не смотрит! Мимо прохожу – отворачивается. Если прошу помочь – поможет, но старается побыстрее отделаться, – говорил плачущий голос.

– Да он же просто занят! – возражала Лялька.

– А я разве – нет? Но я всегда могу найти для него время! А он… Он меня ни видеть, ни слышать не хочет, – плакал голос.

Да кто же это? Не пойму. Маша? С кем бы еще Лялька стала болтать? Но на Машу голос совсем не похож. К тому же сейчас Маша должна быть с командой фениксов – да все сейчас с командами! Лялька одна свободна. И кто такой «он», интересно?

Topreading.ru

Да кто же это? Не пойму. Маша? С кем бы еще Лялька стала болтать? Но на Машу голос совсем не похож. К тому же сейчас Маша должна быть с командой фениксов – да все сейчас с командами! Лялька одна свободна. И кто такой «он», интересно?

– Ну подожди. Может, он не знает, как ты к нему относишься? – участливо спросила Лялька.

– Конечно не знает! – горячо зашептал голос. – Разве я могу об этом сказать? Я лучше умру! Я вообще никому не могу сказать, понимаешь? Я и тебе не должна говорить. Но просто… нет больше сил…

Голос совсем расплакался. Лялька начала бормотать что-то утешительное. А мне стало неловко подслушивать чужие секреты, и я отошла от окна, передумав его закрывать. Если Лялька и та, кто с ней, влезли на крышу отсюда, они не смогут спуститься.

– Вам помочь? – окликнула я близнецов, увлеченно обсуждающих варианты.

– Нет! Не надо! – не оглядываясь, воскликнули они одновременно.

Тем лучше. Наконец-то я могу передохнуть и сплести феньку.

Прислонившись к стене – голоса из слухового окна уже не доносились, – я выдернула из прорези на месте кармана спортивных штанов булавку с нитками. Единорог как-то отодвинулся на задний план, зато из головы не шел разговор на крыше. Девушке, которая рассказывала, было так грустно – она даже плакала. А грусть однозначно зеленого цвета: тоска зеленая. А еще там была, видимо, любовь. Любовь у нас будет белая – как платье невесты. И третье – тайна. Она ведь не хотела никому говорить. Боялась. Тайна у нас темно-фиолетовая… Или там был страх?

Я на секунду задумалась. Ну, все равно, страх – тоже фиолетовый. Или черный? Нет, черный, это когда совсем все плохо…

Остальные нитки – красные, черные, коричневые и желтые – отодвигаем в сторону, в этой фенечке они мне не понадобятся. Эх, где бы взять еще ниток… И бусинок совсем не осталось…

– Ань, мы закончили! – объявила Лиза.

Подтверждением служил скрип выдвигающегося из стены ящичка.

Поспешно приколов начатую феньку на место, я подошла к близнецам. Они уже протягивали мне очередной кусок пазла: на нем отчетливо определялся фрагмент меча. Самый кончик. Мы переглянулись. Такой картинки никто из нас точно не собирал.

– Бежим в подвал!

Викусик ринулась вниз по лестнице, увлекая за собой спотыкающуюся Лизу.

– Да подожди ты, я же упаду! – раздался голос Лизы далеко внизу, и я поняла, что тупо стою и разглядываю этот меч, когда надо галопом нестись за следующим заданием.

Спускаясь по лестнице, я не стерпела и все-таки кинула взгляд наверх, чтобы узнать, кто же будет слезать с чердака, кто болтал с Ляльком. Вот в проеме люка показалась она сама, а следом… Даша, наша учительница! «Филологичка», как мы привыкли ее называть. Она же воспитательница младших. Вообще, конечно, ее положено называть Дарьей Павловной, но она

совсем недавно учительница, и мы иногда об этом забываем. Вот так-так! Это у нее, значит, несчастная любовь! К кому?!

– Аня, ну где ты там? – послышался недовольный голос Лизы, и я заторопилась к своей команде, выбросив филологичку Дашу с ее любовью из головы.

Задание в подвале оказалось самым сложным: нужно было составить пропорцию для волшебного зелья. Близнецы только вытаращили глаза. Я бы тоже не справилась, если бы в прошлый раз нашей команде не досталось нечто похожее. Тогда с нами был Виталик, и он объяснил, как это делается. Сейчас на месте старшей оказалась я – мне и учить близнецов. К слову сказать, если команда не может пройти этап, она просто движется к следующему без пазла. Тогда все недостающие пазлы в конце получают победители – те, кто справятся быстрее всех. Раньше иногда механизм высыпал первым закончившим целую стопку фрагментов. Но в последнее время все стали упорными, никто не любит пропускать задания – сражаются до последнего. И чаще всего решают в конце концов. Ведь это же интересно, на уроках такого не проходят! Это не филология, не рисование, не физкультура. Волшебные руны, заклинания, зелья… Говорят, раньше были еще артефакты, надо было рассчитывать размеры. А Славка утверждает, что можно было даже строить замки! Но с артефактами теперь заданий нет, а про замки Славка явно привирает. За ним это в последнее время водится.

Выполнив и эту задачу, мы получили пазл, который очень напоминал картинку, доставшуюся Натке: на фрагменте были только серые перья и ничего больше.

– Про орланов? – вопросительно посмотрела на меня Лиза, пока я прятала и этот трофей.

– Видимо, да, но тогда при чем тут меч…

– Ну там же был еще кто-то с глазом и с ногой! Это точно человек.

– Как будто орланы – не люди, – пожала плечами я.

Но всю дорогу до склада я размышляла о том, что Лиза права. Интересно, какую легенду мы услышим сегодня, когда соберем изображение целиком.

На складе механизм предложил нам всего лишь определить количество. Просто количество, неизвестно чего. Нужно было увеличивать, уменьшать, распределять и объединять. Выполняли все втроем, по очереди и одновременно. Получили результат, но ящик с пазлом не выдвинулся. Значит, ошиблись. Пришлось переделывать.

В результате угловой кусок с еловой веткой нам все-таки достался, но контур, из которого выезжал ящичек, тут же загорелся красным: это означало, что последнее, шестое, задание мы сделать не успели. Наш пазл перейдет к победителю.

– Ну вот, проиграли, – затянула Викусик.

– Просто не выиграли, – вздохнула я. И решительно прибавила: – В следующий раз постараемся быстрее, вот и все.

Главное – командный дух, говорит наш физрук. Особенно, если вы не победили.

Мы двинулись по лестнице на второй этаж к музыкальному залу. Если честно, от него осталось одно название да запертый на ключ рояль, на котором вот уже несколько лет не играли, – никто не умеет. Здесь у нас проходят всякие торжества, но, к сожалению, без музыки. Только

Topreading.ru

недавно я научилась немного играть на губной гармошке, но это не то.

В зале ярко горел свет. Вокруг рояля уже расположились Лялька с Виталиком, наша директор Ирина Андреевна и учитель рисования Ярослав Игоревич. Больше из взрослых никто не пришел, а команды потихоньку подтягивались, подходили и высыпали пазлы прямо на рояль. Здесь уже «фениксы», «фенриры», «драконы»… Кто же из них победил? Остальные опаздывают, значит – не они.

Одновременно появились две оставшиеся команды: «сколопендры» во главе с Юлькой и Наткины «орланы». Юлька сердито кинула пять фрагментов на рояль и отошла в сторону – они, как и мы, тоже не успели сделать последнее задание. А Натка и ее пацаны… Они тащили пазлы в руках! Когда я увидела, сколько у них кусков, сразу поняла, кто победитель. Мало того что они выполнили все свои задания и получили пазлы за те команды, которые не успели! Картинка обычно рассчитана на десять команд, значит, кусочков должно быть шестьдесят, оставшиеся механизм тоже выдает той команде, которая успевает справиться с шестым заданием. Но тут было явно не шестьдесят, а штук сто! И «орланы» буквально раздувались от гордости, волоча все это. Потому они и задержались, ведь ящичек маленький, выдает частями. Я видела, как взлетели вверх брови у Ирины Андреевны, как Юлька разинула рот, а Виталик застыл на месте. Кто-то во все горло заорал: «Вау-у!» Натка вздрогнула от этого крика и рассыпала пазлы.

И мы все дружно ломанулись их подбирать.

…А потом складывали картину прямо на полу потому что рояль оказался маловат. Но сначала тетя Лена, наша повариха, внесла огромное блюдо с вафлями и вручила команде победителей. Вообще-то, конечно, это не совсем честный приз, потому что «орланам» пришлось делиться с остальными – ведь эти остальные, то есть мы, ходили вокруг них хороводом и заглядывали в глаза. В результате пацанам из Наткиной команды досталось по одной штуке, а Натке вообще половинка, и то потому, что я успела вовремя ухватить последнюю вафлю перед носом у Юльки и поделилась с подругой. Но я никогда не видела Натку такой счастливой, как сегодня.

Вафли исчезли в один момент, и мы занялись картиной. Фрагментов оказалось сто двадцать – то есть в два раза больше, чем всегда! Ирина Андреевна и наш учитель тихо переговаривались – казалось, они тоже удивлены. Вообще этот механизм – загадочная штука. Никто не знает, кто и когда его сделал. Он просто всегда был.

– Слушайте, но это же не орлан, – подал голос Славка, когда полкартины было собрано. – Орлан либо птица, либо человек, а это…

Славка был прав. Человек, сложенный из кусочков, был с крыльями. Орланы так не могут: они либо одно, либо другое.

– Может, мы не туда их приставили? – подал голос Ванька, но его никто не поддержал. Видно же, что туда.

– А вот мы сейчас соберем, и Ирина Андреевна нам расскажет, да? – воскликнул Женек.

– Не знаю, ребята, – покачала головой директор. – Это что-то новое для меня.

– Как?!

– Так же неинтересно! – послышалось со всех сторон.

Topreading.ru

– Вы собирайте, собирайте, – подал голос Ярослав Игоревич. – Может, мы и так все поймем.

– Вы собирайте, собирайте, – подал голос Ярослав Игоревич. – Может, мы и так все поймем.

…Но мы не поняли. С собранного пазла на нас смотрели два воина, скрестившие мечи в поединке. Один из них был человеком с крыльями, другой – волшебником. Только у волшебников бывают такие плащи. А вокруг был лес – наш лес, с такими же соснами, рябинами и орешником.

Ирина Андреевна так и не рассказала легенду – утверждала, что не знает. И у орланов не спросишь – им нельзя рассказывать про игру. Никому нельзя. Никогда.

Картина была такой красивой, что мы дружно умоляли директора разрешить оставить ее до утра.

Но она, как всегда, не разрешила. Пришлось сломать. А так жалко!

После этого мы все отправились на ужин. Он и так сместился из-за игры. Поэтому почти сразу после ужина – спать.

Но меня это не расстроило. Потому что я-то сразу спать не собиралась, у меня было запланировано одно очень-очень важное дело.

Глава вторая,

в которой мы поближе знакомимся с Аней Пчелкиной

Аня

Наш интернат «Зеленый угол» построен у самого леса. Здесь чистый воздух и тихо, только кричат на деревьях сойки да стрекочут кузнечики по ночам. Здание, в котором мы живем, – старинное, с колоннами у входа, ажурным крыльцом и высокими полукруглыми окнами. Правда его давно уже не ремонтировали, и какого цвета раньше были стены – непонятно. Сейчас они бурые, с потеками от дождевой воды.

На башенке нашего интерната – она у нас одна, над центральными воротами, – торчит флюгер. Что он означает, я не знаю – какой-то двуногий карандаш и странная полукруглая линейка. От ветра он крутится и издает тихие звуки.

Говорят, все улицы нашего острова ведут в центр, где находится площадь.

Большие часы на площади играют мрачный марш. Сегодня мне пришло в голову: а что, если заставить их играть что-то другое? Ну хотя бы колыбельную, которую няньки поют младшим в интернате? «Крошка, спи, погасли свечи». Никто так и не смог сказать мне, что же такое «свечи». Видимо, что-то типа солнц, только их много и они маленькие. Это песня про другой мир, в ней не очень понятные слова. Но музыка красивая, вот бы часы играли ее! Думаю, я смогу изменить мелодию, если только взять губную гармошку. Один раз у меня получилось изменить отвратительный скрип входной двери на дилинь-дилинь. Никто не знал, что это я, все решили, что привратник наконец-то поменял пружину. А привратник и вовсе не заметил, он глуховат.

Topreading.ru

Самое сложное – улизнуть из интерната. Девчонки спят крепко, но в спальню может заглянуть дежурная. Придется сотворить сопелку.

В начале осени у меня всегда немножко насморк, воспитатели говорят – аллергия, но никто не знает, что это и как от этого избавиться. Я привыкла. Только Юлька раньше жаловалась, что по ночам я соплю и не даю ей уснуть, хотя мне казалось, что она быстро засыпает. Но, после того как Маша поменялась с ней кроватями, Юлька спит в дальнем от меня углу, и мой насморк ей больше не мешает. А Машу даже пушкой не разбудить. Что такое пушка, тоже никто не знает, но так говорят.

Лучше всего было бы сделать сопелку из будильника. В прошлый раз я засунула будильник под одеяло вместе с курткой, чтоб было похоже, будто я накрылась с головой, потом посвистела ему, и он так классно сопел! Когда дежурная заглядывает в палату, она не подходит к каждой кровати. Юльку видно от двери, Маша никуда не денется, она очень послушная. Опасаться можно только за меня. Но мое аллергическое сопение – гарантия того, что я на месте. А в тот раз, когда сопел будильник, я бегала в лес слушать дрозда. В городе дрозды не поют, а в лес ночью бегать нельзя. Приходится делать это тайком.

Но вчера Юлька, когда подметала, двинула стол, будильник упал и разлетелся на детальки. Он и так-то чудом работал, потому что был очень старым, ведь я нашла его в кладовке среди хлама. Бестолковая Юлька, от нее одни неприятности! Починить я уж точно не смогу, но мне пришла в голову идея: взять в кружке авиамоделирования, у мальчишек, моторчик, он умеет жужжать. А если ему посвистеть, он тоже начнет сопеть, я уверена. Главное – завтра вовремя вернуть его на место, пока не хватились.

Я так и сделала. Стянула моторчик, когда пришла возвращать Славке «змейку». «Змейка» хорошая штука, из нее можно складывать всякие фигуры, но для сопелки она не годится – не звучит. Славка кивнул и даже не посмотрел, как я кладу змейку на стол. Ну я и воспользовалась – взяла, что мне нужно, и побыстрей свалила. Всю игру я не вспоминала об этом. Но как только девчонки уснули, запустила моторчик, посвистела и, стоило ему перестать жужжать, изобразила сопение. Мой план сработал! Заряда хватит минут на тридцать. Надо успеть сбегать на площадь – тут рукой подать, – переучить часы и вернуться.

Перед выходом я достала из тумбочки маленькое зеркальце. На меня глянула худенькая девчонка с всклокоченными светлыми патлами, ртом до ушей, серыми глазами и длинными-длинными пальцами.

Да, это я, Анна Пчелкина, Насекомое, – так меня называют некоторые учителя, да и дети тоже. Кто-то зовет ласково, по-дружески, кто-то – обидно. Но я привыкла.

Фамилию мне дали в интернате – говорят, я жужжала, не переставая, как надоедливая муха. Но мальчик по фамилии Мухин в «Зеленом углу» уже был – Славка. Причем у него фамилия настоящая, от родителей. Сам Славка на муху ничуть не похож: молчаливый и скромный. И внешне вроде тоже ничего от вредной летающей букашки нет: глаза печальные, светло-голубые, волосы русые, всегда причесаны, уши слегка торчат. Славка как Славка, в общем.

Ну а меня сделали Пчелкиной…

Я пригладила волосы и убрала зеркальце на место.

Сунув в карман толстовки губную гармошку, вылезла в окно, осторожно прошла по карнизу, прижимаясь спиной к стене, и, лишь добравшись до соседнего окна, остановилась передохнуть. Это и следующие два – окна музыкального зала.

К среднему окну тянет ветви толстое корявое дерево, очень удачно растущее именно здесь, поскольку по стволу можно влезть на крышу. Сюда не выходят окна учительских спален – надеюсь, меня не увидят.

Я ухватилась за ветки, подтянулась – оп! Вот и ствол. Еще немного ловкости – и крыша в моем распоряжении. Осталось только добежать, пригнувшись, до противоположного края, где закреплена пожарная лестница, с которой легко и удобно спускаться в переулок, – он-то и выходит на площадь.

Лестница оказалась жутко ржавой, недавние дожди полностью смыли остатки краски, и теперь все руки, а главное – спортивные штаны у меня в рыжих пятнах. Это очень плохо, надо как-то ликвидировать улики. Слово «улики» мне очень нравится, оно из рассказов про преступников и сыщиков. Мальчишки знают множество таких историй, особенно интересно их рассказывал Славкин друг, Димка, который, к сожалению, пропал несколько месяцев назад. Не вернулся с прогулки, и даже юниорполиция его не нашла. Я слышала, как воспитательницы шептались: «Вампиры!» Но я не верю. Чтоб вампиры утащили такого здорового лба? Да он бы им навешал в два счета! И кто пустит вампиров в черту города? Если они вообще еще не перевелись. Раньше жили в нашем лесу, я даже видела одного, но когда это было!

В переулке грязно – такое ощущение, что сюда вываливают мусор прямо из окон. Поэтому нас почти не выпускают одних в город, чтоб не подхватили заразу. Но мы все равно бегаем, конечно. Невозможно сидеть постоянно в интернате. Раньше, говорят, существовали какие-то больницы, где людей лечили, но теперь этого нет. Мы болеем редко, но уж если это происходит – настоящий кошмар.

Площадь вымощена круглым булыжником, на таком только сбивать ноги. Дома здесь старые, хотя и красивые, их тоже давно не ремонтировали. Чинят только часы на башне, мэр города почему-то ими очень гордится. Лучше бы не чинили: до поломки они играли музыку, которая называлась странно: «Эниомориконе», но нравилась мне больше. А теперь этот дурацкий марш.

Ночью людей на площади нет, что им тут делать. Разве случайно забредет поздний прохожий. Никаких преступников и вампиров здесь тоже быть не может, город охраняет полиция – ночной патруль, так их называют. Темнеет, но пока все видно, и фонари еще не горят – мэр экономит электричество. Включат, только когда наступит полная темень. Башня с часами сложена из красного камня. Во всем городе такая только она да еще кусок крепостной стены – я знаю. Остров небольшой, и мы облазили его весь вдоль и поперек, не считая города за Воротами. Туда не попасть. Мы пытались, но ворота бьются током, не сильно, но неприятно. По правде сказать, я вообще не уверена, что за высоким гладким забором, которым огорожена часть острова, есть какой-то город. Если это так, почему не видно крыш домов? Да, забор высокий, но на острове есть дома повыше его. Как бы то ни было, никто не называет это место «неизвестно-что-за-забором». Все говорят «город за Воротами» или просто «новый город».

Я встала напротив башни и задрала голову: часы висят высоко.

Но это не должно было мне помешать.

Достав губную гармошку я стала старательно выводить мелодию той самой колыбельной, которую целую неделю тщательно разучивала. Часы начнут звонить через пару минут. Если они откликнутся на мою музыку все получится. Я дула, не жалея легких, ведь звуки должны быть не только чистыми, но и громкими. Наконец выбилась из сил. Теперь оставалось только ждать. Секунды тянулись медленно… Но вот наконец раздался первый тягучий удар и, к моей

радости, с башни полилась мелодия колыбельной. Я запрыгала, захлопала в ладоши, затанцевала, ничего не замечая вокруг.

Внезапно кто-то схватил меня за плечи. Я вскрикнула от неожиданности. За спиной стоял незнакомый мальчишка – худой, исцарапанный, лет четырнадцати-пятнадцати, черные глаза так и сверкают на чумазом лице. Он был не из «Зеленого угла». И вообще, кажется, не из нашего городка. Тех немногих детей, что жили в семьях, я знала в лицо, этого же не видела ни разу.

– Ты – техно? – требовательно спросил мальчишка.

– Что? – удивилась я.

– Ладно, разберемся. Бежим, сейчас налетят орланы.

И, увлекая меня за руку, он бросился в переулок, противоположный тому, откуда я пришла.

– Стой, куда ты! Интернат – там!

– Сейчас не попасть в интернат, они тебя поймают. Молчи, а то быстро устанешь, все вопросы потом.

Мы бежали как сумасшедшие, я ничего не понимала. Позади действительно слышались свистки и вой сирены. Мальчишка нарочно выбирал узкие извилистые переулки – в полете орланам удобно на открытых пространствах, а лавировать между домами они предпочтут, конечно, на своих двоих. Не то чтобы я боялась полиции – совсем нет, с чего бы? Но, столкнись мы с ними, меня привели бы в интернат под конвоем, пришлось бы объяснять, что я делала на площади, как ушла из спальни. И страшно не то, что недели на две лишили бы прогулок, а то, что разоблачили бы мою тактику и, главное, узнали про мои странные способности. И если в первом случае мне просто пришлось бы отказаться от такого удобного способа побега, то чем обернулось бы второе – неизвестно. Интуиция подсказывала: ничем хорошим.

Мы выбежали к самому заливу – я ни разу не гуляла одна так далеко. С учителями мы, конечно, были здесь много раз: купались, загорали на камнях, собирали раковины, даже пытались рисовать морские пейзажи.

Совсем стемнело, волны тихо пели, шурша о гальку. Из фонарей не горел ни один, и вода вдалеке казалась совершенно черной. Даже обломков скал, торчащих над водой сразу за буйками, не было видно. Луны тоже не было, только звезды висели низко, словно подглядывали за двумя непослушными детьми на берегу. Мальчишка подошел к воде умыться – он совершенно взмок, хотя был в майке и бриджах, не очень по сезону.

– Ты, в конце концов, скажешь, зачем в меня вцепился? – не выдержала я. – И кто ты вообще такой?

Мне тоже было жарко, я скинула толстовку, оставшись в футболке, и побрызгала водой на лицо.

– Сергей, – представился парень, на секунду перестав поливать голову водой из горстей. – А тебя как?..

– Анна. – Я пожала плечами.

Сергей выпрямился.

– Кто-нибудь знает, что ты так можешь?

– Как?

– Влиять на механизмы.

– Что-что? – поразилась я.

– Это ведь ты заставила часы играть другую музыку! Я видел!

– Да, но просто… Я умею слышать мелодии. В ветре. В воде. В скрипе качелей. Иногда могу их переделать, например, у пружины, у будильника. Или как сегодня – у больших часов…

– Да? – усмехнулся мальчишка. – А мелодию ветра ты можешь переделать? Или только часов и будильника?

Я растерялась. А ведь правда: мне никогда не приходило в голову переделать мелодию ветра или плеска воды. Или попробовать переучить птицу. Не приходило, но я откуда-то точно знала: не получилось бы.

– Ясно: не можешь, – заключил Сергей. – Так кто-нибудь знает или нет? Хоть один человек? Только не ври, Аня.

– Вот еще! – возмутилась я. – Во-первых, почему я должна неизвестно с кем откровенничать?

– Я ведь представился, – возразил парень.

Я фыркнула.

– Назвал имя, и что? Откуда ты взялся? Я всех на острове знаю!.. А во-вторых, мне скрывать нечего. Никто не знает. Если б я кому-нибудь сказала, тут же растрепали бы по всему интернату, у нас же скучно! А мне это надо? Мне это не надо! – заявила я, мысленно удивляясь, как это я так внезапно выложила все незнакомому человеку? В интернате столько времени скрывала от всех, даже от Славки, не говоря уже про девчонок, а тут – раз!

– Это ты молодец, – похвалил Сергей. – Правильно, что никто не знает. Потому что, если об этом услышат орланы, жизни тебе не будет. Слушай, тебе надо уйти из интерната насовсем. Только не сейчас.

– Ты что, сумасшедший? – Я покрутила пальцем у виска. – Куда?

Я стала натягивать толстовку и тут только обнаружила, что в кармане нет гармошки.

– Дохлый гоблин!

– Потеряла что-то? – понял Сергей.

– Гармошку!

– Это плохо. – Его голос помрачнел. – Если найдут орланы, начнут копать, тогда…

– Да что ты все каркаешь: «орланы, орланы»! Может, она здесь где-нибудь…

Орланы – это оборотни. У них есть свой остров, Рока-Алада. Там они гнездятся, там тренируют молодых. Нам доступ на их остров закрыт. Они же почему-то могут жить на Светлоярске и следить тут за порядком.

Я стала ползать на четвереньках в темноте, шаря руками вокруг. С таким же успехом можно искать черную кошку в темной комнате.

– Ладно, погоди.

Внезапно возле моей руки запрыгало пятнышко света. Я быстро обернулась.

– У тебя был фонарик? И ты до сих пор молчал!

– Не ори. Тут бывает береговая охрана, и светиться совсем не обязательно. Но раз дело важное, ничего не попишешь. Можешь посвистеть?

– Зачем?

Сергей вздохнул.

– Ты хочешь найти гармошку или нет? Посвисти что-нибудь, что ты на ней играла.

Я просвистела: «Крошка спи, погасли свечи».

И тут Сергей что-то сделал с фонариком. Я не поняла, что, но пятнышко света вдруг сорвалось с места и побежало вдоль берега, потом унеслось вперед, в сторону улицы, откуда мы пришли, покружило там, метнулось в сторону…

– Что это? Как это? – пробормотала я, поднимаясь на ноги.

– Я тоже техно, – нехотя ответил парень. – О, смотри!

Пятно замерло, а с того места, где оно остановилось, донесся еле слышный свист гармошки.

– Бежим, она там.

Мы со всех ног припустили к пятну, и точно – гармошка лежала между камней. Я подобрала ее и погладила. Сергей провел над пятном рукой, и оно снова стало «слушаться» фонарика, который, впрочем, хозяин тут же выключил.

– Спасибо! А как это ты, а? – Моему изумлению не было предела.

– Поговорим как-нибудь в другой раз. Уже глубокая ночь, тебя надо вернуть в интернат.

Сергей так и не захотел рассказать, где он живет и откуда появился. «Будешь много знать – голова будет болеть», – заявил он, и большую часть пути мы прошли молча. Орланы нам попались лишь однажды, но Сергей вовремя заметил свет их фонариков – я бы ни за что не разглядела с такого расстояния, – и мы благополучно свернули на другую улицу. Еще раз взяв с меня обещание никому ничего в интернате не рассказывать, – я бы и сама не стала, тоже мне, советчик, – он проводил меня до самого дерева под окном.

– Я должен убедиться, что ты добралась живой, – серьезно сказал он в ответ на мои заявления, что уж от ближайшего переулка спокойно могу дойти сама.

Ну и ладно. Хочется ему играть в охранника – пожалуйста. Я уже ухватилась за ствол, когда Сергей, наклонившись, прошептал мне в самое ухо:

– Если вдруг понадобится помощь – любая, – ищи меня там же, где сегодня.

– На площади? – уточнила я.

– В темноте, – еле слышно прошептал он. И буквально исчез. Я не успела заметить, как он ушел.

Стало немного не по себе, но я решила не придавать этому значения и полезла по стволу вверх.

Когда я оказалась в спальне, моторчик, конечно, давно сдох и не сопел. Но если дежурная и заходила, она ничего не заметила, иначе уже подняла бы на ноги весь «Зеленый угол».

Маша мирно спала, обняв подушку. А вот Юлька…

Я бесшумно разделась, повесила штаны и толстовку на спинку стула и нырнула под одеяло.

Я давно живу с Машей и Юлькой в одной комнате. Различаю их по звуку шагов. По звону их ложек о чашки могу определить настроение: скука, грусть, радость, нетерпение или просто дуракаваляние. И уж конечно знаю, кто как дышит во сне. Или – когда притворяется спящим.

Судя по Юлькиному дыханию, она не спала. И, кажется, уже довольно давно. Ну и пусть, мне-то что. Небось опять воображает, что я ходила со Славкой в лес.

Я тоже долго не могла уснуть. Все думала про часы – у меня ведь получилось! Про Сергея… про его удивительные способности… Надо обязательно встретиться опять, разведать, что он еще может. Вдруг и я чему-нибудь научусь.

Так, ворочаясь с боку на бок и думая про интересное, я, наконец, заснула.

Глава третья,

в которой неожиданно слишком много воды

Аня

Утром меня разбудил радостный визг девчонок в коридоре. Не выспавшаяся после ночного приключения, я с трудом разлепила веки и, кое-как одевшись, выползла на галерею, куда выходят все двери на втором этаже. Преграждая мне дорогу, бежал тоненький ручеек. Мелкота из младшей группы шлепала по воде ногами, расшвыривая брызги во все стороны, и веселилась.

– Что это? Откуда? – закричала я.

Девочки, разумеется, не знали. Я бросилась в сторону, откуда начиналось наводнение. Нетрудно было догадаться, что след приведет в душевую. Из-под двери бежала вода, стоило распахнуть дверь – и навстречу хлынул целый поток. Девчонки, следовавшие за мной по пятам, завизжали еще радостнее и громче.

Topreading.ru

– Это совсем не весело, – строго сказала я. – Вы ведь не хотите, чтоб мы все утонули?

Девочки притихли и замотали головами. Тогда я послала более сообразительную позвать кого-нибудь из взрослых, и та сразу умчалась выполнять поручение.

– А ты сбегай за старшими мальчиками, – на всякий случай отправила я и вторую. Неизвестно, кого найдут быстрее.

После чего храбро двинулась в душевую.

Воды здесь было по щиколотку – с учетом того, что часть уже разлилась по коридору. У стены, посередине между кабинками, от пола почти до потолка хлестал огромный фонтан. Я не сразу поняла, откуда он взялся. Стоило подойти ближе, и все стало ясно. Там тянулась узкая труба с холодной водой. Труба была очень ржавой, и рано или поздно ее должно было прорвать. Судя по размерам потопа, это произошло еще ночью либо на рассвете. Я подняла голову. Какое счастье, что не прорвало ту широкую трубу с кипятком, как однажды случилось на кухне. У поварихи тети Лены потом очень долго не проходили ожоги.

Дырочка в трубе была маленькой, я легко заткнула ее пальцем, и фонтан тут же отключился. Но вот беда: стоять вниз головой и кверху… другой частью тела было очень неудобно, а на помощь что-то никто не спешил. Пожалев, что не поискала сначала хотя бы тряпку, я начала активно осматриваться, насколько позволяла моя поза. Заметив тряпку и ведро в дальнем углу, я, секунду поразмыслив, отпустила зажатое отверстие и устремилась туда. Но в этот самый момент в душевую ворвалась целая толпа – филологичка Даша, старшие девочки и малявки всей кучей, то есть совсем не те люди, которых я надеялась тут увидеть. А поскольку бежала Даша всю дорогу очень быстро и впереди всех, она-то и попала под фонтан в тот момент, когда я отпустила трубу. А так как росту она была невысокого, ее окатило с ног до головы. От неожиданности я даже остановилась.

– О мой бог, – только и сказала Даша, стряхивая с себя воду. – Дайте же кто-нибудь тряпку.

Я опомнилась и кинулась к ведру. Тем временем Лиза и Викусик Нагорные прижали дырку ладонями – разумеется, вдвоем, одна рука поверх другой. Маша выгоняла малышей из душевой, Лялька отряхивала воспитательницу, остальные в растерянности толпились рядом.

– Погодите, не отпускайте! – предупредила я сестер, присаживаясь рядом на корточки с тряпкой наготове. – Отпустите по моей команде.

Так они и сделали, – но нас это не спасло. Перевязать куском ветоши бьющий фонтан оказалось невозможно, мы втроем только вымокли до нитки, пытаясь это сделать. Викусик сразу заверещала: она не любит мокнуть. Под дождь только под зонтом выходит.

– Трубу надо перекрыть, – подала голос филологичка.

– Конечно надо! Где пацаны, где дядя Коля? – воскликнула я, все еще сражаясь с фонтаном. В конце концов, мне это надоело, и я снова заткнула дырку большим пальцем.

В прошлый раз трубу в два счета перекрыл привратник (он же слесарь, электрик, плотник и шофер нашего интерната. Он же муж тети Лены и папа Виталика).

– Ты забыла? – ехидно спросила Юлька. – Сегодня день привоза. Все ушли на пристань.

Ах да! Я действительно забыла. Пятого числа, раз в месяц, приходит паром и привозит нам

разные нужные вещи. Но обычно дядя Коля берет с собой одного из старших мальчишек, чтоб быстрее, а в начале и конце учебного года, когда привоз особенно крупный, с ними едет директриса. Они отправляются к пристани на интернатской машинке и оборачиваются за каких-нибудь полчаса.

– Зачем же ушли все? – додумала я свою мысль вслух.

– Мафынка сломалась, – важно ответил самый младший из мальчиков Никитка, опять заглянувший в душевую.

– Да, – подтвердила филологичка Даша. – Поэтому пришлось идти всем, чтобы сразу взять весь груз. Ведь пешком не быстро, а паром ждать не будет. Сегодня просто день чрезвычайных происшествий. Девочки, надо спуститься в кухню, там есть еще ведра и тряпки, все равно придется вычерпывать всю эту воду.

– Я пойду! – вызвалась Натка и тут же зашлепала вон из душевой, на ходу скручивая длинные волосы в пучок и закалывая шпилькой.

Даша командовала дальше:

– Лиза и Вика, смените Аню, у нее уже рука устала. Осторожно, не облейтесь. Давайте будем меняться, пока не перекроют трубу.

– Но… мы же не можем стоять тут, пока они не вернутся! – в ужасе воскликнула я. – Может быть, кто-то из нас это сделает?

И тут же оглядела пеструю компанию. Мокрая насквозь филологичка, которая хорошо разбирается в стихах, но вряд ли что-то понимает в трубах.

Лизу с Викусиком – даже если сестер кто-то сменит – искать кран лучше не посылать, они переругаются по дороге. Чудо, что до сих пор этого не случилось. Словно услышав мои мысли, сестры тут же начали пихаться, воюя за первенство у трубы.

Маша не в счет, она, наконец, увела подальше мелких, к облегчению воспитательницы. Юльке я бы не доверила такое важное дело.

Остается Лялька…

– Аня, ты права, – вдруг услышала я голос филологички. – Ты самая разумная, сходи, пожалуйста, в подвал, поищи там кран. Это должно был под лестницей, рядом с библиотекой.

Ну что ж, сама напросилась. Кое-как отжав совершенно мокрую футболку, я вышла из душевой, столкнувшись в дверях с Наткой. И только успела услышать, как Нагорных на посту меняет Лялька.

Говорят, когда-то мэр жил в центральном доме на площади. Но сейчас этот дом пришел в такое жалкое состояние, что в нем не мог жить не только мэр, но даже дворник. О да, в городе имелся дворник! Он вместе с семьей обитал в крошечном, но симпатичном белом домике в одном из примыкающих к площади переулков. Жена дворника недавно побелила домик мелом, который получали из остатков ракушек, уж этого добра в приморском городке водилось с избытком. В отличие от большинства жителей острова, у дворника была работа – мэр платил ему деньги за то, что он убирал мусор с улиц и подметал площадь. Это позволяло дворнику воспитывать дома единственного сына, не отдавая его в интернат. У многих горожан

Topreading.ru

возможности зарабатывать не было: они получали крохотное пособие, только чтобы прокормить себя и время от времени как-то обновить одежду. На острове были и пекарь, и портной. И даже лодочник. Они тоже могли зарабатывать и жить с детьми, но зарабатывали мало, потому что людей, способных платить, на Светлоярске становилось все меньше.

А мэру построили дом на берегу залива. И построили явно не здешние мастера. Во-первых, потому что дом очень отличался от всех остальных зданий: у него не было ни башенок, ни стрельчатых или полукруглых окон, ни колонн – да вообще ничего красивого. Зато он был новый: прямоугольный, с зеркальными стеклами, с садом на крыше. Во-вторых, дом был в кратчайший срок свинчен из нескольких блоков, привезенных большим кораблем, – на том же корабле приплыли и смуглые строители в одинаковых комбинезонах; по окончании работ тот же корабль увез их обратно.

В этом домике у моря мэр не только жил, но и работал – так поступали многие правители, чтобы сберечь время и не обзаводиться слишком большой охраной.

И сейчас мэр восседал в мягком вертящемся кресле, привезенном на остров вместе с домом, поскольку мебельная фабрика давно закрылась, а местные мастера умели делать разве что табуретки, столы, рамы для кроватей и шкафы, но никак не мягкие кожаные кресла.

Ослабив узел галстука и расстегнув верхнюю пуговицу, упитанный мэр постукивал ручкой по столешнице дорогого дерева. Начальник охраны стоял перед ним навытяжку.

– Что там за история с часами? Случайность или кто-то постарался?

– Выясняем, господин мэр. Пока причина не установлена. Сегодня уже все в порядке: часы снова играют Имперский марш, – отвечал охранник.

– «В порядке!» Все-то у вас «в порядке», – проворчал мэр. – А вот я в этом не уверен. Надеюсь, вы не забыли, зачем я здесь поставлен? Не допускать возвращения техно!

– Я думаю, это все же случайность, – не очень уверенным голосом произнес начальник охраны. – Рандомный выбор, не более. Скорее всего в результате недавней починки…

– Что вы тут терминами бросаетесь? «Рандомный»! Говорите нормальным языком. – Мэр с недовольным видом откинулся на спинку кресла. – Будет очень неприятно, если орланы разнюхают что-то, чего не знаем мы. Тогда меня попросят отсюда. А вместе со мной – и вас.

– Мой долг – служить Империи, – отчеканил начальник охраны, щелкнув каблуками.

– Ну так идите и служите, – устало махнул рукой мэр.

Когда начальник охраны вышел, он еще долго бормотал что-то про «тупого солдафона» и чье-то нежелание работать. Потом нажал кнопку внутреннего вызова:

– Зайдите ко мне.

Вошла секретарша с блокнотом – немолодая усталая женщина. Мэр посмотрел на нее с грустью. Он с удовольствием поменял бы эту секретаршу на другую, помоложе и покрасивее, но не было возможности. Молодежь не умеет писать без ошибок, и тем более – печатать. Не говоря уж о том, что островитяне в глаза не видели такую вещь, как компьютер. Единственный компьютер, точнее, ноутбук, лежал в сейфе под кодовым замком и выдавался секретарше

только тогда, когда было нужно составить письмо. Сам мэр смотрел на нем почту и новости с Центрального острова. Конечно, он предпочел бы знать, что делается на материках, но руководство архипелага не разрешало. Пока. Но мэр не терял надежду…

– Во сколько у меня сегодня встреча с горожанами? – пробурчал он, со скукой глядя в потолок.

Женщина глянула в блокнот:

– В восемнадцать часов на сцене летнего театра, господин мэр.

Мэр хмыкнул:

– Можно подумать, у нас есть еще зимний театр. Осенний театр, весенний театр. – Он все больше раздражался и не замечал, что размахивает руками. – Ответы подготовили? Опять ведь будут задавать те же вопросы.

– Конечно, господин мэр. – Женщина опустила взгляд.

– И еще. Ваша дочь, я надеюсь, делает то, что поручено? Сейчас это важно как никогда.

– О, не беспокойтесь, – заверила секретарь.

– Как я могу не беспокоиться, – взорвался мэр и хлопнул ладонью по столу. – Дети, дети! Дети подросли, неужели непонятно? Не сегодня завтра в ком-то из них может проснуться техноволшебник – и меня призовут к ответу. А вас с вашей дочерью, если что, выкинут на улицу. Так что на вашем месте я бы беспокоился.

Лицо женщины пошло красными пятнами.

– Д-да, конечно. Мы все сделаем как следует, господин мэр.

– Надеюсь на это. Идите пока. И сделайте мне мохито со льдом.

Когда секретарша вышла, мэр встал и включил вентилятор, заходил по комнате.

– И прозябаю же я в этой дыре, – процедил он сквозь зубы. Вытер платком пот со лба. – Но зато я здесь мэр! А там буду – никто.

Аня

Спускаясь по лестнице, я почуяла вкусные запахи из кухни. А ведь мы все сегодня даже не завтракали из-за этого потопа! Ну ничего, главное – быстрее закончить, а там и остальные вернутся.

Ключ от подвала висит всегда на гвоздике на самом видном месте, поскольку никаких секретов за дверью не скрывается. Отперев замок, я нашарила тут же сбоку висящий фонарик, включила и отправилась вдоль стены на поиски крана. Трубу найти было несложно, она тянулась на той же высоте от пола, что и в душевой. Кран – вернее, вентиль, – я тоже отыскала довольно быстро. Он действительно был под черной лестницей, которая вела из подвала в сушилку – на чердак. Но с вентилем пришлось повозиться, поскольку он изрядно заржавел и отчаянно сопротивлялся. Упираясь ногами в стену и пыхтя, я в конце концов завернула его максимально вправо, после чего плюхнулась прямо на пол отдохнуть. И вдруг снаружи щелкнул замок! Я сначала не поверила. Потом вскочила и бросилась к выходу. Так и есть: заперто.

– Эй, откройте, здесь я! – крикнула я, замолотив ногами в дверь.

Никакого эффекта.

– Эй, что за шутки?

Я стучала, и кричала, и трясла ручку. Но снаружи как будто все вымерли.

– Да что ж это такое! – сказала я вслух и с досады пнула дверь в последний раз. Конечно, что удивляться: девчонки с воспитательницей сейчас усиленно вытирают пол, тетя Лена занята готовкой и не слышит, а Маша с мелкими может быть где угодно. Скорее всего – на улице. А дверь вполне могла захлопнуться от сквозняка.

Оглядываясь по сторонам и соображая, что же делать, я вдруг заметила, что из-под двери, ведущей в библиотеку, пробивается свет. Ища вентиль, я смотрела только на трубы, поэтому сразу и не обратила внимания. Какой же умник забыл погасить лампочку? Женек со своими «фенрирами»! Ну конечно, они вчера последними были в подвале. Я толкнула дверь и вошла в тесное помещение. Библиотека представляла собой склад, книги высились стопками у стен. Именно сюда мы перетащили их из той комнаты, где провалился пол. Шкафы пришлось оставить на месте, они все равно не влезли бы в эту каморку. Жалко, что теперь книжки лежат в пыли. Больше всего тут совсем детских: сказки, раскраски, про птичек, про собачек. Немножко учебников для начальной школы: буквари, прописи, природоведение. Для нас – домоводство, для мальчишек – столярное дело. И еще есть про любовь и про пиратов – эти читаны-перечитаны. А вот, в углу, учебники по физкультуре – это так смешно! Ну как можно учить физкультуру по учебникам, когда у нас такой замечательный физрук Саша. То есть дядя Саша, но старшим он разрешает обходиться без «дяди». Мы зимой с ним даже на лыжах ходим, хотя снег бывает редко.

Я провела рукой по корешкам: «Физкультура», «Физкультура», «Физика», «Физкультура»…

Стоп. Почему этот называется «Физика»? Приподняв два верхних в стопке учебника, я вытащила третий. «Физика. Десятый класс, – значилось на обложке. – Механика. Теория относительности. Электродинамика. Колебания и волны». Я начала листать книжку. Непонятные картинки. Незнакомые слова. Хотя…

Я перевернула очередную страницу.

Руны.

Это же руны! И заклинания! И еще всякое… Неужели я нашла волшебную книгу?!

Сердце заколотилось сильно-сильно, и я захлопнула учебник. Множество мыслей, обгоняя друг друга, мелькали в моей голове. Если это правда волшебная книга, то это же… Это же…

Но как странно она называется! И почему на ней написано «Десятый класс»? В школе не бывает больше девяти классов. Потом дети либо начинают работать с родителями, чтобы со временем занять их место – шить одежду, ловить рыбу, печь булочки. Либо остаются здесь воспитателями, как Даша и физрук. Либо… пропадают. Как Димка. А ведь до Димки пропадали и другие дети, просто это было давно и подзабылось.

А может, раньше был десятый класс, и в нем учили волшебству? Почему же сейчас не учат? Я еще повертела книгу в руках, размышляя над этим странным обстоятельством, потом сунула под футболку, выключила свет и вылетела из библиотеки. Это надо обдумать. Как следует

обдумать. И спросить у кого-нибудь. Почему нам ничего не говорят? Скорее всего, учебник попал в эту стопку случайно, у него такой же белый корешок, как у физкультурного, а их никто никогда не читает. Возможно, он очутился среди них давным-давно. Но ведь откуда-то же он взялся!

Я остановилась перевести дыхание. Так нельзя, надо успокоиться. У меня еще будет время выяснить, откуда взялся учебник волшебной физики, а сейчас надо выйти из подвала.

Я еще пару раз ударила в дверь – безрезультатно. Впрочем, зачем тарабанить? Проще подняться на чердак и крикнуть оттуда. Наверняка наши уже вернулись, и будет кому услышать меня с улицы.

На секунду я задержалась, разглядывая замочную скважину. Наверное, я могла бы вспомнить мелодию замка – ведь мы регулярно пользуемся этой дверью, чтобы попасть с бельем на чердак, – насвистеть и открыть… Но я тут же выкинула эту мысль из головы. Сергей же предупреждал: никому не показывать свое умение. А если я на глазах у всех выйду из запертого подвала (с учебником неведомой физики под мокрой футболкой), это будет слишком… нестандартно.

Придется тащиться наверх.

«И кто только придумал сделать лестницу, которая не ведет никуда, кроме подвала и сушилки?» – думала я, топая по ступеням. Вот наконец и чердак. Хорошо бы повесить сушиться футболку, только в чем я выйду?

Я распахнула слуховое окно и выглянула наружу. Отсюда был виден кусок переулка, по которому как раз шагали все наши с ящиками и коробками в руках. Сейчас они завернут за угол и пройдут с другой стороны через главные ворота. Меня не услышат, кричать бессмысленно. К счастью, на спортплощадку высыпали малыши вместе с Машей – видимо, она уже успела покормить их завтраком. Я набрала побольше воздуха и приготовилась заорать, как вдруг в небе, прямо над нашим домом, мелькнула крылатая тень. Крик застрял у меня в горле. Птица плавно снижалась, делая большие круги, пролетела мимо моего окна, наконец спустилась и ударилась о землю. Малыши не оставили своих игр, когда орлан поднялся на ноги и ринулся в интернат через распахнутую дверь кухни как к себе домой. Юниор-полицейские для всех нас – не редкость. Патруль постоянно кружит над городом – над побережьем, над площадью, над парком у летнего театра. Но у нас они недавно уже были. Зачем этот новый визит? Неужели из-за вчерашнего происшествия? И почему-то орлан только один, такого раньше не случалось.

Пока я предавалась размышлениям, внизу наконец-то запел замок.

– Не закрывайте! – крикнула я в лестничный пролет и чуть не кубарем скатилась вниз.

– Не закрывайте! – крикнула я в лестничный пролет и чуть не кубарем скатилась вниз.

А потом остановилась как вкопанная.

У выхода из подвала стояли наш привратник и комиссар юниор-полиции.

– Ну здравствуй, девочка, – сказал полицейский, впившись в меня взглядом.

В его лице, пожалуй, нет ничего птичьего. Но вот глаза… Так смотрят, мне кажется, хищники,

перед тем как броситься.

– А я… тут… трубу перекрыла, – промямлила я, лишь бы не молчать.

– Сама перекрыла трубу? – с интересом уточнил орлан.

– Ну… да.

А что я еще могла сказать?

– Аня, ты же вся мокрая, а у тебя и так насморк. Марш переодеваться! – прикрикнул дядя Коля, выводя меня из оцепенения.

Исполненная благодарности к нему, я со всех ног бросилась подальше от этого страшного места.

В спальне растрепанная Юлька заплетала косу.

– Где ты была? – напустилась она на меня. – Мы там из сил выбились, пока вычерпали всю эту воду а ты балду пинала?

Первой мыслью было дернуть ее за косу. Но у меня под футболкой прятался волшебный учебник физики, который вряд ли стоило показывать Юльке.

– Вообще-то дверь захлопнулась, пока я в подвале возилась с краном. Думаешь, так просто закрутить воду? И кстати, не ты ли помогла ей захлопнуться, а?

Лучшая защита – это ведь нападение. Как учит наш физрук: главное, не давать противнику опомниться. Но Юлька тоже училась у нашего физрука. Она уперла руки в боки и применила другой принцип: «Делай лицо».

– Нет, не я! – ехидно заявила она. – Но большое спасибо этому человеку, потому что так тебе и надо!

– Да? – Я пожала плечами. – Ну так чем же ты недовольна?

Я спокойно направилась к своей кровати переодеваться. А Юлька еще пару секунд морщилась, видимо сообразив, что сказала что-то не то.

– А где ты ночью была, Насекомое?

Этот вопрос ткнулся в спину моей клетчатой рубашки, когда я уже праздновала победу. Оказалось – рано. К счастью, волшебную книгу я успела спрятать в тумбочку, а вот с ходу придумать логичное объяснение ночной отлучке не получалось. Застегивая верхнюю пуговицу я повернулась к Юльке:

– Во-первых, мне некогда, потому что я хочу есть и иду в столовую. Во-вторых, тебе какое дело?

Я решительным шагом направилась вон из комнаты.

– Да я тоже туда иду, – пропела Юлька. – И можешь не говорить, я и так знаю, где ты была. И с кем.

При этих словах мое сердце отчаянно застучало. Она знает про Сергея? Но откуда?

Topreading.ru

Пока я лихорадочно соображала, что бы ей ответить, мы уже дошли до столовой. Навстречу нам вышел физрук Саша.

– После завтрака бегом на рисование, а потом будет физкультура. Не перепутайте.

И он быстро ушел.

Это еще почему, интересно? Мы же должны были сегодня писать диктант. Неужели из-за того, что орлан здесь? Стоит им прилететь – тут же происходят изменения к худшему. Как-то раз – и навсегда – запретили собирать в лесу растения для гербария. Вроде как там опасно. А что там опасного? По-моему, там нет никого, кроме птиц, духов и, возможно, одинокого беззубого вампира.

Глава четвертая,

в которой говорится о том, что мир способен поместиться внутри шарика

Директору интерната Ирине Андреевне Карабановой было лет тридцать с небольшим. Все старшие девчонки завидовали ее густым иссиня-черным волосам, кудрявым ресницам и нереально тонкой талии. Ирину Андреевну можно было бы назвать ослепительной красавицей, если бы не покалеченная нога, из-за которой она сильно хромала.

Хромота была первой причиной, по которой директор не пошла на пристань. А второй причиной было то, что с самого утра Караванова ждала визита орланов и готовилась к нему. Она даже не приняла участия в ликвидации наводнения, хотя дом, в котором интернат ютился уже почти пятнадцать лет, был аварийным, и вода могла окончательно испортить паркет, а заменить его было нечем. Хотя они вообще могли остаться без крова. У Ирины Андреевны затеплилась было слабая надежда, что благодаря этому происшествию власти войдут, наконец, в бедственное положение интерната и предоставят ему другой дом, получше. Но надежда, не продержавшись и нескольких минут, умерла так же тихо и печально, как появилась. Мэру прекрасно известно, как обстоят дела, понимала Ирина Андреевна. И никто не поможет. Но это сейчас было не так важно.

Главное было другое. Колыбельную «Крошка, спи, погасли свечи», внезапно сыгранную поздно вечером курантами, слышал весь город. Ну, разве что, кроме детей, которые уже спали. Мелодия не взялась из ниоткуда, кто-то несомненно повлиял на часы. И это мог быть только один из ее воспитанников. Всякие случайности и пришельцы извне исключались.

Первое, что сделала Ирина Андреевна, услышав новую мелодию часов, – бросилась в спальни так быстро, как позволяла хромота. То есть, разумеется, она не стала врываться, словно фурия, в комнаты детей, будить их и требовать немедленного ответа. Она методично, без лишнего шума прошлась по всем спальням старших, а затем, на всякий случай, и младших. Мелкота, все десять человек, сопели в кроватях. А вот из двенадцати старшеклассников четверых на месте не было. Еще двое старательно изображали спящих. То есть к происшествию могла быть причастна добрая половина.

Ирина Андреевна вернулась в кабинет с головной болью и единственной мыслью: «Кто?»

Кого предстоит потерять следующим? Или – всех? Нет, не может быть.

Директор налила себе полчашки неразбавленного настоя валерианового корня и залпом

Topreading.ru

выпила. Потом встала перед окном, высматривая, не появится ли кто-то из детей на тропинке, и усиленно думая. Хуже всего было то, что, в отличие от прошлого раза, она совершенно не замечала ни в одном из подростков признаков техноволшебника. Просмотрела?

За дверью послышались шаги и тихий разговор. Ирина Андреевна с сильно бьющимся сердцем отошла от окна и выглянула в коридор. У дверей мальчишечьей спальни стояли Слава Мухин и его бабушка, прачка. Та поцеловала внука и спокойно направилась к лестнице, а мальчик скрылся за дверью. «Ну что ж, – с некоторым облегчением подумала директриса, – хотя бы один из четверых реабилитирован. Он, оказывается, был с бабушкой. Остаются трое».

Тут в окно осторожно постучали. Ирина Андреевна быстро обернулась. За стеклом, очевидно приставив к стене дома садовую лестницу, маячил физрук Саша и делал ей отчаянные знаки. Директор поспешила к окну подняла раму и учитель ловко перекинул ноги через подоконник.

– Александр Анатольевич, вы с ума сошли? – сердито прошептала директор. – Вы что, мальчишка?

Сказать по правде, Александру Анатольевичу было всего двадцать лет. Но это не имеет значения, когда ты учитель.

– Извините, Ирина Андреевна, но дело не терпит отлагательств, а по лестнице я подняться не рискнул, потому что меня пасет Даша. Прохода мне не дает.

– Что вы выдумываете? – всплеснула руками директор.

Физрук покачал головой:

– Увы, это правда. Вы слышали музыку? – тут же переключился он на главное. – Что делать будем? Не сгонять ли мне на площадь, как считаете?

– Плохая идея. Там наверняка орланы. Появиться на площади представителю интерната – все равно что расписаться в содеянном.

– А если сцапают нашего ребенка? – озабоченно спросил Саша.

– Ребенка… переведут от нас, – внезапно осипшим голосом ответила директриса. – А если с ребенком будет и преподаватель, ликвидируют всех. Ибо тогда акт будет расценен как целенаправленный… – У нее перехватило горло.

– …Преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору – закончил физрук.

– Не знаю, что вы такое цитируете, но по сути верно, – прокашлявшись, отозвалась директор. – Однако действовать надо. Вы можете осторожно выйти на улицу и покараулить? Если вдруг кто-то из них появится со стороны переулка…

– Кто-то из них?

– Троих нет в постелях. Двух девчонок и Жени.

– Женек, простите меня, на толчке. Опять перед сном налопался каких-то семян, теперь мучается.

– Слава богу! То есть я хотела сказать, жаль его, конечно, но это к лучшему. Значит, либо Юля, либо Ляля.

– Кто бы мог подумать… Ладно, я иду на улицу, а вы караульте тут. Кстати! На вашем месте я бы пошел в музыкальный зал. Там, знаете ли, перед окном растет дерево, с которого здорово влезать на крышу.

– Да, мне приходило это в голову. Так и поступлю.

Ни в музыкальном зале, ни на дереве никого не было. А вот в крайней спальне девочек обнаружилась Ляля в облегающей майке и короткой юбочке, слезающая с подоконника.

Увидев друг друга, девушка и директриса на мгновение остолбенели. Ирина Андреевна пришла в себя первой.

– Идем со мной, Ляля, – приказала она.

Девушка, опустив голову, подчинилась.

Едва прикрыв дверь своего кабинета, Ирина Андреевна сразу пошла в наступление.

– Ляля, скажи мне, где ты была? И главное, – директор сделала глубокий вдох, – расскажи, что ты делала.

Ляля покраснела с головы до ног, включая даже кожу под светлым ежиком волос. Она стояла, понурившись и теребя колечко пирсинга на левой брови.

Ляля покраснела с головы до ног, включая даже кожу под светлым ежиком волос. Она стояла, понурившись и теребя колечко пирсинга на левой брови.

– Послушай, я не собираюсь тебя наказывать, хотя стоило бы. Но дело серьезнее, чем ты думаешь, и опасность может грозить не только тебе. Слышишь?

Ляля молчала.

– Ты была на площади? Скажи мне! – потребовала директриса.

– Где?!

В глазах Ляли вспыхнуло такое искреннее изумление, что Ирина Андреевна почти удостоверилась, что девушка ни при чем.

– Я спрашиваю, была ли ты на площади. Пожалуйста, скажи правду, – уже спокойнее произнесла директриса.

– Нет, – недоуменно пожала плечами Ляля. – Честное слово, нет.

– Тогда где же ты была? – спросила сбитая с толку директриса.

Ляля опять замолчала и опустила голову.

– Послушай… – Директриса начала раздражаться. – Если ты не уходила с территории, почему ты не можешь ответить на простой вопрос? Тебе уже пятнадцать лет, ты взрослая девушка…

И тут у нее в голове словно что-то щелкнуло. А ведь и правда, девушке уже пятнадцать лет. А еще в интернате есть юноша, которому скоро шестнадцать. Остальные мальчишки младше как

Topreading.ru

минимум на три года…

– Виталик… – проговорила директриса.

Так вот почему он не спал. Ну конечно, их комнаты рядом, и девчонка просто прошлась по карнизу до соседнего окна.

– Вот я скажу его родителям…

– Не надо, зачем? – От Лялиной молчаливости не осталось и следа. – Мы же ничего не делали, просто разговаривали!

– И где же ты пряталась? Я ведь заходила, – усмех нулась Ирина Андреевна.

– Под кроватью, – прошептала Ляля.

Директриса провела ладонью по лицу. Еще и это! Подростковая любовь. Как некстати! В другое время директор интерната категорически сказала бы: «Нет! Никаких встреч после отбоя. Не в вашем возрасте». Но сейчас не та ситуация. Сейчас задача – выжить. Им всем. Любой ценой.

– Послушай, Ляля… – Ирина Андреевна устало опустилась на стул. Начала болеть нога. – Когда вам с Виталиком захочется поговорить, делайте это в музыкальном зале. Полчаса после отбоя – и не больше. Но никаких «под кроватью» в спальне. Ты слышишь?

Ляля недоверчиво и радостно взглянула на директрису:

– Можно?..

– Можно, – ответила та без эмоций. – А сейчас иди спать. И с Виталиком я еще побеседую.

– Спасибо, Ириночка Андреевна!

Ляля порывисто прижала руки к груди и бесшумно, как бабочка, упорхнула из кабинета.

«Мы живем, словно по законам военного времени, – подумала директриса, облокотившись о стол и подперев голову. – Вместо того чтобы нормально учиться, дети, будто малолетние преступники, изолированы от всего мира и даже не догадываются – за что…»

На этой веселой ноте измученная неизвестностью Ирина Андреевна заснула, пропустив и возвращение Юли, и визит физрука, спешившего сообщить, что на улице он никого не нашел, и уж тем более появление Ани Пчелкиной, об уходе которой она даже не догадывалась.

Вот почему утром, вскочив с рассветом, Ирина Андреевна тут же принялась обдумывать план действий. Пытать Юлю было бесполезно – директриса знала это по опыту. Вот если бы удалось застать девчонку с поличным – другое дело. А так она придумает тысячу правдоподобных версий от «ходила попить на кухню» до «лазила на дерево вернуть птенца в гнездо». И гнездо обязательно найдется. А уж взывать к совести, говорить о своем беспокойстве за других – дело и вовсе провальное. Нет, в первую очередь следовало подумать об орланах: раз они не навестили интернат среди ночи, значит, явятся днем. Надо было подготовиться.

Как назло, обсудить ситуацию хоть с кем-нибудь не получилось: сначала помешала сломанная машина, потом эта труба. И разумеется, явились все одновременно, включая орлана. Но когда юниор-полицейский вошел в интернат, Ирина Андреевна была к этому готова.

Прибыл сам комиссар юниор-полиции. Директриса ожидала допроса, обвинений, требований назвать имя, но орлан холодно сообщил ей, что намерен провести тест. Это означало, что надо готовить детей к двум урокам: рисованию и физкультуре.

Обычно тесты проводились раз в полгода, но сейчас учеба только началась. Следовательно, полицейский подозревал, что кто-то из детей причастен к истории с часами. Способа воздействия, видимо, он не знал и собирался искать. Что ж, она будет все время поблизости.

Где-то далеко…

Башня задевала верхушкой облака.

В комнатке под самой крышей, у квадратного столика, расположились двое. В кресле под окном – длиннобородый человек, а на спинке стула напротив – крупная летучая мышь.

Летучие мыши обычно не сидят на спинках стульев, предпочитая висеть под потолком, если уж вообще залетели в дом. Но это существо выглядело не так, как обычные летучие мыши. Оно явно прибыло в башню специально. И, судя по выражению глаз, не только не испытывало страха или смятения, но радо было пообщаться с человеком в кресле.

Жарко полыхал огонь в камине, пламя бросало отблески на каменный пол. Напротив висела картина, на ней двое скрестили мечи в поединке. Один из сражающихся выглядел несомненным волшебником, ведь только у волшебников бывают такие плащи. Правда, помимо плаща дерущийся был облачен в необыкновенную кольчугу, которая казалась сплетенной не из колец, как водится, а словно из мелких серебристых звездочек. Шлем оснащала целая система колесиков, с помощью которых не только поднималось забрало, но и раздвигались боковые стенки, превращая защитный головной убор в более открытый вариант. Таким же манером были устроены и наколенники. Противник вовсе не имел шлема, а его грудь защищали лишь три металлические пластины, сцепленные между собой. Впрочем, скудную экипировку с лихвой компенсировала маневренность: за спиной у человека топорщились два серых крыла.

Рядом с картиной возвышался, устремив вверх трубы, некий музыкальный инструмент. Если бы сидящим в комнате доводилось видеть орган, они, возможно, назвали бы инструмент именно так. Но дело в том, что инструмент играл самостоятельно, без музыканта. Тихие приятные звуки, напоминающие стройное пение корабельных снастей на ветру, наполняли комнату. Впрочем, собеседники до того привыкли к ним, что не обращали внимания.

– Твой ход, – проскрипел обладатель бороды.

Похоже, он нарочно старался говорить старческим голосом, желая выглядеть этаким столетним дубом. На самом же деле человек был еще не стар – его выдавал острый взгляд, которым он обводил игровую доску. Да-да, столешница представляла собой игровое поле, по всей поверхности которого были выдолблены лунки. Каждый из четырех углов был закрашен своим цветом: белым, фиолетовым, морской волны и серебристым. В цветных лунках торчали колышки того же цвета. Середина доски была пуста. Впрочем, один из колышков – серебристый – уже покинул свою лунку и продвинулся вперед.

Тяжело махнув крыльями, мышь вспорхнула, словно гигантская бабочка, и, зависнув над столом, быстро переставила лапой один из колышков цвета морской волны. Затем вернулась на облюбованную спинку.

– Ну и что дальше? – спросила она тоненьким, на грани слышимости, голоском. – Будешь

ходить за других тоже? Или один на один?

– Не в моих правилах совершать ходы за других, – хохотнул бородач. – Ты ход сделал, теперь снова я…

Он потянулся к следующему серебристому колышку, подумал пару секунд, затем быстро переставил его и, довольный, откинулся на спинку кресла.

– А известно ли тебе, что один из четырех зашевелился? – пропищала, а вернее, пропищал Мышь и сделал следующий ход тем же манером, что и предыдущий.

– Конечно. – Человек огладил бороду. – Но это пока ничего не значит, ты же знаешь. В прошлый раз мы ждали, надеялись, но ничего не произошло. Вспышка погасла, так и не разгоревшись в костер. – Он сделал очередной ход.

– Считаешь, ходока нет в живых? – Мышь наморщил лоб.

Это вышло у него так забавно, что соперник прыснул.

– Да нет, не думаю. Скорее, его просто вовремя убрали с поля.

– Что-то мне подсказывает, что на сей раз все иначе, – заявил Мышь, совершая ответный ход. – И скоро, наконец, подтянутся остальные.

– Я бы дал отрезать себе бороду, лишь бы твое мнение оказалось верным! – горячо воскликнул человек, не заставляя себя ждать.

– Не успеваю я за тобой, – недовольно воскликнул Мышь, вынужденный вновь подняться со спинки.

Его противник довольно захихикал.

– Сиди на доске.

– Я что тебе, филин? – буркнул Мышь. – Тут и уцепиться-то не за что.

Однако, кое-как растопырив лапы, он все же угнездился на краю стола, поводя ушами-кисточками.

Некоторое время соперники сражались молча. Колышки «прыгали» друг через друга, продвигаясь к противоположным углам доски.

– Оп, и занял! – пропищал Мышь с торжеством, блокируя своим колышком следующий ход противника.

– Оп, и рано радоваться! – в тон ему ответил бородач, меняя колышек врага на свой и таким образом убирая оба с поля.

Но он тут же поплатился за свою дерзость, потеряв возможность следующего хода.

Обидевшись друг на друга, противники какое-то время молчали, глядя в разные стороны.

Человек не выдержал первым:

Topreading.ru

– Ну опять никто не выиграл! Итог уже очевиден.

– А ты бы хотел, чтобы победили серебристые? – с интересом спросил Мышь, почесывая лапкой за ухом.

– Ты же знаешь, что нет, – пожал плечами бородач.

– Тогда почему бы тебе не помочь кому-нибудь из ходоков? Пока снова не передрались?

– И кому бы ты предпочел помочь? Мальчику, девочке, графу?

Мышь поскреб лапой столешницу.

– Но-но, не царапай! – забеспокоился человек. – Нет теперь мастеров, способных воссоздать такую доску.

– Почему ты не назвал четвертую сторону? – устремив взгляд в потолок, спросил Мышь.

Бородач усмехнулся:

– А ты уверен, что есть и четвертая сторона? Лично я – нет.

Мышь и человек одновременно тяжело вздох нули.

Аня

Шел дождь, и урок рисования мы провели в музыкальном зале.

Настоящих красок почти не осталось, паром с недавнего времени привозит все меньше и меньше всего – не только вещей, но и продуктов. Но расстраиваться нечего: в последние дни лета мы занимались тем, что толкли в ступках обломки разноцветного кирпича, потом смешивали с какой-то вонючей штукой (привратник ворчал: «Машинное масло») и так получали краски. Выходило не хуже настоящих, из баночек, но сделать можно было только желтую и голубую (ну значит, и светло-зеленую). А потом мы со Славкой додумались сбегать на площадь и поскрести обломки крепостной стены. Учитель рисования был не в восторге от нашей вылазки, но промолчал: ведь теперь появилась и красная, и фиолетовая, и оранжевая… А при должном старании – коричневая. В качестве черной мы использовали уголь и почти не испытывали недостатка в цветах. Даже белила можно было получать – из ракушек. Впрочем, я все равно рисовать не очень люблю, у меня никогда не возникало нужды в каких-то изысканных тонах типа ультрамарина, охры или бирюзового. Это умельцам, таким, как Женек или Натка Караванова, племянница директрисы, вечно чего-то недостает. Славка и остальные трое мальчишек вообще предпочитают рисовать карандашом: здесь черное, здесь белое. А сестрам Нагорным и Ляльке лишь бы попестрее наляпать, не заморачиваясь оттенками.

Когда я увидела, что у рояля стоит орлан, почти не испугалась. «Ну подумаешь, юниор-полицейский, – рассуждала я, прикалывая лист к мольберту. – Что я, полицейских не видела? Даже если этот – самый главный и смотрит так, будто все про всех знает. Не может он знать. Не мо-жет!»

Кнопка выскользнула из вспотевших пальцев и упала на пол. Я нагнулась за ней и почувствовала, что мне не хочется выпрямляться. Совсем-совсем не хочется. Лучше так и держать голову под стулом, не видя орлана. Не смотреть.

Topreading.ru

Вдруг рядом с ножкой стула оказались ботинки. Легкие ботинки со шнуровкой, какие удобны разве что в полете, после трансформации. Мне даже почудился шорох перьев.

– Тебе помочь, девочка? – Голос был слегка насмешливым.

Лицу стало жарко. Я выпрямилась.

– Спасибо, я уже нашла, – буркнула я, что есть силы вдавливая кнопку в деревянный щит.

Орлан направился к сидящим дальше.

– Ты его боишься? – тихо спросила, наклонившись ко мне, Ната.

– Бесит он меня, – процедила я сквозь зубы. – Явился, пугает всех….

В самом деле, наши девчонки сбились в кучу в углу, пацаны окружили их кольцом, мужественно выставив мольберты, как щиты. Мы с Наткой одни сидели в стороне, впереди всех.

– Забившись, как зайцы в нору, вы убиваете для себя всякую возможность творческого полета, – зло проговорил орлан, стоя над приготовившейся обороняться группой. – Будьте добры рассесться как следует. На расстояние вытянутой руки.

После этого он отвернулся и вновь вернулся к роялю. Заскребли стулья по полу: мои одноклассники без единого слова раздвигали ряды.

Я не могла понять: он нас ненавидит? Мы его раздражаем? Или ему нет до нас дела, а просто не нравится заниматься этой работой, когда есть гораздо более важные дела?

– Внимание! – холодно призвал орлан. – Кто прослушает объяснение, пусть винит только себя.

Он вытянул ладонь. На ней появился пестрый, медленно крутящийся шарик размером с очень большое яблоко. Мы замерли.

– Правило простое. Рисуем шар изнутри.

Последовала длинная пауза, на протяжении которой я не могла шевельнуться. Как будто из меня, живой, вдруг сделали чучело – как из белки, которая однажды погибла зимой.

Ярослав Игоревич, наш учитель рисования, предупреждал: «Никогда не рисуйте то, что вы видите внутри. Особенно на тестах. Вам могут предложить запертую шкатулку, мяч, закрытую книгу или завязанный мешок. А хуже всего – дверь. Как бы вам ни хотелось, никогда не рисуйте то, что вы вдруг увидели внутри. Рисуйте то, чего там точно нет. Фантазируйте». Это очень сложно. Мы тренировались всего пару раз, но до чего же трудно рисовать не то, что ты видишь, а то, чего ты не видишь! А особенно – не слышишь. Но мы кое-как выкручивались. Смотрели не в шарик, а мимо, рисовали домики, пиратские корабли. Золушку… Ванька даже нарисовал как-то раз папу с мамой, хотя он их точно никогда не видел. А что нарисовал Славка! Ну уж такое никак не поместилось бы в коробочке, это ведь не пуговица, не ключ, – длинного червяка с большой головой и круглыми горящими глазами. Ната еще крикнула: «Зачем ты нарисовал такого страшного червяка?» А Славка ответил, что это не червяк, а внутри сидят люди. А Ярослав Игоревич спросил: видел ли Славка где-нибудь такое или придумал сам. Славка сказал, что сам, и нам еще тогда показалось, что он врет. Наверняка без спросу бегал в лес, потому что в городе такого точно не водится. Хотя и трудно поверить, что в

лесу живет чудовище, которое глотает людей целиком.

– Приготовились. Те недохудожники, которые не способны нарисовать шар изнутри, могут рисовать снаружи.

Мы с Наткой сердито посмотрели друг на друга и мысленно объединились в ненависти к орлану. Обзывается еще, гад! Сузившая от гнева глаза Натка со своим пучком, заколотым большой шпилькой, стала похожа на одну девочку из старого журнала, который назывался «Комиксы». Я знала, о чем она думает: они с Женьком рисуют лучше всех, и уж конечно им несложно изобразить шар изнутри – все, что там есть. Они бы показали этому полицейскому, кто тут недохудожник! Но – нельзя. Придется хитрить.

– Сам-то он кто, – прошипела Натка. – Оборотень.

– Так же, как и кое-кто из ваших родственников, госпожа Караванова, – отчетливо проговорил орлан, глядя прямо на нас. – Еще раз посмеете отвлечься, мне придется вместо рисования обучать вас технике полета.

Натка побледнела.

Она никогда не лазила по деревьям или по крышам. Она даже на качелях сильно не раскачивалась. Редко забиралась на самый верх скалодрома. Не любила рукоход. Да что там, ее кровать и та стояла далеко от окна.

Натка панически боялась высоты, какие уж там полеты. Но на что намекал орлан? На то, что Наткина тетя, наша директриса, – оборотень?!

– Начали! – сказал орлан и, слегка подбросив, выпустил шар.

Мир опрокинулся. Качнулся. Меня со страшной быстротой втянуло внутрь. Я поняла, что изображать шар снаружи не смогу если бы и хотела, – он не выпустит меня.

Мир встал на место. Перестал быть бесконечным. Небо голубым куполом накрывало темный круг озера, я стояла на островке. Веял легкий ветерок, образуя едва заметную рябь, вверху плыли облака. Белые – надо мной, а у горизонта, образованного верхушками деревьев и дальних гор, облака становились розоватыми. Деревья окружили озеро темным кольцом. Из воды торчали валуны, слабо пахло не то тиной, не то сыростью из леса. Больше в шаре ничего не было.

Жаль, но это нельзя было рисовать. Можно было рисовать лишь то, чего там нет. Например… мою губную гармошку. Тем более, что это просто – две палочки, а между ними дырочки.

Я начала рисовать – вроде получается, мир не против. Даже забавно. Радуясь, что все так просто, я мурлыкала под нос мелодию. Сначала даже не замечала этого, но постепенно она стала нравиться мне все больше, становилась сложнее, как будто я напевала не одна, а кто-то вторил мне. Обозначились слова:

Земля – кораблик храбрый мой…

А потом я заметила, как купол небес сдвигается. И странное дело, это уже не купол, а еще один шарик, а лес, который только что был под ним – уже не лес, а… ночное небо со звездами?! В следующую секунду прямо под этим небом я увидела башню с одним окном, которое со скоростью молнии приблизилось, и я словно влетела внутрь, успев разглядеть комнату,

человека, на столе перед ним – летучую мышь, а на стене – смутно знакомую картину…

Я так поразилась, что перестала петь. В тот же миг башня отдалилась и теперь лишь маячила на горизонте.

Раньше мир никогда не менялся. И уж тем более не расширялся, а ведь сейчас произошло именно это. Не выдала ли я свою способность? Что теперь делать? Еще толком не придя в себя после увиденного, я, не теряя времени, принялась раскрашивать кое-как накарябанную губную гармошку. И через несколько минут мне показалось, что небо-шарик словно бы слегка подвинулось обратно. Еще чуть позднее сомнений не осталось: башня исчезла, а купол вернулся на место. Успокоенная, я завершила рисунок – в меру своих умений, конечно. Я же не художник. Хотя и не недохудожник.

Раньше мир никогда не менялся. И уж тем более не расширялся, а ведь сейчас произошло именно это. Не выдала ли я свою способность? Что теперь делать? Еще толком не придя в себя после увиденного, я, не теряя времени, принялась раскрашивать кое-как накарябанную губную гармошку. И через несколько минут мне показалось, что небо-шарик словно бы слегка подвинулось обратно. Еще чуть позднее сомнений не осталось: башня исчезла, а купол вернулся на место. Успокоенная, я завершила рисунок – в меру своих умений, конечно. Я же не художник. Хотя и не недохудожник.

– Заканчиваем! – приказал орлан, и меня выбросило в обычную реальность.

Как же мне хотелось поделиться с кем-нибудь! Но можно ли это делать? Кто бы ответил…

Взглянула на картину Натки – у нее нарисованы ластики, кисточки и карандаши – вон сколько всего успела. Жаль, что нашему учителю не позволено присутствовать, наверняка переживает сейчас. Интересно, смог ли кто-нибудь нарисовать шарик снаружи, и разрешит ли орлан посмотреть.

– Всем оставаться на местах. Подписываем работы. Госпожа Караванова, соберите.

Пока Натка ходила по рядам, орлан безмолвствовал, скрестив руки на груди. На его лице не отражалось никаких чувств, даже недовольство исчезло. Ребята тихо переговаривались, ожидая, что же дальше. Наконец Ната отдала полицейскому стопку рисунков и вернулась на место.

– Благодарю вас, – произнес комиссар и, не глядя, положил работы на рояль. – Вы, конечно, знаете, что выпускнику школы рано или поздно предстоит пройти тест для того, чтобы определить, готов он к самостоятельной жизни или нет. Тех, кто готов, ждет хорошая возможность проявить себя, трудясь на благо Империи. До сих пор стены интерната не покидали ученики моложе шестнадцати лет… за редким исключением. Но сейчас все изменилось. Империя нуждается в молодых думающих мозгах.

Он так и сказал: «думающих мозгах», как будто у кого-то мозг способен не думать!

– … Поэтому выбор может пасть на любого из здесь сидящих. Для этого мы с вами проводим сегодня предварительный тест, часть из которого вы только что выполнили. А теперь переодевайтесь на физкультуру.

С этими словами он быстрым шагом вышел из зала, прихватив работы.

Никто не тронулся с места, всех словно придавило к стульям.

– Что он сказал? Любой может стать выпускником?! – раздался тонкий голос Лизы. – А если мы не хотим?

Вслед за этим разразился рев: Викусик, кто же еще. Я обернулась, не зная, что сказать. Если «думающий мозг» можно представить как механизм, то в моей голове сейчас бешено крутились шестеренки, от них летели искры. Викусику с Лизой десять лет, Олежке и Ваньке – одиннадцать. Какие они выпускники? Да и остальные… Мне скоро тринадцать, как и Славке, но я бы сейчас тоже с удовольствием заревела, вцепившись в сестру, если бы она у меня была. А еще лучше – в брата, если бы он был поблизости. Теперь он уже вырос и, конечно, не допустил бы, чтобы нас разлучили.

– Вика, подожди, не плачь, – пыталась успокоить Викусика Лялька, гладя по рыжим кудряшкам.

Но Викусик отчаянно рыдала, обняв за шею Лизу. Да и у Лизы уже катились слезы из глаз. – Мы, наверное, неправильно все поняли…

Похоже, Ляльке и самой хотелось в это верить.

– Ляля права, – решительно поднялся сидящий рядом с ней Виталик. – Это надо выяснить. Я сейчас пойду к нему и потребую рассказать толком.

Ни на кого не глядя, Виталик размашисто зашагал к двери и исчез в коридоре. Вот это да! Виталик, конечно, самый взрослый, самый умный, но чтоб вот так разговаривать один на один с юниор-полицейским…

Я выскочила на середину зала.

– Народ, а мы что, будем сидеть тут и ждать, пока его там расплющат?

– Вообще-то орлан сказал: переодеваться на физкультуру, – возразил Славка. Вот уж не ожидала от него!

– Кто-нибудь хочет со мной? – Я поняла, что начинаю закипать.

– Я хочу.

Ляля перестала гладить Викусика и поднялась со стула, поправляя юбочку:

– Пошли, Насекомое.

Мы пустились бегом к кабинету директора – обычно орлан располагается там, когда приходит. У входа мы остановились, переводя дыхание и глядя друг на друга. Потом Ляля приникла ухом к двери, я последовала ее примеру.

В кабинете стояла тишина. Ляля осторожно потянула за створку заглядывая в щель. Потом резко рванула дверь на себя.

Внутри было пусто. Где же все?

– Может, они уже в спортзале? – растерянно предположила я.

Topreading.ru

Ляля покачала головой. Подумала и бросилась в спальню. Я – за ней. Оглянуться не успела, как Ляля вспрыгнула на подоконник.

– Смотри, – показала она вниз.

Я подошла. На спортплощадке, на краю поломанного бревна, сидели Виталик и юниор-полицейский и разговаривали. Вроде было не похоже, что Виталику грозит что-то ужасное, полицейский выглядел скорее дружелюбно. Казалось – болтают, как приятели. Или как старший брат с младшим. Вполне мирная картина. Даже синица сидит на ветке прямо над ними и что-то старательно склевывает, не собираясь улетать. Я посмотрела на Лялю.

– Что делать будем? – спросила она, не отрываясь от созерцания. – Пойдем к ним? Или можем помешать, как думаешь, Ань?

Ну надо же! Она советовалась со мной, как со взрослой! Даже не назвала Насекомым.

Я привыкла, что Ляля смотрит на всех нас, девчонок, как на малышню. Раньше Ляля дружила с Дашей, но теперь Даша стала учительницей, ей уже восемнадцать лет и положено дружить с учителями. Иногда Ляля общается с Машей, но крайне редко. Потому что Маша больше любит возиться с мелкими, а Ляле хватает самой себя.

Я промычала что-то неопределенное. С одной стороны, я же сама подбила Ляльку на поход. Но с другой, вроде все спокойно, а если мы попремся во двор, можем разозлить орлана и все испортить.

– Он же вроде не собирается… Он же ему ничего не сделает, да? – неуверенно и как-то просяще произнесла Ляля.

Я покосилась на нее и мысленно хлопнула себя по лбу. Вот балда! Да ей же нравится Виталик. Я вновь, на этот раз очень внимательно, посмотрела на сидящих внизу. Ну, пожалуй, он действительно может нравиться. Я бы даже сказала, что из всех мальчишек он самый красивый. Во-первых, уши не торчат, как у Славки. Во-вторых, у Виталика мускулы, а не ручки-палочки, как у Ваньки, Олежки и Женька. А как еще объяснить, я не знаю. В общем, Ляля, наверное, правильно выбрала.

Неожиданно мне вспомнился Сергей. У него тоже мускулы. А глаза такие…

Но я тут же помотала головой, удивляясь, при чем тут вообще Сергей. Он даже не из нашего интерната.

– Да все нормально, Ляль. – Я слегка тронула ее за руку. – Пойдем на физкультуру, а то влетит.

– Пошли, – вздохнула Ляля, и мы отправились переодеваться.

Глава пятая

в которой достижение цели не означает победу

Стоя в дверях кухни так, чтобы не видел орлан, Ирина Андреевна взволнованно наблюдала за собеседниками, пытаясь угадать, что означает внезапное внимание полицейского к Виталику. Рисунки, интересующие Ирину Андреевну, лежали стопкой на скамейке. По-видимому, орлан собирался позже спокойно рассмотреть их в беседке. Есть ли что-то в этих рисунках?

Topreading.ru

Отличается ли рисунок Юли от прочих? Если бы знать… В любом случае, физрук Саша сейчас должен действовать по плану.

В это время с противоположной стороны дома, выходящей к главным воротам, кралась, топча клумбы, девчонка. Очутившись под окном кабинета директора, она, как и предполагала, обнаружила его приоткрытым. Ниже располагались окна учительских спален, но во время уроков они всегда пустовали и следить сейчас было некому. Записка заранее была привязана к грузу – первому попавшемуся на глаза предмету, чтобы не тратить время на поиски камня на улице. Отступив на два шага, девчонка прицелилась, размахнулась и точным броском, отработанным метанием мячиков, послала груз с запиской в открытый проем. Метнувшись к стене, на случай, если директриса окажется на месте и бросится смотреть, кто это безобразничает, девчонка короткими перебежками устремилась за угол. Теперь – быстро на физкультуру, и никто не докажет, что она здесь была.

Но, выходя к спортплощадке, девчонка чуть не наткнулась на орлана с Виталиком. Пришлось сдать назад, прижаться к стене. И что им приспичило разговаривать именно здесь? А вдруг это надолго? Тогда она опоздает. Скрипнув зубами, девчонка пригнулась и побежала обратно, чтобы вернуться в интернат не через кухню, как планировала, а тем же путем, что и выходила, – через главный вход.

Физрук Саша должен был, не теряя времени, спрятать Юлю от орлана в тренерской хотя бы до тех пор, пока удастся выяснить, есть ли реальная опасность. Тем более, что только из тренерской можно… Но это было величайшей тайной, в которую, кроме Саши, директрисы и родителей Виталика, не был посвящен никто. Но Юля, как обычно, словно сквозь землю провалилась. Только что сидела вместе со всеми на рисовании, а переодеваться на физкультуру не пришла. Неужели орлан их опередил? Оставив за старшего в зале Славку, физрук поспешил разыскать Ирину Андреевну.

В кабинете, однако, никого не было, зато на полу, посреди комнаты, валялся явно посторонний предмет. Физрук подошел и поднял его. Это был обернутый бумажкой камень. Саша высунулся в окно – просто на всякий случай, ведь «злоумышленника» уже, скорее всего, и след простыл. Обнаружил лишь слегка примятую землю на клумбе и отпечаток подошвы – пятку башмака. Небольшого. Либо девочка, либо кто-то из младших мальчишек. Но маленькие вряд ли смогут попасть в слегка приоткрытое окно, машинально отметил про себя физрук. Присев на подоконник, он быстро развернул бумажку. Камень оказался вовсе не камнем, а… моторчиком для самолета. Саша нахмурился. Все-таки мальчишка? Который к тому же так варварски обращается с хорошей вещью. Как это неприятно… Физрук разгладил смятую записку. Большими печатными буквами на ней было выведено:

АНЯ ПЧОЛКИНА НОЧЮ УХОДИЛА ИЗ ИНТЕРНАТА.

– Сдохни, гоблин, – по ученической привычке пробормотал Саша. – Пчелкина-то при чем? Или наговор?

Но выяснять, правда ли это и кто автор записки, было некогда. Если он опоздает на собственный урок, как потом сможет требовать от учеников, чтобы они приходили вовремя? Поэтому, сунув бумажку в карман, физрук помчался в спортзал.

Забытый моторчик остался одиноко лежать на директорском столе.

У дверей зала мчащийся на всех парусах физрук чуть не столкнулся с директрисой, которая, едва войдя, увидела скачущую с мячом Юлю.

– Что это значит, Александр Анатольевич? – вполголоса спросила директор. – Я же вам дове ряла!

– Ирина Андреевна! – Физрук только и смог, что развести руками. – Долго объяснять. Мне пора начинать урок, а вы – вот, ознакомьтесь. Влетело к вам в окно.

С этими словами он сунул директрисе записку и направился к детям, не забыв громко скомандовать:

«Построились!» Начав занятие, он тут же выбросил происшествие из головы.

Аня

– Девчонки, это что за новости? – вскинулся физрук, когда мы с Лялькой в футболках и шортах наконец вошли в спортзал. На урок здорово опоздали, народ уже вовсю прыгал через козла. – Краснова, Пчелкина, будете убирать оборудование. А сейчас встаем в хвост, бегом!

Ни Виталика, ни орлана в спортзале не было.

Мы пристроились в хвост очереди, довольно резво движущейся к козлу. Один за другим наши разбегались, отталкивались от пружинящей доски и, упершись руками в козла, перепрыгивали через него. Вернее, кто-то перепрыгивал, а кто и нет.

– Нагорная, Нагорная, поднимать надо ноги, а не нырять вниз головой! Ну что ты там на мне разглядываешь? Очередь ждет, отходи давай. Попробуешь еще раз.

Лиза вернулась в очередь. Следующей бежала Викусик, и у нее, как ни странно, получилось лучше.

– Вот! Смотри, как надо, Лиза! Сестра на пятки наступает. Молодец, отходи.

О, это он зря… Сейчас начнут ссориться.

Но позади было тихо. Я обернулась. Лиза стояла молча, а Викусик висла на ней, обняв за шею. Вот и все. Видимо, им было не до выяснения отношений после того, что произошло на рисовании.

Только сейчас я заметила сидящую в углу на скамеечке директрису. Зачем она тут, интересно?

Мальчишки, все четверо, прыгнули хорошо. Настала очередь Ляли.

– А теперь усложняем задачу, – обрушился на нас голос юниор-полицейского, внезапно появившегося на пороге. – Госпожа Караванова, ко мне!

И как у него получается так внезапно появляться и всех ошарашивать! Я видела, как рефлекторно дернулась, чтобы подняться, директор. Но орлан звал, конечно же, Нату, которая уже спешила к нему. И чего он прицепился именно к ней? В руках у полицейского была охапка разноцветных тряпок, которые он и вручил Натке, отдав какие-то указания. Потом опять громко обратился к нам:

– Сейчас вы бежите до снаряда и считаете шаги. Число своих шагов запоминаете. После этого завязываете соседу глаза косынкой. Затем каждый вслепую пробегает количество шагов, которое запомнил, и прыгает.

Topreading.ru

– А если унесет в сторону и промахнешься? – крикнул кто-то из мальчишек.

Полицейский улыбнулся одними губами:

– А это уж кому как повезет.

Натка раздала косынки, мне досталась красная. Мальчишки радостно галдели, видимо, им это казалось приключением. Косынки они тут же повязали на головы на манер пиратских бандан. Ляля тоже нахлобучила себе бандану из клетчатого платка. Остальные девочки, включая меня, завязали косынки на шею, и только двойняшки – друг другу на плечо.

– Приготовились, – скомандовал орлан. – Старт! Считай шаги.

Ляля понеслась вперед. Все топали, а ее было почти не слышно. Физрук, переставший быть главным, – а ведь до этого даже присутствие директора не лишало его роли командира, – поспешно подошел к орлану и принялся что-то доказывать. Директор тоже встала и, хромая сильнее обычного, устремилась к ним. Я даже догадывалась, о чем они говорят: «Давайте хотя бы подложим еще матов», – или что-нибудь в этом духе. Когда-то, когда я была еще в младшей группе, орлан заставлял старших с завязанными глазами лезть на скалодром. Правда, тогда с ним было еще двое полицейских, и они ловили всех падающих. Виталика, правда, не поймали, но он каким-то чудом приземлился удачно и ничего не сломал. Физрука у нас тогда не было, мы занимались сами, как могли. Иногда дядя Коля показывал нам, как отжиматься и подтягиваться, но у него редко было на это время. Иногда приходил орлан и заставлял нас бегать вокруг дома, когда был злой. А когда добрый – натягивал сетку, и мы играли в волейбол. Это, конечно, интересней. А дядя Саша был еще выпускник. Но у него здорово получалось бросать мячики и прыгать в длину. Орлан после того случая со скалодромом велел дяде Саше заниматься с Виталиком. И они каждое утро и почти каждый вечер стали лазить по скалодрому и ходить по бревну, и еще совершали всякие трудные прыжки – в высоту и с высоты. Я до сих пор так не научилась, хотя пробовала сколько раз.

Однако Виталика все еще нет…

– Насекомое, не спи! – Юлька ткнула пальцем мне в спину.

И правда, я что-то замешкалась. Рванув вперед, я принялась считать шаги. Получилось десять, плюс прыжок. Сам прыжок вышел более-менее, но это ведь с открытыми глазами! Не уверена, что смогу так же, когда буду тыкаться, как слепой крот. Вернее, как слепая пчела. Кроту зрение не нужно, у него есть нюх. А пчелы все время на солнышке…

Я вернулась в хвост, встав опять за Лялькой. По выражениям лиц директрисы и физрука поняла, что матов не будет.

Очередь перед нами все уменьшалась. Восемь-семь-шесть…

Ляльке прыгать с закрытыми глазами предстояло первой. Я бы ни за что не побежала первой, нашла бы предлог увильнуть. Но, с другой стороны, – первым пробежал, и свободен. Стой себе и смотри, как мучаются остальные.

А мне все равно страшно. Даже второй.

Пять-четыре-три…

Физрук отлучился в тренерскую и через минуту вернулся с аптечкой. Ну, если кто-нибудь

сломает руку или ногу, это вряд ли поможет. Хотя, если просто разобьет нос или лоб, то очень даже.

Два-один-ноль…

– А теперь внимание! – снова заговорил юниор-полицейский. – Поднимите руки те, кто забыл сосчитать шаги. Ну, живее!

Взметнулась рука красного, как моя косынка, Вани.

– Бежишь еще раз, – разведя руками, издевательским тоном сообщил орлан. – Все остальные завязывают друг другу глаза.

Это было даже весело, ведь половина из нас завязывала соседу глаза на ощупь. Мне было просто: Лялькины волосы острижены так коротко, что ничего не путается и не мешает. А вот Славка – я слышала его голос – вспомнил всех дохлых гоблинов, потому что ему мешали то Наткин пучок, то Наткина шпилька. Молчал бы уж, небось Натке тоже мешали его уши, но она же не возмущалась! Хотя в присутствии орлана ей, наверное, предпочтительнее не возникать.

Ване, оставшемуся без пары, завязал глаза орлан.

– А теперь девочки одна за другой перебираются в конец очереди.

Решил, значит, пацанов поставить вперед. Ну и к лучшему! Цепляясь руками друг за друга и хихикая, мы всемером перекочевали в хвост. Я не видела, кто стоит первым, но, скорее всего, Славка, ведь мальчишки всегда строятся по росту.

– Слушайте объяснение, два раза не повторяю. По команде каждый из вас бежит и считает шаги. – В темноте голос орлана звучал как-то иначе, будто из пещеры. – Отсчитав столько, сколько запомнили, нащупываете руками опору и прыгаете. Если – внимание! – вы опору не нащупали, прыгаете все равно. Не останавливаться! Кто остановится – бежит еще раз. До победного. Если понадобится, будете бегать хоть до утра. Как только вы приземлились – сначала снимаете повязку, а потом отходите. Не наоборот! Все поняли?

Мы закивали.

– Первый, приготовиться! Внимание… Пошел! – резко выкрикнул орлан.

Завибрировал пол под бегущим. Я зачем-то принялась считать. Как только дошла до девяти, раздался грохот! Правда криков боли и воплей отчаяния не последовало – видимо, упал козел, а не Славка.

– Мухин, ну ты даешь! Поставь животное на место! – В голосе физрука слышалось облегчение.

– Мухин, ну ты даешь! Поставь животное на место! – В голосе физрука слышалось облегчение.

– Зачет, свободен!

А это уже орлан. И непонятно, доволен он или нет.

Следующим должен был быть Женек. Он, кажется, прыгнул и промахнулся, но тоже получил зачет и был отпущен в раздевалку.

Ванька, видимо от страха, делал более мелкие шаги и, судя по комментариям орлана, прыгая, упал прямо на козла животом. Ничего страшного, поохал и встал.

Когда бежал Олежка, я поняла, что сдавшие зачет мальчишки, вместо того чтобы уйти переодеваться, остались и подбадривают. Видимо, стояли в дверях. Олежка зацепился за пружинящую доску и ткнулся лбом в пол. Зачет получил, но, судя по причитаниям директрисы, что-то себе расквасил, ему оказывали первую помощь.

Наконец побежала Лялька. Ее унесло в сторону больше всех, но она все-таки прыгнула.

– Ладно, забрала. Иди, – с насмешкой сообщил орлан. – Следующая!

А следующая – это я. Я стартанула… и внезапно поняла, что знаю, где лежит доска. Я ее слышала. Нет, не так – слышала то место, в которое только недавно ударяло множество ног. Это было сложно объяснить. Может, доска все-таки чуть-чуть колеблется? Ведь она как пружина, просто глазами мы этого не замечаем. Колеблется, поэтому звучит? Как интересно бежать в темноте! В темноте… «Ищи меня в темноте», – почему-то вспомнила я слова Сергея и вдруг… «Не прыгай!» – прогремел в ушах его голос в тот самый момент, когда я нащупала руками опору. От неожиданности я резко остановилась, уже наклоняясь вперед и практически занеся ногу для прыжка.

– Ну, ну, что же ты! – заорали мальчишки.

Я медленно стянула повязку с глаз.

Пацаны в дверях бесновались. Девочки, не видя, что происходит, взволнованно переговаривались. Директор обрабатывала Олежке синяк на лбу, но мельком бросила на меня настороженный взгляд. Физрук казался даже испуганным. А орлан… орлан смотрел на меня с непонятным выражением.

– В хвост, – наконец отрывисто сказал он, показав головой.

Я прыгаю еще раз, как он и обещал.

Я поплелась в конец очереди. Физрук подошел и завязал мне глаза снова.

Что за дурацкая ситуация! Если я и правда каким-то образом слышала голос Сергея, то что он хотел сказать? Предупредить? Почему? Почему нельзя прыгать?

Как пробежали Лиза и Викусик, я не слышала. Вроде зачет получили.

А Юлька с Машей – нет. Маша испугалась прыгать, Юлька же пробежала гораздо меньше шагов, и прыжок ей орлан не засчитал. Последней стартовала Ната Караванова. На доску она, видимо, попала, но умудрилась промахнуться мимо козла. Кроме того, еще и доска после ее прыжка треснула. С коротким смешком орлан поставил ей зачет, после чего попросил убрать доску. Я слышала, как Ирина Андреевна подозвала Нату Наверное, спросить, не ушибла ли она ногу.

Остались мы трое, бегущие по второму разу. Другие уже ушли в раздевалку: пора было помогать тете Лене с обедом и нянькам в прачечной.

– Задание специально для пугливых. Упрощенное, – скучным голосом объявил орлан. – К посчитанному количеству шагов прибавляете еще один и останавливаетесь. Можно не

прыгать. Ваша задача – упереться пузом в козла. Больше ничего. Все понятно? Приготовиться! Пчелкина, пошла!

Только начав двигаться, я уже знала, где стоит козел. Не понимаю как, но я его слышала. Бежала, совершенно не волнуясь, насчитала десять шагов, одиннадцать…

Есть такая загадка: «Что всего быстрее?» Ответ – мысль. И я теперь знаю, что это правда. У меня был только миг до того, как моя нога, после одиннадцатого – последнего – шага должна была коснуться пола. И за этот миг мыслей пронеслось много.

Я поняла, что козла передо мной нет, хотя я должна была упереться в него, ведь отмерила одиннадцать шагов. Я точно знала, что сделай я еще несколько… а именно – три шага, не меняя направления, я действительно наткнусь на него. А это значит, что снаряд отодвинули. Для чего? Задание было – упереться в козла. Но ведь при этом нельзя прибавлять шаги! Так что же хочет орлан? Может, не зря Сергей, – если это он, конечно, а не мой внутренний голос, – кричал: «Не прыгай»? Может, надо как раз не найти снаряд? Неужели надо промахнуться?

Я приняла решение. И остановилась. После одиннадцатого шага, как и должна была. Выставила вперед руки, делая вид, что ищу козла.

– Зачет! – крикнул орлан.

Я протянула руку к повязке, и тут…

Я услышала, что в меня стремительно летит какой-то предмет. Не успев понять, что это, какого размера, откуда и почему взялось, я изогнулась и поймала… волейбольный мяч. На ощупь сомнений не было.

Я услышала, как кто-то, скорее всего орлан, кинулся к выходу.

Затем воцарилась тишина.

Я все-таки сняла повязку. Директриса и Олежка, на чьем лбу красовался здоровенный синяк, молча смотрели на меня. Орлан появился в дверях – видимо, он пытался догнать того, кто бросил мяч, но не догнал. Он тоже смотрел – так же, как одиннадцать лет назад на мою мать, когда сказал: «И девочку тоже».

– Олег, иди переодеваться, – велел полицейский, не отрывая от меня взгляда.

Олежка встал и, ничего не понимая, потащился к выходу. Орлан, не глядя на него, посторонился.

Тяжело дыша, я смотрела прямо ему в глаза. И мне было страшно. Хотя он не ругался и, кажется, даже не был рассержен.

Орлан подошел и взял меня за плечо – сильно не сжимал, но держал крепко.

– Да, девочка. Не думал я, что так… Ключи от тренерской! – потребовал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Физрук, который, оказывается, тоже был в зале, молча бросил ему ключи.

– Может, вы объясните, что…

Topreading.ru

– Ирина! – резко одернул директрису орлан и добавил уже вежливо: – Андреевна. Я действую согласно инструкции. А отвечать на вопросы будете мне вы. Учитель, немедленно приведите привратника!

Он потащил меня к тренерской. Настроение полицейского явно поменялось в худшую сторону – уж лучше бы Ирина Андреевна его не трогала.

Подведя меня к открытой двери, орлан разжал хватку и мрачно сказал:

– Заходи.

Я послушалась. А что еще делать? Не драться же мне с ним, это смешно. Он боевой оборотень, а я девочка-подросток. Загадочная «техно».

Глядя в сторону, полицейский произнес:

– Посиди здесь недолго. Поиграй в мячики. Пока мы побеседуем с твоими… учителями.

Последнее слово он словно выплюнул. И закрыл за мной дверь на ключ.

Через несколько минут я услышала за дверью голоса и поняла, что пришел дядя Коля. Он что-то делал с замком. И зачем? Ведь я и так заперта, никуда не денусь.

Настроение было – хуже некуда. Усевшись на стул, я достала из кармана булавку с нитками и принялась доплетать феньку Белый – это моя злость, потому что я сейчас от злости раскалюсь добела, зеленый – безнадега, фиолетовый… Я мрачно улыбнулась. Всем на меня фиолетово, что ж еще. Ну и мне! На вас! Фиолетово!

Я так туго затянула нитку, что чуть не порвала. Потом сунула незаконченную феньку в карман и, надувшись, просидела минут пять. Наконец мне надоело бездействовать, и я огляделась. Полки, на них мячи, кегли, скакалки. В коробках – лыжные ботинки. В углу – стойка с обручами. На столе – банка со всяким мусором, вроде скомканных бумажек и непишущих стержней. Внезапно среди мусора мелькнул серебристый бок. Запустив руку в банку, я выловила… маленькую блестящую рыбку и чуть не вскрикнула от радости. Эта штука для удочки, называется «блесна». А попала она сюда, видимо, потому что отломался крючок, и теперь она не годится для ловли рыбы. Ну рыбаку, может, и не годится, а мне – в самый раз. Вновь вытащив феньку, я продела одну из ниток в маленькие отверстия в носу и хвосте рыбки и закрепила. Теперь совсем другое дело – это даже лучше, чем бусина, потому что ни у кого такого нет. Настроение заметно поднялось, я почти закончила плести, оставалось совсем чуть-чуть. И тут я подняла голову и заметила рисунок на стене.

Я подошла взглянуть – конечно, я помню эту картину. Это Женек изобразил всех нас на лыжах на опушке леса. В середине – Маша, у нее на шее медаль, которую смастерил дядя Коля из крышки от банки с вареньем. Правда, Маша этого не знала; знали только мальчишки да я, потому что мне сказал по секрету Славка. Маша думала, что медаль настоящая, какую дают спортсменам-чемпионам. Мы тогда очень долго позировали Женьку, все ругались, малыши скулили, но физрук и Ирина Андреевна уговаривали нас потерпеть. «Рекорд надо запечатлеть», – все повторял Саша. Хотя зачем было запечатлевать всех, если в лыжном забеге Маша оставила прочих далеко позади, мы так и не поняли. Да и вообще: если бы в соревнованиях участвовал Виталик, не видать бы Маше медали как своих ушей. Но Виталик лежал с больным горлом и высоченной температурой, и тетя Лена поила его всякими травами. В те дни она почти не готовила, потому что боялась, что он «не выберется»; все приходилось делать старшим девочкам.

Но Виталик выздоровел. И теперь в него влюбилась Лялька. Интересно, он в нее – тоже?

«Эх, глупое ты, Анька, насекомое, – одернула я себя. – Тебя заперли в тренерской, и неизвестно, чем все кончится, а ты думаешь, влюбился ли Виталик в Ляльку! Как будто это важно. Как будто это тебе поможет…»

Но Виталик выздоровел. И теперь в него влюбилась Лялька. Интересно, он в нее – тоже?

«Эх, глупое ты, Анька, насекомое, – одернула я себя. – Тебя заперли в тренерской, и неизвестно, чем все кончится, а ты думаешь, влюбился ли Виталик в Ляльку! Как будто это важно. Как будто это тебе поможет…»

Я отошла от рисунка и провела рукой по стене. Тренерская была обита узкими дощечками – очень красиво, почему бы и в других комнатах так не сделать? Двигаясь от дощечки к дощечке и ведя по ним рукой, я стала петь себе под нос колыбельную «Крошка спи, погасли свечи». И чего она мне так нравится?

Внезапно пальцы скользнули в пустоту – под рукой не оказалось очередной дощечки. Стена поворачивала за угол, а я так увлеклась, что не заметила. Да я вообще не знала, что тренерская такая большая…

Глава шестая,

в которой за поворотом не совсем то, что ожидалось

– Никого не выпускать из интерната! – рявкнул орлан. Физрук и привратник понурились. – Особенно детей. Вы двое отвечаете за это головой! Идемте, госпожа директор.

Лишь только дверь кабинета закрылась, юниор-полицейский усадил в кресло Ирину Андреевну, которую он излишне быстро вел, отчего у нее опять мучительно разболелась нога, и мрачно произнес:

– Что ты творишь?

– В чем ты меня обвиняешь? – гордо подняла голову директор.

Орлан, скрестив руки на груди, усмехнулся:

– Я делаю все, чтобы вас не убили. Это непросто. До сих пор мне удавалось водить за нос начальство, поскольку оно не очень любит сюда заглядывать. Но риск остается – каждый день, каждую минуту. Один неверный шаг – и вы все погибнете. Ты этого не понимаешь? Ты у меня за спиной воспитываешь техно? Ты ненормальная?

– Я не знала… – выдавила директор, – что Аня…

Орлан наклонился к ней, опираясь ладонями о подлокотники.

– Знаешь, – со значением сказал он, – я тоже удивился. Я знавал видящих техно, которые проделывали чудеса со светом, с изображением, создавали голограммы, фотографировали… А, да ты все равно не поймешь. Я видел чувствующих техно, они работали с движением, с ощущениями. Эти могли запустить любой механизм. И наверняка умели много такого, в чем я

просто не разбираюсь. В основном, конечно, все они были образованными – знали, что такое механика и гидравлика, алгебра и геометрия, если тебе что-то говорят эти слова. Я все думал: «Ну как же техно дотянулся до часов?» То, что кто-то залез на башню и перенастроил часы вручную, я исключил сразу: ведь мы подоспели моментально и прочесали всю округу. Но техно успел сбежать. Значит, он не был на башне – иначе не успел бы спуститься. Наверное, можно было бы отправить солнечный зайчик или свет фонарика, чтобы запустить часы. Или остановить их. Но заставить часы играть другую музыку? Как? Я не очень надеялся на рисунки, они ничего и не показали, кроме детской влюбленности – об этом мы тоже поговорим позже. Но когда Аня бежала в первый раз, я уже понял, что это она. Она как будто видела. Но видеть она не могла! То, что Аня чувствующая, я тоже сомневался: она слишком долго была в мокрой футболке, чувствующий не стал бы это терпеть, одежда на нем высохла бы. Но когда я увидел, как она ловит мяч, все встало на свои места. Она просто услышала свист воздуха – как слышим его мы, птицы. И если бы я жил с ней под одной крышей, как ты, то заметил бы ее особенность сразу, едва она появилась.

– Я давно уже не птица, – чуть слышно прошептала директор.

– Ты сама в этом виновата, – отрубил орлан.

– Как же, по-твоему, она переучила часы?

Директриса пыталась взять себя в руки.

Орлан выпрямился:

– Она могла им просто спеть. Или посвистеть. Или сыграть на скрипке.

– Где бы она взяла скрипку? – воскликнула Ирина Андреевна.

– Сейчас я вызову наряд, мы произведем обыск и найдем и скрипку, и все, что вы еще тут прячете, – убедительно произнес орлан. – Если только ты не хочешь отдать все сама. Честно и без игры в прятки. Кому ты делаешь хуже, Ира?

– Что будет с Аней? Пощади ее…

Орлан изумленно поднял брови:

– Что? Я пришел сюда один. Я дал тебе время, пока битых полчаса болтал на улице с мальчишкой. Ты могла бы ее спрятать. Или научить, что делать. Но ты даже не дала себе труд понять, что это она, и теперь просишь пощады? По-твоему, я бог? Что я могу? Кто-то бросил ей этот мяч, чтобы я увидел, как она его поймает. Кто-то знает, что она – техно. И я не поручусь, что об этом уже не знает мэр или кто-то из высших орланов. Сообщи ты мне раньше, я бы тихо отправил ее на Центральный остров, и все были бы счастливы. Да, ты знаешь мое мнение: я считаю, что лучше их всех увести отсюда и сохранить жизнь, чем вновь и вновь подвергать риску ради призрачного шанса вернуть былое могущество техно. Но если про нее станет известно высшим – либо ее уничтожат, либо, в лучшем случае, введут чип-блокатор, она перестанет слышать, ты получишь наказание. А скорее всего, на всякий случай чипируют всех. Кстати, ставлю тебя в известность: Виталий Лазарев дал согласие вступить в ряды юниор-полиции. Я бы взял и твою племянницу, но она патологически труслива. Ну так как, здравые мысли есть? Готов выслушать.

Аня

Topreading.ru

Как только я повернула за угол, стало темно, как под одеялом. Хотела поискать выключатель, но стена почему-то не нащупывалась. Можно было вернуться назад – но куда «назад»? Я стояла, будто на дне глубокого колодца, – как девочка в сказке про госпожу Метелицу. Нет, мне не было страшно. Темнота казалась густой и мягкой, как вата. Надо было просто идти вперед.

Я вытянула руки – не наткнусь ли на что-нибудь.

Ничего.

Тогда я тихонько запела, но уже не «Крошка, спи…», а ту музыку, которую часы играли до поломки: «Эниомориконе». Темнота сразу перестала быть густой. Откуда-то примчался ветерок, запутался в моих волосах, полетел дальше. Решив, что все делаю правильно, я запела громче и двинулась вперед, выставив руки, вытягивая ногу и ставя ее на носок, чтобы не споткнуться. Вскоре я сообразила, что иду по коридору, по бокам смутно виднелись стены. Я старалась вспомнить всю мелодию до конца. Чувствовала, что чем дольше буду петь, тем лучше смогу видеть дорогу. Наконец глаза привыкли к темноте – так всегда бывает, когда ночью встаешь и, не зажигая света, спускаешься на кухню поискать сухариков, потому что вдруг захотелось, – и я увидела высокие окна в стенах. В них заглядывало темное небо с рассыпанными блестками звездочек. Вот это да! Это уже не тренерская, это… я даже не знаю что. Нет в нашем здании таких коридоров или галерей. Это похоже на музей, где мы сто раз бывали, но не в музее же я оказалась! Он на другом конце города. И неужели уже стемнело? Я вроде не так много времени была заперта.

Мелодия, как назло, кончилась, и я начала то же самое снова. Стало светлее, теперь я смогла увидеть потолок. Он был такой высокий – даже выше, чем в музее, – и поперек тянулись деревянные дуги. Арки, вспомнила я. Ярослав Игоревич учил нас такое рисовать. А небо в окнах затянулось белыми-белыми облаками, звезд теперь не было видно.

Из дальнего окна что-то выпорхнуло на середину галереи. Облачко? Туман?

Привидение, поняла я и застыла на месте. Сразу стало холодно, и сердце заколотилось, как от быстрого бега. Но петь я не прекратила! Теперь я просто не могла остановиться. Еще в одном окне тоже появилось странное облачко. Выплыло и зависло. Зажмурившись, я сделала шаг вперед, потом все-таки открыла глаза. Облачков было уже четыре, они висели посреди коридора, но больше не двигались.

Мелодия опять заканчивалась, а мне не хотелось петь ее по кругу, как игрушечной шарманке, – у нас была такая, но двойняшки ее поломали. А другой музыки я не знала, разве что обрывки польки, но их надолго не хватит. Впрочем, есть же еще одна – новая, которую я слышала сегодня внутри шарика. Как там было? Не отрывая взгляда от облачков, я запела вслух:

– Земля, кораблик храбрый мой…

Только успела закончить эту фразу, как вдруг из оставшихся окон разом выпорхнули такие же облачка, выстроились, повиснув в два ряда посреди коридора, моментально выросли и превратились в высоких людей, одетых в белые накидки с капюшонами.

От ужаса у меня перехватило дыхание. Ноги больше не держали, и я села прямо на пол, забыв и про пение, и вообще про все на свете.

«Ищи меня в темноте!» – будто напомнил кто-то.

Неужели, меня опять выручат?

– Сергей… – пролепетала я жалобным голосом. Так пищит наша Леся, когда мальчишки отнимают у нее игрушку.

И тут же по стенам, по окнам, по потолку и даже по полу запрыгали пятна света. Не очень яркие, но быстрые. А фигуры скинули свои страшные балахоны, оказавшись девушками со светлыми лицами, длинными белыми волосами и в легких белых платьях. Совсем не страшными!

Я открыла рот от удивления. Пятна перестали метаться, замерли на секунду, каждое на своем месте, а потом… Девушки начали танцевать. И пятна света закружились по стенам и потолку, как будто танцевали вместе с ними. Это было так красиво! Только без музыки.

И вдруг знакомый голос сказал совсем рядом:

– Ну привет, Аня.

– Не дать ли нам деру, пока не поздно? Собрать детей – и в лес!

Физрук Саша был раздосадован и зол на себя. Быстрее соображать надо было, пока не вмешался орлан.

– Если бы мы были уверены, что так лучше, мы бы давно это сделали, Саня! – ответил привратник. – Ну сколько мы протянем в лесу? Ладно мы, а малыши?

Привратник шел на кухню сообщить жене о случившемся, у физрука же были другие планы.

– Но можно ведь уйти с острова?

– Можно, теоретически. И только в отлив. Придется бежать, но дети могут не успеть до прилива. Захлебнутся.

– Так что же, выхода нет? – Физрук даже остановился.

– Выход есть всегда, Саня. Не надо сдаваться раньше времени. Иди, послушай, о чем они говорят, а я предупрежу Елену, чтоб еды еще собрала. Может, и правда придется ноги делать.

Похлопав Сашу по плечу, дядя Коля поспешил к жене. А физрук бегом кинулся через главный выход на улицу. Добежав до директорского окна он, как обычно, выдвинул из кустов лестницу, приставил к стене и, убедившись, что она не шатается, ловко и бесшумно стал карабкаться наверх. Достигнув окна, он приблизил ухо к стеклу. Рама, к несчастью, была опущена, но сбоку стекло прилегало к деревяшке неплотно: она так долго мокла под июльскими и августовскими дождями, что образовалась щель.

«В разрухе тоже есть свои плюсы», – подумал физрук Саша, стараясь не пропустить ни слова.

– …Ты могла бы ее спрятать. Или научить, что делать, – говорил в это время полицейский. Физрук нахмурился, пытаясь сообразить, что происходит. – Но ты даже не дала себе труда понять, что это она!

Как ни удивительно, но из разговора выходило, что орлан на их стороне! Чем больше Саша слушал, тем больше убеждался в этом. Союзник – комиссар юниор-полиции. Это неплохо. Да

Topreading.ru

что там, отлично! Может быть, даже удастся как-нибудь с его помощью добыть катер и… что дальше? Доплыть до Центрального острова? Или до любого другого острова Архипелага? А потом? Не прикончат ли их прямо в порту? Или вообще прямо в море?

В это время орлан как раз спросил директрису, есть ли у нее здравые мысли. Но дослушать не удалось: физрук увидел в небе самолетик, летящий в сторону парка. Самолетик мог быть отправлен только с крыши, причем явно нацелен на дальнее расстояние.

Это было что-то новенькое, и физруку это новенькое не понравилось. Орлан приказал не выпускать детей из интерната. Понятно, почему – чтобы ни одна живая душа не узнала, что здесь происходит. Но есть люди, которые очень хотели бы знать. И если кто-то запускает ценный, с любовью сделанный самолет на дальнее расстояние, рискуя его потерять, – это не просто так.

Саша мигом спустился и, пробежав вдоль стены, заглянул в окно учительской. Ярослав Игоревич, художник, был там. Попросив его присмотреть за старшими мальчиками, физрук помчался по дорожке, ведущей с холма в переулок. Потом повернул на улочку которая выходила к парку и летнему театру.

Он не знал, что увидит, просто бежал, чтобы увидеть хоть что-нибудь.

В парке у сцены летнего театра суетились какие-то люди. Устанавливали микрофоны, тянули провода. «Ах да, – вспомнил Саша. – Сегодня вечером же встреча с мэром. Ирина Андреевна даже собиралась пойти послушать». Остановившись у последнего ряда скамеек, физрук завертел головой, ища самолет. Наконец он заметил его сбоку от сцены, в траве. Поглядывая по сторонам, Саша медленно двинулся по проходу между рядами.

Он увидел со спины женщину, которая, спустившись со сцены по боковым ступенькам, подошла к самолету и подняла его, чтоб не мешал двум распорядителям тянуть провода.

Женщина повернулась с самолетом в руках, собираясь снова подняться на сцену, и тут физрук узнал ее. Это была секретарша мэра.

Дашина мама.

Помедлив с полминуты, физрук все-таки подошел ближе.

– Простите, – вырос перед ним квадратный охранник. – Здесь находиться нельзя. Встреча начнется в восемнадцать ноль-ноль.

– Я хотел бы забрать самолет своего воспитанника, – ничуть не смущаясь, ответил физрук, указывая рукой на сцену.

Секретарь услышала и, выглянув из-за спин распорядителей, узнала Сашу; она ведь не раз приходила навещать дочь в «Зеленом углу», когда та была еще ученицей. Теперь секретарь совсем не появлялась.

– Пропустите! – махнула она рукой.

Мордоворот скорчил недовольную мину, но отступил.

– Здравствуйте! – вежливо, но холодно поздоровался физрук.

Вот уж нелепая ситуация: он, сцена и Дашина мама с самолетом… Славы Мухина. Хотя его мог запустить кто угодно. Но самолет именно Славкин: белый планер с красной полосой на борту.

– Здравствуйте, Саша! – спокойно улыбнулась женщина. – Вы искали это? А я, видите, нашла.

– Да, очень благодарен. Я могу это забрать? – сдержанно осведомился физрук.

– Конечно, пожалуйста.

Секретарша, ни секунды не медля, протянула ему самолет. Саша еще раз поблагодарил кивком и собрался было уйти, но женщине явно хотелось общения.

– Как там моя Дашутка? – спросила она, пожалуй, с излишней тревогой в голосе.

«Пришла бы да посмотрела на свою дочь, – со злостью подумал Саша. – Ее рыдания в подушку через стенку слышно». Но вслух он этого не сказал, а все так же вежливо ответил:

– Работает, у нее все хорошо. Только скучает. По вам.

– Скучает? – рассеянно протянула женщина. – Ну так передайте ей, что… я загляну. На днях.

– Конечно, передам.

Физрук Саша поклонился и зашагал прочь.

…Первым, кого он увидел в главных воротах интерната, был юниор-полицейский.

– Так-то вы выполняете свои обязанности? – спросил он, буравя взглядом физрука.

Но Саша выдержал этот взгляд.

– Вы должны кое-что знать, – сказал он.

Аня

Рядом со мной стоял Сергей. Опять я не заметила, как он появился. На сей раз не чумазый, а вполне умытый, в футболке и длинных брюках – и правильно, вот я в шортах уже начала мерзнуть.

– Вставай. Не ушиблась?

Он протянул мне руку и помог подняться.

И тут же все девушки исчезли. Остались только пятна света, но они уже не двигались.

– Что это было?

– Голограмма, – улыбнулся Сергей.

– Очень понятно, – фыркнула я. – Нет, ну в самом деле!

– Ну это… как бы тебе объяснить. Такая картинка, нарисованная с помощью света.

– Так это ты сделал?

Topreading.ru

– Ну да. – Он снова улыбался. – Чтобы ты не боялась. Ты же меня позвала. Идем.

Мы двинулись по галерее.

– Но они появились раньше! До того, как я тебя позвала, – возразила я. – Кстати, я и не звала, я просто испугалась.

Сергей усмехнулся.

– А то, что появилось раньше, ты сама сотворила. Песней. Вот о чем ты думала?

– О привидениях… – призналась я.

Сергей отчего-то развеселился:

– По-твоему, привидения такие? Страшилы в балахонах?

– Ну… Кентервильское – такое.

– Читала? – удивился Сергей.

– Нет. Нам Даша рассказывала. Ну, наша филологи… учительница. А куда мы идем?

– Ко мне в гости.

– Но мне надо обратно! В интернат!

– Отсюда в интернат все равно не попасть. Дверь работает только в одну сторону.

Я совсем ничего не поняла. Какая дверь? Почему нельзя вернуться в интернат?

– Как дела с козлом? Обошлось? – спросил Сергей.

– Так это точно ты был?

– Кто же еще? Дед Мороз?

– Ну я думала, может, мой внутренний голос…

Сергей опять рассмеялся.

– Ох и прикольная ты девчонка, Аня. «Внутренний голос», надо же. Ну можешь и так считать. Но ты не ответила.

– С козлом нормально. Спасибо тебе. А вот потом…

– А что потом? – насторожился Сергей.

В это время галерея закончилась, и мы вышли на улицу, оказавшись прямо перед входом на мост. До сих пор я видела только маленькие мостики через канавки, в которых трубы с водой. Но этот мост… Он был огромным, красивым. По краям горели два тройных фонаря, какие только в книжках нарисованы. За мостом возвышались темные громады – дома? Башни?

– Где мы, а? – Я взглянула на Сергея. – Мы ведь на острове?

Topreading.ru

– На острове. За Воротами, если тебе так проще.

Ничего себе, проще. За Воротами?

– За теми, что всегда закрыты? В Новом городе?

Сергей кивнул.

– Этого не может быть!

– Может. Я тебе все объясню, идем. Но сначала ты расскажи, что на физкультуре было. Ведь не просто так ты тут оказалась. Замерзла? Побежали.

Он схватил меня за руку, и мы понеслись вперед. Было так весело! Каждый раз перед нами зажигалась новая пара фонарей, а оставшаяся позади – гасла. Мост под ногами подрагивал и как будто даже пел.

– А что там внизу? Река?

– Железная дорога. Но она не работает. Не отвлекайся, говори.

Я рассказала все: и про мяч, и про орлана, и про тренерскую. Подумав, вспомнила и про рисование шарика. Сергей даже остановился, потирая лоб.

– Вон оно как… Орлан вас защищает, похоже. Если бы я знал, то посоветовал бы тебе сразу все ему рассказать. Тогда бы не было этой истории с мячом. Кто тебя сдал, не знаешь?

– Как это – сдал?

– Ты что, совсем не понимаешь? Кто-то из ваших знал, что ты техно. И специально тебя раскрыл.

– Да никто не знал! – уверенно заявила я. – А если бы и знал… зачем так делать?

Мы двинулись дальше. Мост наконец закончился, фонари – тоже. Мы оказались в полной темноте. Но ненадолго, Сергей тут же вновь зажег свет – загорелся фонарик над крыльцом дома. Сам домик был малюсенький, но зато окна – огромные. Во всю стену.

– Я люблю, чтоб видно далеко, – пояснил Сергей, поднимаясь на крыльцо и берясь за ручку двери. – Чтоб загорелись все фонари и в окна светили.

– А днем солнышко, да? – подхватила я.

Сергей вдруг стал грустным.

– Здесь не бывает ни дня, ни солнышка. Ты заходи, я свет зажгу.

Как может не быть солнышка?! Я не понимаю.

Сергей включил настольную лампочку в виде какой-то высокой и длинной штуковины на четырех ножках. В домике была всего одна комната. Стол, диванчик, печка, шкаф. Между окнами на одной из стен – полки, на них всякая всячина: сковородка, кружки, ложки, корзинка и тому подобные нужные вещи. И напольные часы в углу. Вот и все, что я увидела.

– Эйфелева башня, – пояснил Сергей, заметив, что я разглядываю лампу. – Есть такая же настоящая, очень большая, на материке. Я мог бы зажечь люстру, но тогда придется все время поддерживать освещение, генератор-то здесь не работает. А я не хочу отвлекаться. Ты садись.

Он кивнул на диван.

Тут у меня довольно громко заурчало в животе. И ничего удивительного, я же не обедала.

– Слушай, а у тебя нет чего-нибудь поесть? – промямлила я. Мне было жутко неудобно об этом просить.

– Ах, да-да-да. – Сергей хлопнул себя по лбу. – Ты ведь живая. Прости, забыл.

Я вытаращила глаза. Ну и шутки у него!

– Ты орехи ешь? Если бы я знал, что ты придешь, подготовился бы заранее, а то нет ничего из еды. А орешник, он тут везде, только выйди. Можем нарвать. Пошли?

– Пошли! – согласилась я.

Мы вышли на улицу, и Сергей повел меня за дом. Перед нами бежало пятно света, указывая путь. Так мы и подошли к кустам орешника.

– Так ты можешь даже совсем без фонарика? – восхитилась я. – Без лампы, без ничего?

Сергей вздохнул:

– Могу, но только здесь, за Воротами. Тут кругом витает техноволшебство. Его тут заперли. Город закрыт не простыми воротами, это Заслон. Я раньше вообще выйти не мог, но со временем поднакопил сил и научился. Теперь хожу вот в темноте.

Он улыбнулся. Вот так история! Чем дальше, тем удивительнее.

– А другие люди тут вообще есть? – тихо спросила я.

Сергей не ответил.

– Эх, корзинку забыли взять. Ладно, кидай мне прямо сюда.

Он вытащил край футболки из брюк и, держа его одной рукой, другой принялся ловко срывать орехи и бросать их в «подол».

Сергей опять выпустил пятна света, и они то и дело прыгали по веткам, показывая нам, где собирать. Я тоже рвала орехи и кидала в футболку Сергея. Это было здорово – кто ж не любит орехи! Иногда мы со Славкой убегали в орешник ночью, потому что в это время там лакомятся духи. Когда едят – они совсем не обращают на нас внимания. Усядутся на ветке, сорвут лапками орешек и быстро-быстро выгрызают, а скорлупку выкидывают. Если изловчиться, можно даже погладить духа по пушистой спинке.

– А тут совсем нет духов, – подумала я вслух.

– Нет. – Сергей опять вздохнул. – Здесь ни духов, ни вампиров, ни белых дев, ни прочих существ не может быть. Они все в лесу – там, у вас. А тут город, который построили техно. Он и назывался Светлоярск, от него и досталось название острову. По шли, уже достаточно. У меня

Topreading.ru

есть классный орехокол.

Он быстро-быстро зашагал по тропинке обратно, и все пятна света на этот раз не бежали впереди, а потянулись за ним, как хвостик.

Мы уселись на диван, насыпали орехи на стол горкой. Сергей отряхнул футболку и вытащил из ящика стола большой металлический гриб с красной шляпкой. Шляпку надо было снимать, засыпать внутрь орехи, можно сразу несколько, а потом завинчивать обратно до конца. Раздавался хруст, а снизу, через дырочку, высыпалась скорлупа. И не надо портить зубы и двери, как мы обычно делаем.

Я жевала и ни о чем больше не спрашивала, молчал и Сергей. Правда, почти не ел. Все больше колол орехи. Раза три всего забросил в рот ядрышко – мне показалось, просто за компанию. Зато я уплетала за двоих и слопала большую часть того, что мы нарвали вместе. В то, что мой странный знакомый не любит орехи, мне не верилось. Значит, была какая-то другая причина.

– Ты, конечно, еще слишком маленькая, – наконец подал голос Сергей. – Тебе трудно будет понять, что тут случилось. Но у нас нет времени ждать, пока ты вырастешь, придется рассказывать сейчас. А ты задавай вопросы, если что.

Я обиделась. Строит тут из себя взрослого!

– Мне скоро тринадцать. А ты небось года на два всего старше.

На сей раз Сергей не улыбнулся, просто посмотрел на меня.

– В каком-то смысле ты угадала. Мне действительно пятнадцать. Но мне уже скоро одиннадцать лет, как пятнадцать. Ощущение так себе.

Я чуть не подавилась орехом. Шутит он, что ли? Да нет, не похоже. По виду, ему совсем не весело.

– Как это? Почему? Так же не бывает! Ну что ты молчишь?!

Я хлопнула ладонью по столу так, что горка скорлупы подскочила и рассыпалась.

– Тише, нетерпеливая ты какая. Да не молчу, собираюсь с мыслями. Слушай, в общем…

Глава седьмая,

в которой пытаются вести расследование

Чуть раньше…

Виталик сидел в спальне на кровати один. Орлан отпустил его, чтобы дать собраться с мыслями. Стать вдруг полицейским, уйти из «Зеленого угла», оставить здесь папу с мамой, да еще и Ляльку, которая наверняка заплачет, когда узнает… Впрочем, мама тоже будет плакать, нечего и сомневаться. Она слишком беспокоится за него.

Но Виталик согласился сразу. Ведь орлан научит его летать! Ради этого можно…

И тут в комнату ворвался Олежка: на лбу синячище, глаза блестят, волосы растрепаны и,

похоже, сгорает от желания поделиться какой-то новостью.

– Виталь, я тебе сейчас такое…

Олежка замер посреди спальни – просто потому, что бежать дальше было некуда, – и развел руки, показывая, какое «такое», огромное и важное, он собирается рассказать.

– Неслабый шишак. На физкультуре приложился? – кивнул Виталик.

– А? Да. Да это неважно! – возбужденно заговорил Олежка. – Ты послушай! Славка кинул Аньке мяч через весь спортзал, а она с закрытыми глазами его поймала! А полицейский побежал за Славкой, но не поймал. А потом он разозлился и выгнал меня из зала. Но я не ушел! Я слышал, как он Аньку в тренерской запер! Представляешь?

Олежка выпалил все это единым духом и замолчал, довольный, ожидая услышать в ответ что-нибудь вроде: «Ух ты! Да ну! Врешь!»

Но Виталик почти ничего не понял, кроме одного: произошло что-то действительно неприятное. Может быть, даже страшное.

– Анюту заперли в тренерской? – переспросил он, хмурясь.

Олежка радостно закивал.

– А ну давай еще раз, сначала! – потребовал Виталик. – Да сядь ты, не отсвечивай.

Олежка плюхнулся рядом на кровать и начал заново, уже подробнее.

– Клоп, ты точно видел, что это Славка? – наконец спросил Виталик.

Олежка снова радостно закивал.

– Ты видел, а полицейский – нет? Как это? А, клоп?

– Он на Аньку смотрел! И Ирина Андреевна тоже!

– А ты, значит, не смотрел? – уточнил Виталик.

– А чего мне на нее смотреть, она и прыгать-то не умеет! – надулся Олежка.

– Ладно. Ты, клоп, иди пока. Я с этим разберусь. Только не болтай никому больше, понял?

– Ага!

Виталик вышел из комнаты и направился в соседнюю спальню.

Он знал немного. Только то, что младших, особенно Аню с Наташей, надо охранять и никому не рассказывать, если они вдруг сделают что-нибудь необычное. Никому, кроме папы с мамой, которые сразу же «примут меры». Но ведь юниор-полицейский, он же не враг? Виталик и сам без пяти минут полицейский, а орлан – его будущий начальник. Значит, ему надо доверять. Но зачем он запер Анюту?

Виталик решил сначала вытрясти правду из Славки.

Topreading.ru

Дойдя до соседней спальни, Виталик резко распахнул дверь. Сидевший перед мольбертом Женек от неожиданности обернулся, мазнув рукавом по бордовому закату.

– Ф-фу! Ты чего пугаешь? – буркнул Женек, возвращаясь к рисунку.

– Славка где? – вместо ответа спросил Виталик.

– К бабушке пошел. Ты за змейкой? Она в ящике у него, возьми, он разрешает, – не оборачиваясь, ответил Женек, аккуратно поправляя мазки кисточкой.

Секунду поколебавшись, Виталик подошел к Славкиной тумбочке и выдвинул ящик.

Деревянная змейка, выкрашенная зеленой краской, – тогда еще была краска, Димка выскребал ее со дна банки – лежала сверху. Славка и Димка сделали эту головоломку вдвоем, в мастерской. Славка вытачивал, а Димка показывал, как надо, по чертежу, который он сам и начертил. Как Димка до этого додумался, никто не знал, но все восхищались. Потом Димка пропал, и змейка осталась Славке, да и всему интернату, в наследство.

Еще в ящике лежали старые, потрепанные журналы с детективами, которые все уже знали наизусть. Виталик удивился, почему Славка не отнесет их обратно в библиотеку.

Виталик любил порядок. Он вытащил пачку журналов, собираясь вернуть, куда следует. Нижний журнал упал на пол. Он был поменьше размером и выскользнул из стопки. Виталик наклонился поднять его… и на мгновение застыл. Потом бросил всю стопку на кровать, не глядя, и обеими руками поднял упавший журнал.

Он оказался новеньким, с гладкой цветной обложкой. На обложке был нарисован – да как! – тот самый червяк, глотающий людей. Только здесь было отлично видно, что это никакой не червяк, а скорее… автомобиль? Виталик понял это каким-то чутьем. «Техника – юным» – гласило название.

Паром давно уже не привозил журналов. Тем более таких. Виталик перевернул первую страницу. Затем вторую. Следующую. Внутри были разные машины. Всякие чертежи. Инструменты и станки, каких Виталик никогда не видел. А еще там были штуки, которые он не смог бы описать. Они назывались «мобильный телефон».

У Виталика закружилась голова. Он сел на кровать, не выпуская журнала из рук.

– Нашел? – спросил Женек, не отрываясь от работы.

Виталик мрачно взглянул на него. Вот ведь художник. Живет со Славкой в одной комнате и ничего не замечает.

– Рисуй, Жень, рисуй, – медленно сказал Виталик.

Потом потянулся к тумбочке и открыл нижнюю дверцу. Нехорошо рыться в чужих вещах, но разве хорошо скрывать от других такое? Где Славка мог взять этот журнал? Какие у него еще тайны? Виталик наскоро пошарил среди валом наваленного хлама: деревяшки, железки, обрывки веревок, даже носки сюда затесались, камешки, картонная коробка из-под печенья. Виталик не стал открывать ее, у всех свои сокровища. Но в самом углу, под скомканной майкой, пальцы нашарили что-то ребристое и твердое.

Topreading.ru

Виталик вытащил это на свет. В руке у него был кубик с разноцветными гранями – самый красивый, какой только можно представить. И Виталик сразу понял, что этот кубик чем-то похож на змейку, вот только его сделали совсем не в школьной мастерской.

– Рисуй, Женя, рисуй, – повторил Виталик, качая головой. – Так и все на свете прорисуешь.

– Что? – рассеянно отозвался Женек.

– Все нормально! – ответил Виталик.

Он быстро затолкал старые вещи и журналы обратно – стало не до библиотеки. Подумав, вернул на место журнал с поездом и кубик. Надо притащить сюда Славку, и пусть объясняет. Все. И где он это взял, и почему от всех скрывает, и зачем подставил Анюту.

Виталик вышел в коридор, навстречу ему попался Ванька.

– Славку не видел, клоп? – на всякий случай спросил он, хватанув пробегающего Ваньку за футболку.

– Видел! – неожиданно ответил Ванька, тормозя. – Он на крыше.

– А ты что на крыше делал? – с подозрением спросил Виталик.

Ванька замотал головой:

– Я ничего. Я с улицы видел. Он по пожарной лестнице влезал.

Виталик выпустил Ваньку, и тот умчался.

Значит, ни к какой бабушке Славка не ходил. Влез на крышу – да не по дереву, не через чердак, а по лестнице, у всех на глазах. Из-за какого такого срочного и крайне важного дела он решился на это?

Недолго думая Виталик повернул к музыкальному залу. В три прыжка достиг окна, махнул на дерево, подтянулся – и вот он уже на крыше.

Славка и правда был там – стоял у дальнего края, как раз возле лестницы. Просто стоял и смотрел вверх. Какого гоблина он здесь делает? Виталик проследил за его взглядом и увидел в небе удаляющийся самолет. Что еще Славка придумал? Сегодня его очередь дежурить на кухне, а он самолеты с крыши пускает. С крыши! Средь бела дня! Виталик еще раз взглянул вслед удаляющемуся самолету. И зачем так далеко зарядил, как он его искать собирается? «Или… – внезапно понял он, – не собирается?!»

В этот момент Славка перекинул ногу на лестницу и начал спускаться.

Надо срочно перехватить его внизу, решил Виталик. Припереть к стенке и заставить объяснить, что все это значит. Но лучше провернуть дело без взрослых, они только все испортят. Лучше поговорить в тихом месте, без посторонних. Вот только как?

И тут Виталику попался на глаза выход на чердак. Он сообразил, что девчонки сейчас наверняка вешают там белье, и у него тут же возникла идея.

Аня

Topreading.ru

– На двух островах Спящего архипелага, того что на окраине Империи, – начал Сергей, – жили-были техно. Жили хорошо. Строили дворцы, переливающиеся всеми цветами радуги, возводили мосты – ажурные, как кружево, но такие прочные, что могли бы выдержать поезд. Умели управлять автомобилем чуть не с рожденья – машинки у них были самые простые, – могли из любых железок собрать часы или телефон. Острова не представляли ценности для Империи, к ним плавали редко – подумаешь, живет тут какой-то полудикий народ и живет, кому до них дело есть.

Но Империя постепенно развивалась, у нее появлялась современная техника – поезда, самолеты, теплоходы, ракеты. А еще компьютеры, информационные сети и искусственный интеллект. Прогресс, одним словом. И этот прогресс медленно стал доходить до архипелага. Но как только на островах появились сложные технические устройства, способности техно стали бурно развиваться. Происходило это примерно так. Подплывает к острову теплоход, а на причале стоит ребенок-техно и чувствует, как у теплохода внутри механизм работает. Он берет, к примеру, свисток, свистит – и теплоход дает задний ход. Ребенку интересно, а люди, которые этим теплоходом управляют, в панике.

В Империи задумались. Сегодня ребенок-техно с теплоходом играет, а завтра взрослый техно по своему желанию самолет в небе развернет?

– А смог бы? – спросила я.

– Если бы низко летел, смог бы, почему нет. Или другой пример. Приехал техно на материк, взял и вырубил ближайшую электростанцию, и весь город оставил без света. Электростанция что такое? Генератор представляешь? Ну вот, электростанция это такой огромный генератор на весь город. Не знаю, зачем техно ее вырубил. Может, его кто-то разозлил. А может, решил, что она наносит вред. Техно ведь очень чувствительные, их способности зависят от окружающей среды. Ну как цветок, например. Летом ему хорошо, а зимой он не растет, потому что холодно. Вот так и техно – если ему холодно, то есть плохо из-за другой техники, он эту технику отключает. А хуже всего было, когда техно столкнулись с искинами. Искин – это искусственный интеллект. Компьютер, но только в виде человека, понимаешь?

– Как робот? Я видела комиксы про роботов. Но я думала, что это сказки.

– В комиксах, наверное, немного не такие, но похожи. Так что не сказки. Вот представь: встречает техно искина и слышит все его мысли – искин же машина. И эти мысли техно не нравятся. Тогда он генерирует, то есть создает искину другие мысли. И искин начинает делать то, что велел ему техно… ну например, идет и разбирает завал на дороге после бури. Или городскую помойку убирает.

– Что же в этом плохого?!

– В этом – ничего. А если завтра техно прикажет искину пойти и убить императора?

– Император – это самый главный?

– Да. Как мэр, только всей Империей управляет.

– Но зачем техно убивать Императора? Ему это не нужно!

– Это ты так думаешь, – возразил Сергей. – Это я так думаю. А Император думал по-другому. Он понял, что у него под носом очень сильные и почти неуправляемые волшебники. Решил, что они опасны и проще от них избавиться. Отдал приказ своим спецслужбам… специальным

людям, и всех техно на Центральном уничтожили.

– Просто так взяли и убили?!

– Нет, – замотал головой Сергей. – Не просто так. Император не может просто так отдать приказ об уничтожении стольких людей, нужна серьезная причина. Но тут как раз подвернулся повод. Прорвало дамбу – это защитное сооружение от наводнений. Дамбу прорвало, и город затопило. Много людей погибло. Император убедил всех, что техно сделали это специально, чтобы отомстить за то, что их не хотели выпускать с острова. Ну и… люди возмутились, техно ликвидировали. Хотя они были ни при чем.

– И на Светлоярске тоже всех убили? – с ужасом спросила я.

– На Светлоярске были в основном школы. Здесь учили детей. Детей не стали убивать, их отдали в другие семьи. А тех немногих, кто остался, запретили учить так, чтоб из них выросли техно. Запретили пользоваться техникой. Ну что у вас есть, кроме машинки? Небось даже телевизора нет.

– Чего?

– Того. Математику физику и химию из школьной программы убрали – вдруг научитесь?

– Физику? Ты сказал «физику»? – воскликнула я. – Я нашла ее!

– Что ты нашла? – удивился Сергей.

– Волшебную книгу! На ней было написано: «Физика. 10-й класс», – с гордостью ответила я.

– Где? Когда?!

Я рассказала.

Сергей почесал в затылке.

– Ань, с чего ты взяла, что эта книга – волшебная?

– Ну как же! – Я вскочила, замахала руками. – Там руны и задания, почти такие же, какие выдает механизм во время игры в пазлы. И еще там много другого, чего я совсем не поняла, но это точно волшебство. Заклинания и…

– Ань, с чего ты взяла, что эта книга – волшебная?

– Ну как же! – Я вскочила, замахала руками. – Там руны и задания, почти такие же, какие выдает механизм во время игры в пазлы. И еще там много другого, чего я совсем не поняла, но это точно волшебство. Заклинания и…

– Механизм! – воскликнул Сергей. – Так он все еще работает? Здорово!

– Ты знаешь про механизм? – спросила я недоверчиво.

– Я один из тех, кто его и делал.

– Да ты что! – закричала я, захлебываясь от восхищения. – Ничего себе!

Topreading.ru

– Тут нет ничего особенного, Ань. Но ты меня перебила, слушай дальше. Так вот, людям не разрешали иметь много детей – вдруг из них вырастут техно? Чем больше народу, тем сложнее контролировать. Кто протестовал, того сажали в тюрьму.

– А мои мама с папой?

– Когда все случилось, они были маленькие – тридцать лет с тех пор прошло. А вот одиннадцать лет назад группа людей, таких, как твой папа, пыталась организовать сопротивление. Незадолго перед этим мы и сделали два таких механизма…

– А где второй? – перебила я.

– Я даже не знаю, – замотал головой Сергей. – Его другие техно делали. Где-то тут, на острове, в одном из домов. Мы специально так придумали, чтобы была игра для детей, но с заданиями по математике. На тот случай, если… погибнем, и некому будет объяснить вам, что такое умножение и деление. Икс и игрек. Ну и так далее. Так что это не совсем волшебство. Хотя для техноволшебника, – тут же поправился Сергей, – скорее волшебство. Ты права.

– Подожди… – До меня начало доходить. – Это что же получается: нас держат на острове и не разрешают становиться техно?

– Вот именно.

– Но это же несправедливо! Надо же что-то делать! Нельзя же…

Я снова уселась, не в силах справиться с волнением.

– И что, например? – с любопытством спросил Сергей.

– Не знаю, – нахмурилась я. – Наверное, надо пойти к мэру и сказать, что нам это не нравится. Если пойдут все, он не сможет… Он должен будет…

Я беспомощно посмотрела на Сергея. Ну что же он мне не подскажет!

Но Сергей только улыбался.

– А чем закончилось ваше сопротивление? – спросила я.

Сергей кивнул: «Я ждал этого вопроса. Нас разгромили, Аня».

– Не догадываешься? Нас разгромили.

Энтузиазму во мне сразу поубавилось. Действительно, если бы все было так просто, это получилось бы еще одиннадцать лет назад!

Я уставилась в пол.

– Мои родители умерли? Или… они где-нибудь в тюрьме?

– Я не знаю, Ань. Меня самого…

Я быстро посмотрела на Сергея.

– Что?..

Topreading.ru

Мое сердце громко сделало: «бум!» и унеслось куда-то вниз. Сергей замялся.

– Ты не пугайся только, ладно? Мне было пятнадцать лет уже тогда, поэтому я все прекрасно понимал. Мы ведь считались опасными преступниками. Когда мы засели в крепости – той, что была на площади, где сейчас остатки стены, – против нас выпустили ядовитый газ. Ну такое вещество – подышал и умер. Многие взрослые действительно погибли. Но я был еще подросток, к тому же – сильный техно. Это я сейчас почти ничего не могу, а тогда мог… В общем, когда я очнулся…

Сергей замолчал и стал ожесточенно скрести затылок.

– Очнулся я здесь, в городе за Воротами. И с тех пор мне всегда пятнадцать лет.

Ната Караванова закончила полоскать штаны и рубашки малышей и присела на низкую скамеечку отдышаться, пока Лялька выкручивала. Хорошо, что наконец-то подросли Леся и Никитка, им уже три, и они почти не писаются. Леся так вообще молодец. А вот раньше – сколько было мороки с их простынками и штанами!

Вон под окном стоит тумба, которая называется Стиральная машина. Раньше туда можно было наливать воду. Машина работала от генератора: внутри крутился «барабан», и белье, в которое еще добавляли мыло, после стирки получалось почти чистым. Машина дребезжала и ездила по всей прачечной, развлекая мелюзгу, да и старших детей тоже. Она много раз ломалась. Дядя Коля то и дело менял в ней разные части, и машина оживала снова. Но однажды – это было как раз в тот день, когда у них появились Никитка с Лесей, и пришлось загружать их пеленки, – от машины повалил дым, и она встала намертво. Дядя Коля вместе с Виталиком долго копались в железных кишках, но в конце концов привратник, стирая со лба черную полосу, сказал: «Все, карапузики. Танцы закончились. Вот вам новая тумба».

И машина стала тумбой, на которую ставили корзины с бельем. Удобно.

Новую паром не привез, стирали теперь вручную.

Натка вытерла руки о фартук и потихоньку от Ляльки достала из кармана шорт записку, которую тетя сунула ей в спортзале со словами: «Побыстрее узнай, кто это писал». Легко сказать, узнай! Если б тут было по-письменному, Натка смогла бы, наверное, определить, чей почерк. А печатные буквы у всех одинаковые:

«Аня Пчолкина ночью уходила из интерната». Еще и с ошибками. Можно было бы подумать на кого-то из малышей, которые только печатными буквами и умеют писать, но откуда малышне знать про Аню? Они на первом этаже, за ними смотрит Даша и по очереди кто-нибудь из нянек. Вряд ли кто-то из карапузов настолько шустрый, чтоб засечь ночные вылазки Насекомого. Об этом и старшие-то не всегда знают. Кроме того, надо быть очень смелым, чтобы ябедничать на старшего. Можно ведь и по уху получить. Самое правильное и быстрое – спросить у Даши. Она сразу вычислит «писателя» по ошибкам. Но как раз Даше-то доверять и нельзя! Об этом всегда напоминает тетя – так, чтобы никто из детей не слышал. Ната как-то раз спросила: почему нельзя? Но тетя ответила непонятно, и Ната отстала. Нельзя так нельзя. Проще запомнить это и не выяснять. Тете виднее, она директор. Ну а кроме Даши, может знать только Лялька – ей иногда поручают проверять тетрадки, потому что она уже большая, почти выпускница. Но что, если это написала сама Лялька? Тогда она соврет.

Пока Ната думала, Лялька закончила отжимать первую партию мелюзговой одежды и сложила ее в корзину.

– Топай на чердак. А я пока – следующую.

Ната встрепенулась, быстро сунула записку в карман и, стащив с тумбочки полную корзину поволокла из прачечной.

«Конечно, у Ляльки нет никаких причин ябедничать на Аню, – думала Ната, открывая дверь подвала, чтоб выйти на черную лестницу. Лялька и сама частенько бегала, только не из интерната, а например на чердак, чтобы поболтать через слуховое окно с Виталиком, который сидит на крыше. Так же и Виталик не стал бы писать записки, он уже взрослый. Да ни один мальчишка не стал бы! Если бы кто-то злился на Аньку скорее полез бы драться. Хотя мальчишек и учат, что девочек бить нельзя, но Насекомое не обычная девочка, она за себя сможет постоять. Уж поколотить Ваньку с Олежкой ей будет нетрудно. Со Славкой они вроде дружат, а Женек не такой. Он не станет ни драться с девчонкой, ни писать на нее ябедные записки».

Ната обхватила корзину двумя руками и затопала по ступеням вверх. Скорее всего, решила она, это либо Анькины соседки по комнате – могли ведь что-то не поделить, поругаться, – либо двойняшки. Просто потому, что они самые скандальные. Можно еще спросить у самой Ани – вдруг она знает доносчика. Но Аня, как назло, куда-то делась.

Вот и сушилка. Здесь гулял сквозняк, потому что окно уже кто-то открыл.

– Сестренка! Эй!

– Виталик?

Ната поставила корзину и подошла к окошку. На крыше действительно сидел Виталик.

Ее братом он, конечно, не был. Виталик просто называет сестренками их с Аней, вроде как заботу проявляет.

– Сестренка, позови Ляльку! Мне ей надо кое-что сказать!

– Ей некогда, Виталик. Лялька стирает.

– Слушай, ну постирай ты за нее, а? А она развесит твою корзину. Очень надо! Правда.

– Ну ладно. – Ната пожала плечами. Она вообще редко спорила. Надо так надо.

Когда Натка вернулась в прачечную, Ляля как раз закончила отжимать следующую партию.

– Ого, ты уже? А где корзина?

– Тебя там Виталик ждет. Говорит, срочно.

Лялька смутилась и ничего не ответила. Взяла в углу вторую корзину и быстренько переложила в нее белье.

– Ты тогда… тут…

– Я закончу. Иди, – великодушно разрешила Ната.

Лялька сделала «чмок» губами и легко унеслась с корзиной наперевес.

Ната кое-как отстирала свою одежду и только взялась за спортивные штаны Ани, покрытые странными рыжими пятнами, как явился Женек и притащил рубашку.

– Опять краска? Где ты взял? Так нечестно! – воскликнула в отчаянии Натка, увидев бордовое пятнышко. – Прячешь, да?

Она чуть не плакала.

– Наташ…

Женек был растерян и огорчен. Он явно не ожидал ее тут застать, и теперь приходилось сознаваться в сокрытии ценности. Женек быстро рос, и из всех был самый худой. Ключицы выпирали, ребра торчали, под глазами вечно лежали синие тени.

– Наташ, ну хочешь, я тебе тоже дам? Я только одну баночку… Закат рисовать – ну как его кирпичом нарисуешь, ну он же не кирпичного цвета!

Как будто она не знает, какого цвета сейчас закаты!

Натка шмыгнула носом в последний раз и вытерла глаза ладошкой.

– Ладно. Все равно я пейзажи не рисую. Оставь себе.

Все равно было обидно! Они же условились: все поровну. Никто ничего не прячет. И на тебе. Потом, решившись, достала записку из кармана:

– Это ведь не ты писал?

Женек посмотрел:

– Ты что! Про Аньку?!

– Да знаю, что не ты. А кто мог, не знаешь? Двойняшки?..

Женек помотал головой:

– Только не они. Смотри, какая глупая ошибка: «ночью» без мягкого знака. Нагорные без ошибок пишут, я же всегда у них списываю.

Натка хмыкнула. Женек – и признался, что списывает. Чувствует, что все-таки виноват перед ней. Пытается загладить. Значит, ему хотя бы не совсем все равно…

– Давай рубашку! – потребовала Натка.

– Да я сам, – запротестовал Женек.

– Давай, говорю. А ты лучше помоги найти того, кто это наябедничал.

Женек отдал Натке испачканную рубашку и с готовностью стал вертеть записку так и эдак. Даже понюхал.

– Карандаш ТМ, чернографитовый, Гонсалвес.

Натка захохотала. Отсмеявшись, покачала головой:

– В сыщика играешь? Разве бывают другие карандаши…

– Ну, мало ли… – пробормотал Женек. – Славка говорил, что бывают.

– Да? – удивилась Натка. – Где?

– Не знаю, – нахмурился Женек. – Славка вообще последнее время какой-то странный.

Они помолчали. Натка закончила застирывать пятно и остановилась в нерешительности.

– Давай, схожу повешу.

Женек протянул руку.

– Погоди, там… Потом, короче. Пусть тут пока повесит.

И Натка расправила рубашку на горячей трубе.

– Так, значит, не Нагорные? Тогда Маша или Юлька. Остальные отпадают.

– А ты уже провела расследование? – жадно спросил Женек.

– Да какое расследование, Жень! Просто… больше никто не мог, и все.

– Я думаю, Маша. У нее кровать рядом с окном, ей проще заметить.

– А Юлька спит чутко! – возразила Ната. – И в той же комнате живет.

– А где ты взяла эту записку? – вдруг спросил Женек.

– Тетя дала. Наверное, ей в кабинет подбросили.

– Ирина Андреевна дала тебе записку? Зачем? – с подозрением спросил Женек.

В этот момент вернулась прачка баба Люба, которая целый час занималась распаковкой ящиков, принесенных с пристани, поскольку в этот раз не смогла найти никого в помощь: все были чем-то заняты. Радость светилась на ее лице: она несла коробку с мылом и огромный моток новой веревки.

– Все, все, ребятки, – запыхавшись, проговорила она. – Все. Помогли – идите, там уже и обед. А где корзины?

– Ляля понесла… она наверху, вешает! – быстро ответила Натка.

– Сразу две понесла? Да как же так, тяжело ведь! – покачала головой прачка. – Наточка, сходи за корзиной, я сейчас быстренько достираю и сложу…

Дети вышли из прачечной.

– Что-то тут не так, – заявил Женек, кивнув на записку. – Иди к директрисе и расскажи ей, что мы думаем. Хотя непонятно, почему она попросила тебя это узнать. А орлан где, кстати?

– Откуда ж я знаю, я из раздевалки прямо сюда пошла, – всплеснула руками Ната. – А корзина?..

Topreading.ru

– Корзину я сам принесу. Ляля, наверное, уже все повесила. Иди.

Ната хотела было возразить, но махнула рукой и отправилась в кабинет к Ирине Андреевне.

Глава восьмая,

в которой завеса готова приоткрыться

Аня

Я ревела и никак не могла остановиться. Сергей сидел на корточках возле дивана и заглядывал снизу мне в лицо.

– Ань! Ну что ты, Аня! Из-за меня, что ли? Ну перестань, вот он, я. Видишь: говорю с тобой, двигаюсь вон, могу рожу скорчить.

Он закачался из стороны в сторону, то изображая руками крылья, то крутя невидимый руль, при этом строил то жуткие, то смешные гримасы.

– Ань, ну в самом деле. Я живой… почти.

Я начала было успокаиваться, но при этих словах снова зарыдала. «Почти живой!» Ничего себе!

– Ну потрогай, возьми меня за руку! Теплый, честно. Не привидение. Во всяком случае, надеюсь на это.

Он протянул ладонь, я осторожно тронула ее пальцами. Рука была холодной, но холодной по-человечески. Как бывает, если придешь зимой с улицы, когда гулял без варежек.

– Пульс пощупай, вот здесь. Это кровь, ее гонит сердце, ясно?

Под моими пальцами на его руке действительно билась жилка. Медленный, слабый, но пульс был.

– Как же ты… все одиннадцать лет тут… один… – Я всхлипнула еще несколько раз, но стало уже не так тяжело.

– О, это было прикольно, – заявил Сергей и плюхнулся рядом на диван. – Сначала я только видел. Представляешь: тела нет, ничего нет – вижу небо над собой, и все. Как будто я был точкой. Не знаю, сколько это длилось. Долго. Постепенно я из точки становился, хм, многоклеточным. Начинал чувствовать тоже медленно-медленно. Вот когда ногу отсидишь, а потом чувствительность начинает возвращаться – очень похоже. Только там минуты уходят, а здесь прошло пару лет – а может, и больше, я сначала время не ощущал. По мере того как становился нормальным телом, вспоминал, кто я есть. А однажды почувствовал, что хочу жрать, и встал.

– Врешь ведь? – улыбнулась я сквозь слезы.

– Нет, честно. – Сергей засмеялся. – Ну ты представляешь, два года не есть?

– А что ты тут ешь, орехи?

– Не только. Рыбу в заливе ловлю, жарю на костре. Одной рыбки мне хватает на неделю. Я мог бы есть и сырую, мне совершенно все равно, я вкуса практически не чувствую. Но как-то… Жареная привычнее, в общем. Ну, грибы собираю, ягоды…

– А зимой? – перебила я. – Когда даже рыбу не поймать?

– Чтоб наш залив намертво замерз, такого почти не бывает. Это только нынешней зимой стоял нереальный дубак. Ну так я и проспал почти всю зиму.

– Как ежик?

Мои слезы совсем высохли, я даже улыбнулась.

– Типа того.

– А почему ты не вышел отсюда наружу, к людям? Неужели тебе тут нравится?

Я передернула плечами. Сергей хмыкнул:

– Не очень. Я пробовал. Сначала вообще не мог выйти, несколько лет тут торчал, надоело – ужас! Если бы не научился картинки светом рисовать, с ума бы сошел, наверное. Потом, когда смог, – покажу, где, – вышел ночью. Прогулялся. Быстро устал и вернулся – спать. Я эту сторожку сразу нашел, тут и поселился, самое уютное место. В следующий раз удалось выйти на рассвете. Походил совсем недолго: как только солнце взошло, меня как выключило там. А здесь включило. Интересное ощущение. Сейчас я хорошо чувствую, когда за Воротами светло, а когда ночь. Днем не пытаюсь выходить – бесполезно. Даже Ворота не открываются.

– Но ты мог бы прийти к нам в интернат! Жил бы у нас ночью… а днем – тут. Зато общался бы с ребятами – это все-таки лучше, чем совсем никак!

Сергей помотал головой:

– Я думал об этом. Месяц, наверное, ходил вокруг интерната, изучал обстановку. Рано утром и поздно вечером. Но когда понял, что вы вообще ничего не знаете про техно, что вам специально не рассказывают, – передумал. Понимаешь?

Я понимала. Но во мне все протестовало против такой несправедливости!

– А как же дальше? Ты что, всю жизнь будешь тут?

Сергей пожал плечами:

– Не знаю, может, и можно что-то сделать, но у кого спросить? У вашего дяди Коли? Наверное, он единственный взрослый техно.

– Он техно?!

– А ты не догадалась? Чипированный. Слышит-то небось плохо?

– Да… не очень… – поразилась я.

В самом деле, могла бы сообразить.

– Только не факт, что он знает, чем мне помочь, – серьезно сказал Сергей.

– Но надо хоть попытаться! – Я вскочила. – Идем к нам, сейчас же!

– Еще светло.

– Тогда я одна, а ты позже придешь. Только покажи, где выход.

– Ворота не выпустят, я пробовал.

– Ты один пробовал! – возразила я. – Тебе опасно, потому что светло, а мне ничего не будет. Пошли!

Сергей опять посмотрел на меня снизу вверх.

– Тебе нельзя в интернат, Аня. Тебя все ищут, понимаешь? Даже если ваш орлан за вас, это не значит, что вся юниор-полиция его поддерживает, скорее всего – нет. Я считаю, тебе надо пробиваться куда-нибудь подальше отсюда, хотя бы на Рока-Алада.

– Ну нет! – возразила я. – Если уж я отсюда куда-нибудь выберусь, то только на Центральный остров, потому что мне надо найти брата! А может, и папа с мамой живы и в тюрьме.

– И у тебя есть армия, чтобы их освободить?

– Нет, – понурилась я.

– Вот то-то и оно. Так что насчет мамы с папой – вряд ли выгорит. А вот брат… Может, брата и удалось бы найти…

Сергей задумался.

– Ладно. Что мы гадаем? Все равно надо что-то делать, а не сидеть. А мне обязательно нужно в интернат, чтобы предупредить всех, они же даже не знают, где я!

– Думаю, знают. Слепая дверь может вести только в город техно.

– Тогда почему они за мной не пришли?

– Потому что действующий, полноценный техно на острове – ты одна. Остальным не открыть эту дверь.

Чуть раньше…

Ляля старалась сделать все быстро. Виталику она, конечно, доверяла, а он сказал: «Очень нужно, очень важно, очень срочно, помоги». Конечно, она поможет Виталику, тем более, если кто-то действительно сделал гадость Насекомому. Насекомое – нормальная девчонка, хоть и мелкая еще.

Ляля бесшумно поднялась по лестнице и ступила в коридор второго этажа. Здесь было спокойно и безлюдно: кто-то занят делами, кто-то отсиживается в спальнях. И только у кабинета директора Ляля разглядела приникшую к дверям Юлю. Та подслушивала без всякого зазрения совести. Ляля недобро свела брови к переносице. Во-первых, мелкая заслуживала подзатыльника за шпионаж под директорской дверью. Во-вторых, лишние свидетели сейчас могли очень-очень помешать, и надо было избавиться от Юли понадежнее и побыстрее.

Подкравшись сзади на носочках, как только она умела, Ляля мгновенно зажала Юльке рот ладонью, а другой рукой прижала девчонку к себе и шепнула ей в самое ухо:

– Не ори. Сейчас отпущу, а ты – тихо, поняла?

Юля что-то замычала, видимо соглашаясь. Ляля разжала ладонь, торопливо увлекла Юлю за руку в музыкальный зал.

Как только они оказались в зале, Ляля плотно закрыла дверь и даже приперла ее стулом для верности. После этого грозно глянула на опасливо переминающуюся с ноги на ногу Юлю.

– Так! – начала Ляля, наставив на Юльку указательный палец. – Я все знаю. Я знаю, что это ты сделала. Не вздумай отпираться, а то хуже будет. Живо говори, как все было, или прямо сейчас идем к директрисе, и будешь рассказывать ей! Давай, я жду.

Ляля скрестила руки на груди, уничтожающе глядя на Юлю. Та захлопала глазами:

– Да я… а она… А чего она!

– Кто, уточни? – зловеще переспросила Ляля. – Ничего не пропускай!

– Анька, – чуть не плача, ответила Юля. – Почему ей можно ночью из интерната выходить и ничего за это не бывает, а другим – нет?

Дело принимало неожиданный оборот. Ляля понятия не имела о Юлиных грехах, хотя не сомневалась в том, что грехи у нее имелись. Во-первых, потому что подслушивала под дверью, во-вторых, потому что они у нее были всегда, такой уж Юлька человек. Ляля собиралась сделать вид, что она уже обо всем осведомлена и что расплата неизбежна. Можно было припугнуть Юльку, а потом пообещать молчать в обмен на то, что она немедленно уберется и не будет мешаться под ногами. А может, и еще что-нибудь вытребовать. Но раз речь зашла об Ане, имело смысл вытянуть из девчонки подробности, но так, чтобы она не догадалась, что Ляле вообще ничего не известно.

– «Другим» – это тебе, что ли? – безжалостно спросила Ляля. – Ты тоже хочешь после отбоя шастать из интерната?

– Да я просто… Но они же со Славкой все время… То орехи рвать, то вообще с территории убегали!

Она как-то делает, чтобы будильник свистел. Или эта штука от самолета. Все думают, что она спит, а это будильник! А Славка сказал: «Никому не рассказывай, все над тобой смеяться будут». А я правду говорю! – обиженно тараторила Юля.

Ляля поняла, что сейчас запутается. Ясно было только одно: все дело в Славке.

– Когда он тебе это сказал: «Никому не рассказывай»?

– Сегодня, – буркнула Юля. – Он вокруг нее: «Анечка-Анечка». А я… А мне…

У нее на глазах навернулись слезы.

– Ну я взяла и… написала записку. Вот. Чтоб Ирина Андреевна тоже узнала. А она даже не заметила! Она там с орланом совсем о другом разговаривает, я ничего не поняла.

Topreading.ru

Зато Ляля начинала соображать. Видимо, Аня действительно умеет что-то интересное или даже опасное, чего не могут другие. Юля живет с ней в одной комнате, поэтому заметила и рассказала Славке. Понятно почему – от зависти. С ней-то Славка не дружит, а ей, видимо, этого хочется. И директрисе наябедничала тоже со злости, с досады. Но ни то ни другое не повлекло за собой никаких последствий для Ани – так думала Юля. Поэтому и подслушивала под дверью.

Но, похоже, она ошибалась.

– Теперь мне все ясно, – с умным видом кивнула Ляля, почесывая бровь с пирсингом. – Ты права, ночью никому нельзя выходить из интерната. А с ябедами что у нас делают, знаешь? – Юля сердито засопела. – Запирают в подвале! А там – крысы!

Про крыс Ляля придумала только что. Она ни разу не встретила ни одной, хотя регулярно спускалась в подвал, чтобы через него выйти на чердачную лестницу.

Теперь следовало изобразить доброту и справедливость.

– Ладно, – сказала Ляля важно. – На этот раз прощаю тебя и никому не скажу, что ты ябеда. Но за это ты пойдешь и без очереди развесишь белье, оно уже наверху, в сушилке. Прямо сейчас. А то у меня срочное дело.

И она отодвинула стул от двери. Юля молча кивнула и потащилась из зала.

Время летело, и надо было как можно скорее заманить Славку в подвал, тот самый, в котором не водилось никаких крыс. Зато там ждал в засаде Виталик, чтоб устроить Славке допрос без посторонних.

В спальне Славки не оказалось. Женек тоже где-то болтался. В соседней комнате одинокий Олежка с синяком на лбу читал книжку. Ляля обошла весь этаж, потом спустилась в кухню – там уже собирались обедать, и нетерпеливая малышня стучала ложками, но Славки не было. Ляля заглянула еще в несколько мест: к Славкиной бабушке в прачечную, на склад, в душевую, в комнату, где провалился пол, в спортзал. Славка словно испарился. Она выбежала через главный вход и понеслась вокруг интерната, по дороге осматривая спортивную площадку, беседку, ближние и дальние кусты, даже канаву. Славки не было. Ляля забеспокоилась. Подумав, поднялась опять в музыкальный зал, вылезла в окно и по дереву взобралась на крышу – просто на всякий случай. Разумеется, там было пусто.

И тут Лялю словно что-то дернуло. Она вернулась в спальню Женька и Славки и открыла Славкину тумбочку.

В верхнем ящике валялось несколько старых журналов, а в нижнем отделении – одинокий обрывок веревки. Сомневаться не приходилось: Славка смотал удочки.

Ляля сломя голову бросилась сообщать эту новость Виталику, но в коридоре налетела на Нату Караванову, и обе грохнулись на пол. На шум из кабинета выбежали орлан и Ирина Андреевна, из спальни выглянул Олежка.

– Что у вас здесь происходит? – требовательно спросил орлан.

– Славка пропал. Его нигде нет, вещей тоже нет, – не раздумывая, ответила Ляля. – Я обыскала весь интернат.

– Зайдите к бабушке, – бросил орлан директрисе, стремительно кидаясь вниз по лестнице.

Во дворе он наткнулся на физрука с самолетом, который и сообщил ему неприятную новость. Сделав выводы, орлан быстро вошел в трансформацию и молнией взлетел в небо. Покружил, осматривая окрестности, поднялся немного выше и в одном из переулков, ведущих к заливу, наконец увидел две фигурки: мальчика и взрослого, между ними явно шла борьба.

Выбрав место для посадки, орлан стал снижаться. Сверху его заметили, борьба прекратилась. Привратник интерната – а это был он – отпустил Славку, который уже не пытался убежать, а только с нетерпением ждал, когда приземлится полицейский.

Наконец орлан ударился о землю и выпрямился.

– Куда это ты намылился, Слава Мухин? – с интересом спросил он.

Глава девятая,

в которой мы узнаем наконец историю Славки

Это началось перед Новым годом. Паром привез необычно крупную партию разных вещей – не только подарков, но и зимней одежды. Декабрь выдался как никогда холодный, все время дули пронизывающие ветры с залива, приносящие то колкий неприятный снег пополам с дождем, то град. Поэтому с Центрального прибыли, кроме всего прочего, несколько тюков с теплыми куртками и ботинками. «Гуманитарная помощь», – обрадованно сказал дядя Коля. В машинку все не влезло, и привратник оставил Славку на пристани караулить гору вещей.

Паром еще не ушел, люди подходили и подъезжали, забирали свои мешки, коробки, грузили на тележки или уносили в руках. Живую елку для установки на площади на этот раз не привезли. Славку всегда удивляло: зачем, если в лесу елок полно? Но зато привезли искусственную. Он даже не понял сначала, что это елка: рабочие в комбинезонах сгружали металлические приспособления с перекладинами, а отдельно – разлапистые зеленые «ветки» и сразу складывали в грузовик мэрии. Руководила погрузкой секретарь. Славка хорошо ее знал, это была мама филологички Даши. Она, правда, давно уже не появлялась в «Зеленом углу» и за это время успела сильно поседеть.

Со стороны парома Славку не было видно. Он сидел «в укрытии» за тюками с одеждой, которые дядя Коля свалил прямо на землю, – благо в полиэтилене, не промокнут. Зато Славка отлично видел и слышал Дашину маму которая называла зеленые железяки «елкой». Внезапно на пристани появилась и Даша – специально пришла, чтобы встретиться, понял из разговора Славка. Даша раскраснелась, видимо, бежала всю дорогу, и была очень сердита. Конечно, ведь у нее через полчаса урок, и ей совершенно некогда торчать на пристани.

Даша говорила матери, что пришла только из-за ее настойчивых просьб. Что она ничего не собирается ей сообщать. Что у детей все спокойно, и все живут, как жили. Что она не шпионка, не доносчица, что интернат – ее настоящая семья, которой Даша очень дорожит. Славка подумал, что так оно и есть, Дашу любят все мелкие, с которыми она возится. Да и со старшими она хорошо ладит – сразу видно, что сама выросла в интернате и знает, что почем. Как-то раз им прислали другую учительницу с Центрального, так та была злющая, и они за неделю от нее избавились.

Topreading.ru

Дашина мама уверяла дочь, что та совершенно неправильно все понимает. Что ребенку с особыми свойствами – тут Славка навострил уши – ничего не грозит, а даже наоборот! Этого ребенка отправят на Центральный остров, а может, и на материк, там он будет «вести достойное существование, а не прозябать в нищете и невежестве вместе с остальными»…

Дальше она употребила слово, смысла которого Славка не знал. Но он понял, что это означает что-то типа «жалкие, никудышные люди». И ему стало обидно за себя и других. Даша при этих словах выпрямилась и как будто стала выше ростом. Заявив, что «ее дети» – лучшие в мире, все до одного, и что она не желает продолжать этот разговор, она повернулась кругом и, не слушая больше просьб и уговоров матери, зашагала прочь.

Славке захотелось ее догнать и сказать, что он с ней согласен, что они не какие-то там, а самые нормальные пацаны и девчонки. Возможно даже, покруче тех, которые на Центральном. Но он не хотел оставлять тюки – одежду могли растащить, на пристани все еще было людно. Тогда Славка, сгорая от негодования, набрался смелости и подошел к Дашиной маме. Она даже вздрогнула, когда он внезапно появился перед ней из укрытия.

– Вы не правы… – срывающимся голосом произнес Славка, сжимая кулаки. – У нас все хорошо. И… и дураков у нас нет. Мы делаем самолеты, девчонки умеют вязать. Вот смотрите, мне Аня варежки связала!

Он, волнуясь, протянул вперед руки в коричневых варежках с зелеными кособокими снежинками – ниток другого цвета не было. Дашина мама, смутившись, смотрела на эти старательно вышитые снежинки.

– Аня у нас самая ловкая, а Димка, он вообще, он такое умеет… – захлебывался Славка. – Он головоломку сам придумал и чертеж начертил!

В Славкиных глазах сияла такая гордость, словно это он начертил чертеж.

Секретарша смущалась недолго. Оценив Славкину бесхитростную горячность, она тут же взялась за него.

– Мальчик… Слава, – вспомнила она. – Ты все слышал? Ты не то подумал!

Она говорила с таким воодушевлением, что сама верила в то, что говорит.

– Вы замечательные, с этим трудно спорить. Но условия, в которых вы живете… Даша говорила, что недавно у вас провалился пол в классе, это правда?

– В библиотеке, – пробурчал Славка.

– Вот видишь! Хорошо, что никто не пострадал. А эта авария с горячей водой?

Славка только сопел.

– А ведь можно было бы переселить вас в другое здание!

– Мэр не разрешает, – буркнул Славка.

– Что ты! – соловьем разливалась Дашина мама. – Мэр, Аркадий Юрьевич, не решает такие вопросы! Этим занимается Образовательный комитет, а он на Центральном острове. И комитет может дать вам новый дом и даже выделить грант, ну, то есть деньги, чтобы купить мебель,

учебники, тетради, карандаши, – да все что угодно!

– У нас есть карандаши, – стойко возразил Славка.

Погрузку елки закончили, и теперь рабочие кидали в кузов коробки с привезенными товарами. Секретарша открыла одну из них, самую маленькую, достала оттуда предмет, отдаленно напоминающий карандаш, и с улыбкой показала Славке:

– Такие?

Славка захлопал глазами.

Карандаш был автоматическим.

Карандаш был с шестью стержнями разных цветов, которые можно менять.

Карандаш был с ластиком на конце.

Карандаш был с колпачком, его можно было цеплять на карман или вешать на шею – к нему прилагался шнурок.

– Нет, – внезапно осипшим голосом ответил Славка, как загипнотизированный глядя на карандаш.

– Пожалуйста, возьми его, – очень ласково сказала Дашина мама. – Это мой подарок тебе на Новый год.

Славка хотел было ответить: «Не надо», но рука уже потянулась к необыкновенному карандашу.

– Только ты не показывай его пока никому, – заботливо продолжала женщина. – Я бы подарила всем вам, но у меня сейчас только один, а мы же не хотим, чтобы остальным было обидно, правда?

Славка кивнул, рассматривая карандаш, нажимая на кнопки, чтобы поменять грифель. Он даже забыл про «спасибо», чего с ним раньше никогда не случалось.

– Комитет пришлет такие для всего интерната, как только поймет, что у вас учатся умные и необычные дети, понимаешь? Ведь гранты дают не всем. Но все хотят! И неправильно скрывать свои таланты.

Славка молчал, но мысленно был уже согласен.

– А что надо делать? – спросил он.

Секретарша победно улыбнулась.

– Ты человек действия, ведь так? Расскажи мне про вашего Диму, что он умеет?

Славка рассказал.

А сразу после праздников Димка пропал. Дашина мама, с которой Славка, заранее договорившись, встретился на пристани, выказала такое искреннее огорчение, что Славка, у которого уже возникли подозрения, опять ей поверил. И еще секретарша попросила не

Topreading.ru

говорить об их разговоре ни Даше, ни кому другому.

– Я только собралась написать в комитет про вашего Диму – и вдруг такое! В интернате все и так расстроены, а если еще узнают, что сорвалось получение гранта, огорчатся еще больше. Ну, ничего, подождем. Ведь наверняка у вас есть и другие, не менее талантливые дети!

Славка обещал подумать и понаблюдать. А чтобы лучше наблюдалось и думалось, он получил в подарок кубик Рубика. К сожалению, собирать его Славка мог только по ночам – либо под одеялом, что не слишком удобно, либо, когда потеплело, на крыше. Ведь показать кубик остальным значило обнадежить их раньше времени. А вдруг гранта придется ждать долго? А вдруг, в конце концов, директор рассердится, что кто-то занимается делами интерната за ее спиной? Поначалу Славка хотел рассказать все Ирине Андреевне, но секретарша мэра отговорила его:

– Понимаешь, в том-то и дело! Директору нельзя самому хлопотать за свою школу – это должен делать человек со стороны, не заинтересованный в выгоде! Знаешь, что такое независимая экспертиза? Не знаешь? Это значит, человек хлопочет за школу, потому что она действительно хорошая, и не ждет, что получит что-то за похвалу. А если хвалить свою школу возьмется директор – кто поверит директору? Ведь в случае удачи он получит деньги! Так что давай это будет наш сюрприз директору.

Славка согласился и с этим, он был готов наблюдать дальше. Но тут его ждало разочарование: никто больше не проявлял особых талантов.

Летели месяцы. Чудо-карандаш Славка все время перепрятывал так тщательно, что однажды уронил в сточную канаву и потерял навек. Наученный горьким опытом, кубик он решил не доставать вовсе. Так тот и лежал в тумбочке, завернутый в майку. В конце концов Славка просто забыл про него. Прошла весна, наступило лето. В начале июля у Славки был день рождения, и Дашина мама, с которой он теперь встречался очень редко, подарила ему журнал. Увидев на обложке штуку, которая называлась поездом, и узнав о ее назначении, Славка потерял покой и аппетит. Теперь единственным его желанием было очутиться там, где ходят такие поезда. Во что бы то ни стало.

Он сказал об этом Дашиной маме. Она надолго задумалась, потом сказала: «Может быть. Посмотрим», улыбнулась и распрощалась. С тех пор Славка жил как во сне. Он отчего-то сразу решил, что его обязательно возьмут на Центральный остров, надо только лучше учиться. И он старался.

Он почти уверился в том, что никто из интернатских детей ничего особенного не умеет – а значит, его шансы повышаются, – как вдруг однажды…

Они отправились на берег залива всем интернатом – и дети, и учителя, и няньки. Славкина бабушка тоже должна была пойти, но в последний момент отказалась. Отдав Славке ключ от входной двери, чтобы он запер ее снаружи, бабушка решила пораньше лечь спать – завтра предстоял очередной тяжелый день разгрузки.

Они чудесно отдохнули на берегу, дети купались в по-августовски теплой воде, собирали ракушки. Учителя наслаждались покоем, не забывая приглядывать за воспитанниками. Домой возвращались поздно. Славка и Аня, как всегда, впереди всех. Последние метры по переулку Аня бежала, раскинув руки от счастья, и пела без слов. Славка плелся за ней следом. Взбежав на крыльцо – Славка видел только ее спину, – Аня что-то сделала с дверью. Когда он подошел, девочка уже распахнула ее и влетела внутрь.

Дверь, вместо того чтобы привычно заскрипеть, запела: «дилинь-дилинь». Но Славку поразило другое – то, что Аня сумела без ключа открыть замок, запертый на два оборота. И похоже, даже не заметила этого.

Аня знала, что Славкина бабушка осталась дома, но понятия не имела, что дверь заперта.

С того дня Славка стал внимательнее присматриваться к Ане. Но сказать, точно ли она какая-то особенная, не мог. Он и хотел, и не хотел, чтобы она оказалась тем самым ребенком. Аня нравилась ему, и Славка желал ей только хорошего, но ведь он и для себя тоже хотел хорошего! А если выберут Аню, он-то уж точно будет никому не нужен, такой обыкновенный. Но после того как Дашина мама, уступив расспросам, рассказала Славке чуть больше о Центральном острове, он не мог и думать о том, чтобы всю жизнь прожить на Светлоярске. Разрываясь между чувством долга, симпатией к Ане и желанием увидеть поезд, Славка рассказал о своих подозрениях Дашиной маме. Как раз накануне мэр обмолвился ей, что не очень доверяет комиссару юниор-полиции. И секретарь решила подстраховаться:

– Знаешь что, Слава? Если ты точно убедишься, что Аня обладает особыми свойствами, сообщи мне сразу же. Я боюсь, как бы нам не помешали, – как тогда, с Димой.

– Так он… из-за этого пропал? – широко раскрыл глаза доверчивый Славка.

– Конечно, доказательств нет, – притворно вздохнула секретарша. – Но его ведь так и не нашли. Ты же умный мальчик, сам понимаешь – это не просто так… Ты сумеешь сообщить мне немедленно, как только убедишься? Ведь ты, наверное, не в любой момент можешь уйти из интерната?

Славка задумался.

– Ну, – сказал он наконец, – я бы мог, наверное, отправить самолет с запиской. Но он не улетит дальше летнего парка.

– О! – обрадовалась секретарша. – А дальше и не надо. В парке всегда дежурит кто-нибудь из охраны, я предупрежу, чтобы мне сразу сообщили. И записку не надо, не пиши. Если ты отправишь самолет, я и так буду знать, что ты нашел техно.

– Что?

– Ну… то есть… ребенка с особыми свойствами, – сладко улыбнулась женщина. – И тогда можно будет подумать о твоей награде.

Немного успокоенный, Славка пообещал, что все сделает.

Наступил сентябрь. Никаких особых способностей Аня не проявляла до вчерашнего дня, когда ей вздумалось изменить мелодию часов на площади. Славка осторожно шел за ней по пятам, но несколько поотстал. Он не умел так ловко лазить по деревьям и лестницам. Поэтому когда куранты заиграли «Крошка, спи…», он только-только вышел из переулка и не был уверен, действительно ли это сделала Аня. А поскольку тут же раздался вой сирены юниор-полицейских, он поспешил вернуться в интернат, чтобы не влипнуть в историю. Вбегая через кухню, он наткнулся на бабушку, которая отругала его за поздние прогулки и сразу же отвела в комнату. Аню той ночью он так и не видел и не сомневался, что она успела вернуться раньше его.

А утром обиженная Юлька, которой тоже не лежалось ночью в постели, рассказала ему про Анину «сопелку». Славкина уверенность окрепла. Но хотелось увидеть способности Ани самому.

Славка вместе со всеми отправился на пристань, поскольку сломалась машина. Но с полдороги его вернули назад за тележкой. Влетев в дом, Славка увидел, как Аня входит в подвал. Он пробежал мимо, на склад, взял стоящую в углу мини-тележку и поспешил обратно. Дверь подвала все еще была открыта. И тогда Славка захлопнул ее, чтоб проверить, сможет ли Аня выйти из запертого помещения.

Но Аня не вышла. Он подождал некоторое время, а потом все-таки помчался на пристань – ведь его ждали, – с досады оставив дверь закрытой.

Он сомневался всю дорогу до пристани, и когда разгружали ящики, и когда шли обратно. Сомневался, когда рисовали шарик. А когда орлан объявил, что любой может стать выпускником, Славка догадался, что орлан тоже ищет ребенка с особыми свойствами. На физкультуре он никак не мог понять, почему полицейский делает это таким странным образом, и какой результат надеется получить. В тот момент, когда Аня второй раз остановилась, не найдя козла, Славка, измученный сомнениями, был уже на пределе душевных сил. Плохо понимая, что делает, он с размаху швырнул в нее мячом.

А потом, испугавшись, убежал, так и не получив ответа на свой вопрос.

И только в тот момент, когда у дверей соседней спальни услышал взволнованный рассказ Олежки, который говорил слишком громко, Славка наконец убедился, что прав.

И тут же помчался запускать самолет. А потом моментально собрал вещи и рванул в мэрию, боясь, как бы его самого не оставили за бортом.

Но дядя Коля успел заметить его. Да и орлан оказался проворным.

– Значит, она меня обманула, – медленно сказал Славка.

Его рассказ, кроме орлана и привратника, слушали директриса, учителя, Виталик и Ната. Виталика орлан позвал, как самого взрослого из учеников, а Нату потому, что был уверен, что ей и так все расскажет тетя. Так пусть уж услышит от самого Славки – она вроде не из болтливых.

Все были расстроены и подавлены, и не только этой историей, но еще и тем, что в тренерской не оказалось Ани.

– Обманула. Еще как, – вздохнула директриса. – Но теперь ты понял, что сделал неправильно?

– Да, Ирина Андреевна. – Славка опустил голову. – Я должен был рассказать все вам. Или Даше… Дарье Палне.

– Вот именно, Слава. Рассказать все мне или любому взрослому в интернате. Никогда нельзя слепо доверять человеку со стороны.

– Но я думал, что…

Славка поднял голову и взглянул на Дашу, ища поддержки.

Topreading.ru

– К сожалению, моя мама всегда знает, что сказать человеку, чтобы он сделал то, что ей нужно, – произнесла та, смахивая слезу.

Ирина Андреевна бросила на нее неодобрительный взгляд, потом поглядела на Славку.

– Ты думал, что она друг, – понимающе кивнула директриса. – Но запомни, Слава: если друг действует втихаря, если хочет скрыть от всех свои поступки, есть повод усомниться в его дружбе. Возможно, он замыслил не такое уж хорошее дело, иначе рассказал бы об этом еще кому-то. Понимаешь?

– Понимаю, Ирина Андреевна.

Славка снова опустил голову.

Остальные, включая орлана, молчали.

– Димка и Аня… Они… – срывающимся голосом начал Славка.

– Я думаю, они живы, – уверенно произнесла директор. – Возможно, Дима сейчас действительно на Центральном острове…

– Я бы знал, – возразил орлан. – Скорее всего, его успели отправить подальше – на материк. Что же касается Анны… – Он с упреком посмотрел на Ирину Андреевну.

– Аня вернется, – быстро ответила директор. – Мы все на это надеемся.

Обедали все вместе, в тишине. Детям не хотели говорить о том, что пропала Аня, но слух как-то просочился: трудно скрыть исчезновение человека, если он не пришел на обед, – есть хотят все, независимо от обстоятельств.

Ната Караванова хлебала горячий суп, поминутно поглядывая на тетю. Ирина Андреевна ела молча, сосредоточенно, изредка бросая осторожный взгляд на орлана, который неподвижно стоял у окна спиной ко всем. Ната тоже посматривала на орлана и уже не злилась на него. Может быть, потому, что он выглядел таким несчастным, как будто считал себя виноватым в том, что Аня пропала. Хотя ведь это он запер ее в тренерской! Может, в тренерской есть подземный ход, вдруг пришло в голову Нате. Но если бы там и был какой-то люк в полу, он вел бы не под землю, а на первый этаж, на склад. А уж склад обшарен вдоль и поперек, от пола до потолка и обратно. Редкий ребенок не любит покопаться на складе, – а вдруг там завалялось что-нибудь интересное. Никаких люков, лазов, лестниц и тем более ничего похожего на потайной ход, там замечено не было. «А в тренерской разве было?» – возразила себе Ната. Тренерская, конечно, не склад, туда дети часто не заходят. Но все же бывают изредка, и никто ничего подозрительного не видел. Куда исчезла Аня – загадка.

Виталик по сторонам не смотрел, молча жевал хлеб, прихлебывая суп. Он успел поговорить с Лялькой и сообщить ей, что станет полицейским. Лялька не заплакала. Она сказала: «Знаешь, я так и думала. У тебя получится». И Виталику сразу стало легко. Все остальное отодвинулось куда-то на задний план: дурак Славка, интернатские разборки, даже Аня. Нет, конечно же Виталик переживал из-за исчезновения Ани, но в глубине души был уверен, что она не пропадет. Наверное, это случилось не просто так – должно было случиться. И зря орлан беспокоится.

А у Ляльки совсем не было аппетита, но она старательно запихивала в себя ложку за ложкой, не желая сидеть с тоскливым лицом на глазах у всего интерната. Когда ешь, вроде и

незаметно, какое у тебя лицо, – вполне себе жующее, как и у всех.

Новость, что Виталик уходит в полицию, чуть не убила ее. Но заявить ему об этом, когда он явно ждал совсем других слов, было просто невозможно. Поэтому она сказала именно то, чего он ждал. Вроде прокатило. Мальчишки вообще легковерные, главное вовремя похвалить: «Ты самый умный, ты все сможешь», – и тому подобное. И они тут же верят. И ведь правда, после этого все получается, сколько раз было проверено на той же физкультуре.

Доев первое, физрук Саша поставил поверх пустой глубокой тарелки мелкую, с макаронами и котлетой. Как всегда, у него тут же мелькнул вопрос, из чего эта котлета сделана, но исследовательская жилка не мешала утолять голод.

Выходит, Аня научилась находить Двери. Это очень хорошо, значит, она настоящая техно, как ни пытается Империя помешать их появлению. Но что ее ждет? Если Дверь действительно вывела девочку в город за Заслоном, как считает дядя Коля, не испугается ли она там? Найдет ли дорогу обратно? А может быть, сумеет попасть в другое место? В какое?

«Как много мы не знаем о техно, – думал физрук, допивая чай. – И дети совершенно не понимают, что делают, – вон, как Славка…»

Побледневший Славка ничего не ел, только ковырял вилкой в тарелке, и мысли его витали далеко.

Орлан смотрел в окно, спиной чувствуя взгляды всех, кто находился за столом.

«Как много мы не знаем о техно, – думал физрук, допивая чай. – И дети совершенно не понимают, что делают, – вон, как Славка…»

Побледневший Славка ничего не ел, только ковырял вилкой в тарелке, и мысли его витали далеко.

Орлан смотрел в окно, спиной чувствуя взгляды всех, кто находился за столом.

Надо было быстро что-то решать. То, что сделал Славка, он сделал не со зла. Скорее, он – жертва излишней доверчивости и желания жить немножко лучше. Можно ли упрекать в этом подростка, которому всего лишь тринадцать? Естественно, нет.

Но теперь совершенно ясно: мэр знает, что у них есть техно. И он захочет забрать его. Вернее, ее. Аня исчезла, но мэр в это не поверит, решив, что интернат ушел в глухое сопротивление. Какой будет его реакция, можно догадаться, если вспомнить, что было одиннадцать лет назад.

А значит, всех надо немедленно уводить.

Глава десятая,

в которой очень важно уметь танцевать

Аня

Мы с Сергеем шли через город. Откроются Ворота или нет – пока не увидим своими глазами, не узнаем. Так что я уговорила его попробовать.

Пятна света бежали впереди, время от времени выхватывая из темноты то часть стены с узором в виде звездочек – многоугольники, как сказал Сергей, – то длинную изогнутую скамейку в виде сказочного дракона, то высокие ступени, ведущие далеко вниз.

– Что за странная лестница? По ней же ходить нельзя? – удивилась я.

– Это каскад. Здесь били фонтаны, смотри.

Сергей направил пятно света на вершину «каскада». Стал виден довольно глубокий бассейн, со дна которого поднимались трубы.

– Из труб били струи воды, которые стекали по ступеням, а в самом низу есть еще один бассейн. Из него насосами вода закачивалась обратно в верхний бассейн.

– Ну вот! А я пить хочу.

– Здесь есть один работающий фонтан, маленький. Только дальше, сейчас дойдем. Это все, что осталось. А ведь были еще бегающие фонтаны, они носились по всему городу. Поющие фонтаны, танцующие, светящиеся. – Сергей вздохнул.

– И это все… сломали?

– Отключили. А без техно включить некому.

– Кто отключил? Император?

– Орланы. Они на службе у Империи. Орланы всегда соперничали с техно, соревновались, кто сильнее. А тут такая возможность…

Мы вышли к огромному, темному, как и все вокруг, зданию с громадными окнами, до которых едва дотянулись светящиеся пятна.

– Это мастерские техно. Здесь мы делали всякие вещи… А вот и фонтан.

Фонтанчик я сначала даже не заметила. Он притаился в «ракушке» у самой стены. Струя была высокая, прохладная и такая вкусная, что я пила, и пила, и никак не могла оторваться.

– Это специальный питьевой фонтан. Чтоб техно могли в любой момент утолить жажду, не отвлекаясь надолго от работы, – важно сказал Сергей.

– Если техно пьют такую вкусную воду, то я тоже хочу быть техно, – заявила я, на минуту отрываясь от фонтана.

– Да ты и так техно, – усмехнулся Сергей. – Скажи, ты всерьез собралась искать своего брата?

– А разве ты не хотел бы найти брата, если бы он у тебя был? – вопросом на вопрос ответила я.

– Наверное, хотел бы, – вздохнул Сергей. – Но это опасно, понимаешь? Даже если ты сможешь попасть на Центральный остров, то там… Я вообще не знаю, что там сейчас.

Он замолчал и задумался. Я отошла наконец от фонтана и вытерла подбородок ладонью.

– А ты, – робко спросила я, – не поможешь мне?

Topreading.ru

– Я не могу уйти с острова. Я пытался искать затопленную ветку в заливе, но меня будто что-то держит.

– Какую ветку? – удивилась я.

– Затопленную линию метро. Пойдем, кое-что покажу.

Сергей открыл тяжелую дверь, и мы сразу очутились в огромном зале. Осветить его целиком было невозможно, но Сергей крикнул: «А!», и где-то под потолком зазвенело эхо, как в лесу: «А – а – а!» Это значит, много пустого места, я знаю.

Мы шли мимо длинных столов с инструментами и всякими незнакомыми приспособлениями, там и здесь стояли неизвестные мне машины – станки, объяснил Сергей. Наконец он привел меня в небольшую комнату и зажег светильник под потолком.

– Моя мастерская. Личная. Большие механизмы запустить не могу, но зато – вот!

Он с гордостью обвел рукой стол, на котором аккуратно были разложены инструменты – совсем небольшие – и разные металлические детали.

– Пинцеты, ключи, отвертки, шестеренки, винтики, болты… – начал показывать он свои сокровища. – Тебе надо все это знать, как настоящей техно. А тут у меня еще есть готовальня, смотри!

Он открыл черную коробочку. Внутри были разложены двуногие карандаши, очень похожие на тот, который изображен на нашем флюгере.

– Это циркули. Вот этот называется «балеринка».

Он вытащил маленький циркуль, у которого сгибалась одна ножка.

– А для чего они?

– Прежде всего чертить круги. А еще ими можно измерять расстояние. В общем, они для чертежей. Ты все это узнаешь постепенно.

– А полукруглая линейка у тебя есть? – вспомнила я. – Которая тоже у нас на флюгере вместе с циркулем.

– А, транспортир! Конечно. Циркуль, вернее, балеринка, и транспортир – это герб техно.

Сергей полез в шкафчик, висящий на стене, и достал целую кучу разных транспортиров – от совсем крошечных до огромных. Деревянных, металлических, пластиковых…

– И что с ними делать? – пожала плечами я.

– Углы строить. Смотри.

На стене, оказывается, висела доска, как у нас в классе для занятий, я сразу ее не заметила. Сергей достал откуда-то кусок мела, приложил самый большой «транспортир» к доске и раз-раз! Начертил чертеж.

– Вот. Это угол в шестьдесят градусов. А если нарисовать вот так, будет девяносто.

Topreading.ru

Он показал.

Я не понимала, что он говорит, но это было так… необыкновенно. Как будто «Сезам, откройся» из сказки. Неужели я тоже когда-нибудь научусь всему, что умели техно? Смогу что-нибудь построить… или сделать какой-нибудь будильник или моторчик… или даже – у меня захватило дух – стиральную машину! Я, Анька-Насекомое, сама!

Словно услышав мои мысли, Сергей бросил возиться с транспортиром и убрал все инструменты на место.

– Но я тебя привел сюда, чтобы подарить вот это.

Он достал из шкафчика какой-то предмет и положил себе на ладонь. Я увидела большой медальон на цепочке. Лучик света побежал по краю, словно чтобы мне было лучше видно. Медальон заблестел. У Даши тоже есть украшение, но ее медальон плоский, а в середине – прозрачный желтый камушек. А этот состоял из двух створок, сбоку торчал ключик, как для завода будильника, а на передней крышке был нанесен рисунок: танцующая девушка.

– Это балерина. Балеринка, – улыбнулся Сергей. – Я побоялся изображать настоящий циркуль, поэтому вот так…

– Ты сам ее нарисовал?!

– Да. Это чеканка, не так уж сложно. Когда-нибудь я и тебя научу…

Сергей еще что-то объяснял про чеканку, но я почти не слышала. Я смотрела на него, как будто увидела в первый раз. И думать могла только об одном: до чего же он необыкновенно, просто невероятно умный. У нас в интернате никто ничего подобного не умеет и не знает. Разве что, может быть, дядя Коля, но дядя Коля гораздо старше Сергея. Ему положено много знать и уметь.

Сергей повернул двумя пальцами ключик. Я услышала, как что-то шевельнулось внутри, и невидимые колесики и пластиночки запели мелодию без слов. Такой музыки я никогда не слышала. Это было как… бежать босиком по траве. Или ловить руками ветер. Или плескаться в заливе, чтоб брызги летели во все стороны, и солнце освещало их, делая похожими на драгоценные камни…

– Что это? – шепотом спросила я, когда медальон перестал играть.

– Это называется «Шутка». А написал ее Бах – великий композитор.

– Он был техно? – поняла я.

– Хм. Не думал об этом. Но возможно. Он жил триста лет назад на материке. Если там и были техно, то никто об этом не знал.

– А как ты запихнул музыку туда? Если она была написана триста лет назад.

– Это не я «запихнул», я не умею, я ведь не слышащий. Механизм сделали другие техно, давно. Я только изготовил медальон. Когда я увидел в первый раз всех вас в «Зеленом углу», я подумал, что… рано или поздно такая вещь кому-нибудь пригодится. И сейчас я понимаю, что она пригодится тебе. Ты выйдешь отсюда одна. Будешь ты на Светлоярске или попытаешься попасть на Центральный – тебе везде будет грозить опасность. А я не всегда способен помочь.

Я могу быть далеко или без сил… Но тебе достаточно покрутить ключик, и польется музыка; она сделает тебя сильнее. Где бы ты ни оказалась, что бы ни делала. Только не теряй его! И сильно не заводи пружину, она очень нежная.

Он взял цепочку двумя руками и надел мне на шею.

– Спасибо! Я уже чувствую себя сильнее!

Мне и вправду теперь так казалось. Я потрогала медальон – прохладный.

Сергей улыбнулся:

– Если удастся найти кого-то из наших, покажи медальон. Они сразу поймут, что ты не чужая.

– А что же мне подарить тебе взамен? – Я даже расстроилась. – Разве что вот…

Мне и вправду теперь так казалось. Я потрогала медальон – прохладный.

Сергей улыбнулся:

– Если удастся найти кого-то из наших, покажи медальон. Они сразу поймут, что ты не чужая.

– А что же мне подарить тебе взамен? – Я даже расстроилась. – Разве что вот…

Я достала из кармана фенечку с серебристой рыбкой.

– Ух ты, – оживился Сергей. – Сто лет не видел таких штук.

– Хочешь? – тихо спросила я. – Только она не закончена…

– Это ничего. Я же вижу: почти закончена. И ее зато сделала техно.

Я затянула нитки в узел, чтобы не расплетались, и, отцепив феньку от булавки, завязала Сергею на руку.

Рука уже не была такой холодной, как раньше.

Перед встречей с горожанами мэр собирался спокойно выпить кофе и почитать о событиях на Центральном острове, но прибывшая из парка летнего театра секретарша сообщила ему то, что он предпочел бы не слышать.

Откинувшись на спинку кресла, мэр барабанил пальцами по столу и морщился. Желание узнать еще какие-либо новости пропало.

– Значит, вы уверены, что в интернате есть техно? – в третий раз спросил он.

И секретарша терпеливо подтвердила:

– Да, совершенно. Я пока не знаю, кто именно, но узнать не составит…

Мэр досадливо махнул рукой.

– А я даже знать не хочу, кто. Мне это совершенно не интересно. Они слишком далеко зашли: то этот мальчишка, которого пришлось срочно отправлять на материк, потому что на

Центральном спросили бы, как я допустил появление техноволшебника. Теперь опять… – Мэр раскраснелся. Галстук душил, верхняя пуговица жала, пришлось ее расстегнуть. – Давишь их, давишь, а они все лезут и лезут. Если бы не эти роботы-гуманисты, давно бы уже всех… – Он показал, как припечатывает кулаком о кулак. – Это угроза. Это зараза. Надо избавиться от нее раз и навсегда!

Секретарша заволновалась:

– Вы же не хотите сказать, что…

– Идите, идите, – недовольно протянул мэр. – Идите, у нас встреча скоро. Готовьтесь.

Секретарша торопливо вышла. Мэр задумчиво смотрел в стол:

– И этот еще, орлан. Комиссар новоиспеченный. Вертится все время в интернате. Неужели не знает про техно? Но ведь знал бы, сообщил начальству, и сюда бы уже нагрянули с проверкой. А раз не нагрянули… – мэр встал и, заложив руки за спину, зашагал по комнате, – а раз не нагрянули, значит, он темнит и что-то скрывает. И он не даст мне незаметно увезти техно. А не замышляет ли он бунт? Нельзя этого исключать. Значит, от него можно ждать чего угодно. Значит, он опасен. Какие из этого выводы? А выводы такие: я должен либо немедленно разоблачить заговор – тогда виноватым сделают комиссара, а не меня. Либо мне надо просто избавиться от него. Это уж как получится.

Мэр покачал головой и вызвал начальника охраны.

Когда тот явился, мэр посмотрел на него мутным взглядом и произнес:

– Сегодня вечером для вас будет важное поручение.

Аня

Мы пробыли в мастерской совсем недолго. Потом Сергей повел меня к Воротам.

Сначала шли вдоль железной дороги, потом она скрылась в тоннеле. А мы его обогнули и дальше отправились уже по каменной насыпи.

– Если бы я хотел попасть на Центральный остров, то попытался бы незаметно проникнуть на паром и где-нибудь там спрятаться. Но сможешь ли ты?

Сергей с сомнением посмотрел в мою сторону.

– А разве есть другой путь? – Я пожала плечами. – Ты что-то говорил про затопленную ветку…

– Техно построили метро, подводную железную дорогу между Центральным островом и Светлоярском. Оно не работает сейчас. Но если идти по путям, можно дойти до самого Центрального. Только с нашего острова туда не попасть, вход специально завалили. Зато я слышал, что в заливе, недалеко от берега, можно найти другой вход, правда, не знаю, где именно. Не нашел. И даже если ты его найдешь, все равно опасно, потому что в прилив там прибывает вода, а внутри негде спрятаться. И нельзя выйти.

– Тогда мне тем более нужно в интернат – ведь кто-то же должен знать про эту дорогу! – твердо сказала я и топнула ногой.

– Решительная ты девчонка, Аня. Я вот не такой, – задумчиво сказал Сергей. – Но ты должна

беречь себя, слышишь? Нас мало. Ты не имеешь права погибнуть! Иначе техно никогда не вернутся.

Мы прошли еще несколько шагов, и перед нами засияли Ворота. Тут уже не нужны были никакие пятна света. Ворота сами излучали свет, да такой, что слепило глаза. Высотой почти с наш интернат, створки ворот были расписаны причудливыми завитками, которые переплетались с красивыми цветами, длиннохвостыми птицами и гребнями волн. Самое удивительное – с той стороны Ворота были обыкновенные, без всякого сияния, без рисунков, ведь я видела их много раз.

– Сейчас попробую тебя выпустить, – сказал Сергей печально. – Но если захочешь вернуться – этим путем никак. Ты еще не умеешь. Только через слепую дверь из интерната. Поэтому если вдруг тебе будет грозить опасность – сюда не беги, бесполезно. Только время потеряешь. Поняла?

Я кивнула.

Он направил луч света в самую середину Ворот, провел рукой снизу вверх.

Ничего не произошло.

Сергей повторил действие. Безрезультатно.

– Я же говорил, – вздохнул он. – Зря пришли.

– Может, у меня как-нибудь получится?

Сергей пожал плечами и отошел в сторону. Я встала на его место. Губной гармошки с собой нет, попробую спеть, как делала, когда открывала проход из тренерской.

Но стоило лишь протянуть руку – и место стыка опасно заискрилось. Точно так же, как бывает, если подходишь к Воротам с противоположной стороны. Я отдернула руку.

– Ну чего вы, чего? Я ведь и так уже вошла, мне надо выйти!

Снова потянулась к створкам, более решительно. Ворота зашипели яростней и громче, раскидывая белые электрические «брызги».

– Ань, не надо, а то шибанет, – предостерег Сергей.

– Ладно, – вздохнула я с досадой, опуская руку. – Видимо, ты прав. Тогда придется ждать еще часа два!

Отойдя от Ворот, я прислонилась к забору. Хоть он током не бьется!

– Ань, ну ладно тебе, не дуйся! – примирительно сказал Сергей.

– Почему они в меня искрами кидаются? – пробурчала я. – Я же тоже техно! Ты вон дотрагиваешься, и ничего.

– Наверное, это не потому, что я техно, – серьезно сказал Сергей и провел рукой по месту стыка. Ворота не реагировали. – Это потому, что я – привидение.

Я быстро взглянула на него. За серьезной физиономией крылась хитрая усмешка. Я не

Topreading.ru

удержалась и прыснула. А потом мы вместе расхохотались. И мне уже было не так страшно думать о том, что Сергей – не совсем человек, не в полной мере. С ним все будет хорошо, я уверена. Я найду способ ему помочь.

– О! – внезапно перестав смеяться, воскликнул мой друг. – Совсем забыл. Тут есть еще одна классная штука. Пошли, покажу.

Мы двинулись вдоль забора, но отошли недалеко. Шагов через пять луч света выхватил из темноты… карусель.

Она была очень старой. Ну просто очень-очень: ободранной, пыльной, потрескавшейся кое-где, но это было совершенно неважно! На большом деревянном круге перед нами друг за другом, словно в хороводе, выстроились – я не верила глазам – волк, единорог, дракон, две немного разные птицы, а еще грифон, кентавр… Трех последних мне не было видно, их загораживали остальные.

– Что это? Что это такое? – воскликнула я. – Это же…

– Десять волшебных существ, – кивнул довольный Сергей. – Здорово, да?

– А она работает? – воодушевилась я.

– Не-а. Она уже лет двадцать как не работает. Мне повезло: когда я был совсем мелкий, то немножко катался. Но это было так давно… Смутно помню, что ее запускали люди. Может быть, даже дети. Если бы я мог, покружил бы тебя. Но в одиночку сил точно не хватит.

Я подошла к карусели, погладила единорога по деревянной мордочке.

– А если мы вдвоем? Вдвоем, может быть, хватит сил?

Я вцепилась в единорога и прочнее уперлась ногами в землю, готовясь толкать.

Сергей помотал головой:

– Нет, она включается по-другому.

Он взобрался на круг, похлопал по загорелому боку кентавра и в два прыжка оказался в центре.

– Она запускается тут. – Сергей постучал пяткой по доскам пола. – Но надо знать, куда нажимать. Или чувствовать.

– Как нажимать? Ногами? – сообразила я.

– Точно. Иди сюда.

Я тоже влезла на карусель и подошла к нему.

– В детстве мы, кажется, делали это вот так!

Сергей схватил меня за обе руки. Я даже ойкнуть не успела, как он закружил меня на месте, все быстрее и быстрее.

– Держись, Анька! – крикнул Сергей.

Topreading.ru

Тут же замелькали светлячки. Это были уже не просто светящиеся пятна, как раньше. Словно какие-то маленькие существа носились вокруг нас. Я пыталась разглядеть их, повернув голову, но Сергей крикнул: «Не вертись, упадешь!» Я засмеялась, стараясь не отставать от него, быстро перебирая ногами, и в ту же минуту светлячки принялись тихонько перезваниваться. Казалось, теперь вокруг нас носятся светящиеся колокольчики.

– Ну что? Отпустить тебя? Резко?

– Нет! – испугалась я. – Упаду же!

– Ладно!

Сергей замедлил ход, и постепенно мы остановились. Но колокольчики все еще продолжали бегать по кругу и сиять.

– Здорово… – протянула я, пытаясь все-таки рассмотреть их.

Но они разбегались, стоило лишь приблизиться. А перед глазами все еще немного кружилось.

– Нет, не очень здорово. Карусель-то не завертелась, – усмехнулся Сергей. – Чтобы ее включить, надо много детей, я теперь вспомнил. Одни кружат, другие катаются. По очереди. А чтобы запустить этот механизм вдвоем, надо танцевать.

– Танцевать? – переспросила я. – Как? Ты умеешь?

– Разрешите вас пригласить? – вместо ответа произнес Сергей, чуть наклонив голову, и подал мне руку.

– Пригласить куда? – не поняла я. – Мы разве уже уходим?

– На танец, балда! Пригласить на танец. Положи мне руку на плечо.

Я так и сделала, даже не стала обижаться на «балду». Ведь меня еще никто никогда не приглашал на танец. Сергей приобнял меня за спину.

– Слушай меня, и все получится. Повторяй: ногу сюда, за ней – вторую, назад… Раз… два… три…

Это больше напоминало топтание двух слонов на месте, чем танец. Хотя через некоторое время я поняла, что слон все-таки только один – я. Потому что Сергей, несомненно, понимал, что делает.

– У тебя отлично получается, – бодро заявил он, не обращая внимания на отдавленные ноги. – Надо только чуть… музыкальнее. Жаль, «Шутка» сюда не подходит, а то бы… О, а ну-ка, спой свою «Крошку, спи…», она в ритме вальса.

Я замурлыкала колыбельную под нос. Как ни странно, дело пошло лучше.

– Раз-два-три, раз-два-три, – повторял Сергей, и я, наконец, почувствовала ритм.

– Молодец, молодец! – обрадовался мой друг. – Еще немного, и, может быть, у нас что-то выйдет.

Topreading.ru

Мои ноги, кажется, поняли это раньше меня. Раз-два-три, раз-два-три… Я как будто скользила вслед за Сергеем. Мне начинал нравиться этот танец, которого я раньше не знала. И, похоже, карусели он тоже начал нравиться, потому что под нами что-то вздохнуло и как будто медленно-медленно потянулось после долгого сна.

И стало так же медленно поворачивать круг.

– Ах! – тихо воскликнула я.

– Угу! – улыбнулся Сергей. – Давай, не останавливайся, Анька!

Карусель крутилась! Очень медленно, неохотно. Можно было подумать: ни дракон, ни единорог, ни остальные не верят в то, что их наконец-то запустили. Но это произошло, и это сделали мы с Сергеем.

– Веселее, Аня! – крикнул он и припустил быстрее.

Я едва успевала переставлять ноги. Я уже почти летела за ним. Наступая на невидимые педали, заставляя все быстрее и быстрее вертеться невидимые колесики.

– Отлично! Ты просто супер! – крикнул он, и я засмеялась.

Пол под ногами танцевал. Светлячки и колокольчики снова летали вокруг. Я перестала петь, но они, не останавливаясь, звенели, карусель тоже не останавливалась, и это было так здорово, так необыкновенно! Волшебство какое-то.

Стоило мне подумать о волшебстве, как Сергей глянул на меня своими темными глазами… Даже сердце забилось сильно-сильно. Я не знаю почему. Внезапно он остановился и отпустил меня. Я тоже встала, вопросительно глядя на него, а карусель еще продолжала крутиться. Феникс, грифон, орлан и остальная компания летела по кругу…

– Ты чего? – наконец спросила я.

– Ничего. – Он тряхнул головой. – Ну как тебе?

– Лучше не бывает! – честно ответила я.

Он довольно хмыкнул:

– Жалко, что ты уходишь. С тобой не скучно.

– Но я вернусь, Сережа! – горячо возразила я.

Он вздрогнул. Но ничего не сказал.

Круг еще не вполне остановился, но Сергей спрыгнул с карусели, зашагал рядом и подал мне руку, чтобы помочь спуститься… и вдруг замер. Меня унесло дальше.

– Эй, ты что? – смеясь, крикнула я.

– Посмотри туда.

Он указывал мне за спину. В ту же минуту я и сама доехала, оказавшись лицом к той стороне, куда он показывал. А карусель остановилась.

Topreading.ru

Ворота. Они стояли распахнутыми настежь.

И то, что за ними было, совсем не походило на дорогу, ведущую к старому городу.

Глава одиннадцатая,

в которой история поворачивается новыми гранями

Аня

Я стояла возле Ворот. Сразу за ними висел плотный белый туман. Откуда он взялся? Сейчас вроде не раннее утро и не поздний вечер.

– Что ты об этом думаешь, а? – Я беспомощно оглянулась на Сергея. – Что-то мне туда не хочется.

Из тумана тянуло сквозняком.

Сергей подошел, высунул нос за Ворота.

– Хм. Интересно. Ну, одну тебя я туда точно не пущу, заблудишься еще. Идем вместе. В таком киселе света все равно нет.

Он взял меня за руку. Но не как маленькую, а как… друга? В любом случае, было очень приятно.

– Как по-твоему, Ворота случайно открылись? – спросила я, но в этот момент мы одновременно шагнули в туман…

…А в следующую секунду уже падали вниз, крича и ничего не соображая.

Падение длилось недолго. Вскоре мы одновременно шмякнулись на твердый пол животами. Аж гул пошел.

– Оп! Здрасте вам! Это еще что за явление? – послышался незнакомый голос. – И как вы только телескоп не опрокинули!

Все произошло так быстро, я не успела ничего понять.

Ударилась вроде несильно, больше испугалась. Подняла гудящую голову… И увидела прямо перед собой стол, рядом с ним – стул, на спинке которого сидела большая летучая мышь, и бородатого человека в кресле. Впрочем, человек тут же вскочил и бросился к нам.

– Живые? – спросил он, помогая подняться.

– Вроде да, спасибо, – за двоих ответил Сергей, отряхиваясь и тараща глаза на неведомого деда.

И ведь я где-то видела его, точно видела!

– Вы откуда взялись? – весело поинтересовался дед.

– Из облака они свалились! – пискнула летучая мышь.

Я вздрогнула от неожиданности, а Сергей присвистнул:

– Ого, какой спиногрыз!

– Сам ты спиногрыз! – Писк стал обиженным. – Я дух леса.

– Я думал, духи леса рыжие и меховые.

Мышь сердито фыркнула, растопырила крылья и стала похожа на маленького дракона.

– Вечно вы, люди, все путаете! Это белки! Белки! Просто белки!

Я поняла, что надо спасать положение, пока дух леса не начал пыхать огнем.

– А вы, случайно, не вампир? – Я старалась говорить заинтересованно и даже с некоторым испугом.

Пусть мышь почувствует, что мы относимся к ней (или к нему?) серьезно.

– Да, я вампир, – важно ответила мышь, тут же сменив гнев на милость и свернув крылья.

Интересно, как ей удается сидеть на спинке?

– Да ладно заливать-то! – фыркнул старик. – Ты такой же вампир, как я – джинн.

Эх, зря он! Мышь издала звук – очень тонкий, но такой пронзительный, что у нас чуть не заложило уши, – поднялась и улетела в дальний угол. Там зацепилась под потолком за какой-то крюк и повисла вниз головой.

– Ну вот, обиделся, – произнес старик, виновато пожимая плечами. Все-таки, значит, мышь – это он, а не она. – Так. Ну, кто вы такие, я в общих чертах догадываюсь. А вот как вы попали сюда, ума не приложу.

Я осмотрелась. Успела заметить горящий камин и какое-то интересное приспособление у стены, которое играло тихую музыку. Кажется, вспомнила… Ну конечно! Я видела все это в шарике, который показывал нам орлан!

– Да мы и сами не совсем поняли… – начал Сергей, но тут я взглянула в окно и охнула.

За окном плыли облака!

– Как высоко вы живете, – вырвалось у меня.

– Ну, если честно, не то чтобы живу, – пробормотал дед. – Это не дом, это обсерватория.

Я подошла ближе. Окно было забрано решеткой – и правильно, а то вдруг кто-нибудь вывалится! Или ввалится. Как мы.

– Вам повезло, что я раскрыл крышу, а то болтались бы снаружи… наверное, – не очень уверенно проговорил дед.

Я задрала голову. Над нами было небо. Значит, мы упали сверху, через дыру в крыше? Понять бы еще, как это могло получиться.

Topreading.ru

– А это телескоп?

Я обернулась. Сергей стоял возле огромной штуковины, напоминающей, может быть, пиратскую подзорную трубу, только во много раз больше.

– Телескоп, – довольно кивнул дед. – А ты не безнадежен, техно.

Сергей нахмурился.

– Откуда… Почему вы решили, что…

Он замолчал и даже покраснел. Я поняла: что ни скажи, а выходит, что ты – техно, в чем, конечно, не стоило признаваться неизвестно кому.

– Вы меня не бойтесь, детишки, – вздохнул старик. – Я не враг.

– А кто вы такой? – наморщив лоб, спросил Сергей.

Дед хмыкнул и уселся на стул, закинув ногу на ногу. Нам он показал на кресло. Оно было достаточно широким, так что мы вдвоем легко поместились. Стол, стоящий перед нами, тоже был чудной, с рисунком – звездой, составленной из четырех треугольников разного цвета. В столе были сделаны ямки, в некоторых торчали палочки.

– Ты еще спроси, почему тебя до сих пор не «выключило», хотя здесь светло! – заявил дед Сергею.

Сергей только открыл рот, но так и не смог ничего сказать. Я тоже молчала. Как-то все… странно.

– Давайте так. Раз вы свалились ко мне, а не я к вам, то сначала вы и рассказываете. А потом я вам расскажу… что смогу.

– Давайте так. Раз вы свалились ко мне, а не я к вам, то сначала вы и рассказываете. А потом я вам расскажу… что смогу.

– И про эту картину тоже? – воскликнула я, увидав вдруг за спиной деда, на стене, именно ту картину, которую мы только вчера собирали из пазлов!

И главное, она была почти такого же размера. Ну разве что капельку больше.

Старик глянул через плечо.

– Да, – медленно сказал он. – И про нее, если захотите. Ну так что?

Сергей молчал, хмурясь, и я решила начать первой. Стала рассказывать про себя и свою жизнь в интернате, но дед махнул рукой и перебил:

– Да я все это знаю, Аня. Ну не совсем все, – тут же поправился он, видимо, заметив, что мои глаза вылезают на лоб. – Основное знаю. И про тебя, и про него. – Он кивнул на Сергея. – Вы расскажите, как тут оказались. Что вы делали? Я как раз отвлекся и не видел.

Мы переглянулись.

Topreading.ru

Тут уж и я замолчала. Кто он такой, этот старик? Что ему от нас надо?

– О-о, – протянул дед, вглядываясь в Сергея. – Кажется, я понял. Парень, покажи-ка свою руку. Да не ладони. Левую руку вверх подними! Ты где это взял?

На Сережиной руке была моя фенька. Но при чем тут она?

– Это я сделала! А что? – начиная злиться, спросила я.

Но дед словно и не заметил моего настроения.

– А почему ты, красавица, сплела свою дарочку именно из этих ниток, а? Да еще прицепила… что это такое? Блесна ведь, я прав?

Я кивнула, но злиться не перестала:

– Ниток не так уж много осталось. Вот.

Я вытащила из кармана булавку. На ней все еще болтались две желтые, две черные, две красные и две коричневые нитки.

– Однако ты не взяла ни одну из этих, а использовала другие, – щелкнул пальцами старик. А я не могла понять, чему он так радуется. – Можешь объяснить: почему?

– Случайно, – буркнула я.

Дед погрозил пальцем:

– Не могло это выйти случайно. Не выходят такие вещи случайно!

Всему свой черед,
Для каждого – знак,
Не сделаешь ход –
Все будет не так.

– Можете не рассказывать, как вы попали сюда, я вам сам скажу: там был механизм, была дверь или окно, была любовь…

При этих словах нас аж подбросило на кресле.

– Впрочем, нет, какая любовь, вы же еще дети. Скорее, была игра или, может быть, музыка или танец… Угадал? Вижу, что угадал. Ну и проводник. Проводник у тебя на руке. А подружка твоя попала сюда, потому что ты наверняка держал ее за руку! Ну и сильны же вы, детки!

И он, по виду ужасно довольный, откинулся на спинку стула.

– Так ты поделишься, юная дева, как додумалась сплести эту дарочку? Только с самого начала.

Похоже, он правда почти все знает про нас. Нет смысла утаивать такую малость.

– Все началось с единорога, – вздохнула я.

А потом рассказала про подслушанный случайно на чердаке разговор, про зеленую тоску, про

Topreading.ru

любовь, цвета платья невесты и про фиолетовую тайну.

– Во-первых, не зеленый, а цвет морской волны. То есть это были не твои чувства? – встрял старик. – Тогда я ничего не понимаю! А рыбка?

– А рыбку я прицепила потом, позже. И там уже были мои чувства. Но это долго рассказывать.

– Давай сразу про чувства!

Я рассказала про тренерскую.

Старик захохотал:

– «Всем на меня фиолетово – ну и мне на вас фиолетово!» Какая прелесть!

У него от смеха даже брызнули слезы из глаз.

– Девочка моя, это твое «фиолетово» называется в данном случае «принять ситуацию, как она есть». Не самая плохая способность, между прочим. Ну а, найдя рыбку, ты испытала радость, верно?

Я кивнула.

– Вот теперь все на своих местах. Злость – это вовсе не злость, а готовность идти вперед. То, что ты назвала безнадегой, всего лишь способность чувствовать, переживать, осознавать несовершенство мира. С фиолетовым разобрались, а четвертое, серебристое, – вера в себя. Она необходима для достижения любой цели. Все правильно, ты сделала идеальный проводник, сама не зная того, ты просто почувствовала.

Я тайком взглянула на Сергея: слышит ли он, как меня тут хвалят?

– Она молодец! – сказал мой друг. – Кроме всего этого, Анька еще очень смелая.

С чего он это взял, интересно? С того, что не побоялась с ним ночью по темному берегу шарить? Или что с вертящейся карусели для пятилеток в ужасе не спрыгнула?

– Тогда, наверное… может быть… будет правильнее вернуть фенечку Ане. Аня, тебе она нужнее!

Я только набрала воздуха, чтобы объяснить Сереге, кто он есть, но старик опередил меня:

– И не думай! Ну что за глупости, ты же взрослый парень! Девушка подарила, так носи с гордостью, как рыцарский девиз. Между прочим, это недалеко от истины.

– Вы бы заканчивали уже загадками говорить, – проговорил Сергей. – Аня все рассказала, теперь ваша очередь, как обещали.

– Я не отказываюсь, но давайте уточним! – заявил дед. – Я задал вам три вопроса: как вы сюда попали, где Сергей взял свою дарочку и при каких обстоятельствах его подружка ее сплела. Вы ответили только на два последних, потому что с первым я догадался сам.

Он поднял руку, предостерегая, потому что Сергей, я видела, готов был возразить.

– Погоди ты, герой. Да, услышал я два ответа. Но вам отвечу на три вопроса, это будет

справедливо. Вы же не виноваты, что я сам все понял. А как только отвечу, помогу вернуться обратно на остров, договорились?

– Так мы сейчас даже не на острове? – вырвалось у меня прежде, чем я успела сообразить.

Сергей шикнул на меня, но было поздно.

– Эх! – воскликнул он.

Старик усмехнулся:

– Да ладно, я же не зверь. Это твой вопрос, Аня, ты хорошо подумала?

– Нет-нет! – испугалась я. – Это еще не вопрос.

Надо ж было так сглупить! Ну ответил бы он: «Да, на острове» или «Нет, не на острове», и что бы это нам дало?

– У меня есть очень важный вопрос: мои мама и папа живы?

Старик тяжело вздохнул:

– Тяжело с вами, женщинами. Это такой же неудачный вопрос, как и предыдущий. Допустим, я отвечу: «Да, живы», а дальше-то что? А если отвечу: «Не совсем», ты тут же задашь второй вопрос, еще хуже прежнего, останется только один, и в результате вы либо не узнаете, где искать твоего брата, либо – как вернуть твоего друга в нормальное состояние.

– А…

Сергей зажал мне рот.

– Мудрое решение. Тут не надо торопиться. Вы можете обсудить, о чем будете спрашивать. Мы никуда не спешим. А твой первый вопрос, Аня, я переформулирую, как будто ты сама его задала: «Возможно ли помочь моим родителям, моему брату и моему другу – всем или хотя бы кому-то из них – вернуть то, чего они лишились». Так устроит?

Я закивала.

– «…И если возможно, то как», это добавление, – быстро произнес Сергей. И убрал руку.

– Ишь ты, адвокат, – восхитился дед. – Ладно, принимается. Но и ответ будет в том же духе: «Да, это возможно. Для этого надо соблюсти Правило четырех. Но, к сожалению, все придется делать самим».

Воцарилась тишина. Наконец, Сергей с досадой спросил:

– И это весь ответ? Я так и знал. – Он уставился в пол, качая головой.

– Это хорошо, что вы не спешите спрашивать, что такое Правило четырех. Ответ лежит на поверхности. И если даже вы не узнаете его сегодня, поймете со временем. Но поймете обязательно.

– Думаю, – сдвинул брови Сергей, – дальнейшие вопросы не будут иметь смысла до тех пор, пока мы не поймем, кто вы такой. Поэтому мой второй вопрос: кто вы есть, чем занимаетесь и

Topreading.ru

какое отношение имеете к Правилу четырех.

– Ого! – восхитился старик. – Аппетиты-то растут у тебя, парень! Ну правильно растут, в наше время без этого нельзя: обскачут. Как меня только не называли! А вы зовите меня… Ну например, Тим. Дядя Тим. Честно говоря, я собирался ответить что-то вроде: «Я ученый, исследователь». Это правда… но не вся, пожалуй. И сюда уж точно не приклеить Правило четырех. Ладно, вот тебе бонус за лучший вопрос: я страж архипелага. Смотритель. Наблюдатель. Тот, кто содержит его в порядке. Что же касается правила…

– Содержит в порядке? – закричал Сергей. – Это «в порядке»? Что вы наделали? Вы же…

Но он тут же замолчал и захлопал глазами. Получалась какая-то ерунда. Или старик над нами просто смеется, или… Но кто он в таком случае? Что такое страж архипелага?

– Я могу уточнить? – мрачно спросил Сергей. – Не задать третий вопрос, а дополнить второй?

– Валяй! – кивнул дед.

– Вы же не наместник императора, я правильно понял?

– Правильно. Я не наместник императора. И не хотел бы иметь с этим типом ничего общего.

Сергей шумно выдохнул. Я видела, он хочет спросить: «Тогда кто же вы?» Но он уже спрашивал об этом только что.

– Тогда… извините, пожалуйста, я вас перебил. Что там с Правилом четырех?

– Моя роль в этом решающая и в то же время – никакая. Я, именно я, пришел к выводу, что оно должно быть установлено. Но я сам никак не могу участвовать в его соблюдении – я лишь зритель. Это должны делать другие.

– Другие – это мы с Аней, что ли? Не отвечайте, я понял.

Старик хмыкнул и промолчал. Я повернулась к Сергею:

– Можно я спрошу про картину, а? Ну пожалуйста!

– Спрашивай, – махнул рукой он. – Хуже уже все равно не будет.

– Расскажите нам историю, которая тут нарисована! Только подробно и без обмана, вы обещали! – попросила я.

– А, ну это нормальный вопрос! И на него будет нормальный ответ.

Старик вскочил – слишком шустро – и моментально оказался возле картины. А может, он и не старик никакой? С чего я это взяла? Бороду отрастил, подумаешь! А голова не седая, как я не поняла сразу!

– Так вам про этих рассказать? – Он кивнул на портрет. – Двоих богатырей, хе-хе. Пожалуйста! Эдгар, дуй сюда, помогать будешь!

Он обращался к мыши! Она, то есть он, Эдгар, тут же оставил свой крюк и рванул к нам. Уселся сверху на раму картины и спросил своим тонким голоском:

Topreading.ru

– Кто начнет?

– Давай по очереди.

Эдгар тут же свесился с рамы вниз головой – видимо, так ему все-таки удобнее, и начал:

– Этот, в плаще, – волшебник.

– Техноволшебник? – тут же уточнил Сергей.

– Н-нет, – замялся Тим. – Техноволшебники изготовили для него облачение. А он – нет. Просто волшебник.

– А рядом, без шлема, магическое существо, – продолжил Эдгар.

– Орлан? – снова встрял Сергей. – Почему орлан в обличье человека, но с крыльями? Они же так не могут! Или это вымысел?

– Сам ты вымысел! – проскрипел Эдгар. – Тут все реально.

– А если будешь перебивать, ничего не расскажем, – добавил Тим.

– Извините. – Сергей опустил голову.

– Так-то лучше, дружок! – заметил мышь. – Мало ли что было тогда! Этой картине пять веков.

– Шесть! – возразил Тим.

– Ну что ты споришь? Лучше меня помнишь, что ли? Говорю тебе: пять веков, пять! Шестьсот лет назад тут еще не было ничего.

Тим махнул рукой: как знаешь, мол. Довольный Эдгар продолжал:

– Орланы тут появились раньше, чем техноволшебники, и считали весь архипелаг своим.

– Ну уж и весь! – возразил Тим.

– Конечно, весь! На Рока-Алада гнездились, на остальных – охотились. На своем острове они не любили охотиться. Только когда птенцов выводили, а так – что зря корм истреблять! Они свой остров берегут.

– Берегли. Пока не появились техно и не погнали их вон.

– Подождите, я ничего не понимаю, – с отчаянием воскликнула я.

– А что тут понимать? На архипелаге всегда было волшебство. Оно здесь родилось. И все звери, которые тут жили, умели пользоваться волшебством. Про десять волшебных животных слыхали?

– Конечно!

– А как же! – заявили мы одновременно.

– Ну вот. Они все тут жили, на четырех островах. Но постепенно вымерли, остались только три вида: орланы, летучие мыши-вампиры, а в океане – киты. Но в наш залив они почти не

заплывают, что им тут делать. Орланы – самые живучие, и они лучше всех приспособлены к жизни в стае. А стаю не так просто одолеть, это вам не поодиночке единорогов ис треблять. Ну, эту историю вы знаете, наверное.

– Знаем, – кивнула я. – Первыми исчезли драконы и сколопендры, потому что от них был вред и на них стали охотиться.

– А когда пропали драконы, расплодились орланы, – продолжил Сергей. – Потому что оказались на верхушке пищевой цепи. Их некому стало есть, и они вытеснили фениксов, потому что фениксы не такие агрессивные. Фениксы перестали возрождаться, а постепенно и размножаться, потому что у них отнимали территорию. Единорогов убивали из-за лечебных свойств крови, кентавры просто выродились. Следовательно, и волки исчезли, потому что их пищи не стало. А когда люди опомнились, существ осталось всего три вида. Орланы, как самые умные, из поколения в поколение все больше приближались к людям – у них такая эволюция. Потому и выжили. Мышей убивали, потому что они вампиры.

– Все правильно, – кивнул Тим. – Но это только одна сторона. А вторая – люди тоже менялись, даже быстрее, чем животные. Люди быстро научились пользоваться волшебством в своих целях – для создания разных приспособлений, облегчающих жизнь. Так появились техно. С одной стороны, вроде бы это здорово, полезно и красиво, когда строятся города и мосты, но, с другой стороны, это отнимает территорию у волшебного леса. В один непрекрасный день состоялся бой: со стороны людей выступил один волшебник, со стороны волшебных существ – другой.

– И кто же победил? – спросила я.

– Никто не победил. Просто разделили территорию. Люди забрали себе два острова, волшебные существа – тоже два. Но Безымянный остров постепенно опустел. Последние животные вымерли, остались только орланы. А для орланов остров неудобен: мало деревьев, а им надо гнездиться. К тому же им сподручнее жить в одном месте.

– Получается, их волшебник зря сражался?

Мышь фыркнул. Бородач покосился на него и осторожно ответил:

– Да как сказать… Люди, в том числе техно, ушли с Рока-Алада и оставили оборотней в покое.

– Так что же получается, – задумалась я, – волшебные животные погибли из-за техно? Потому что они вырубали волшебный лес, чтобы построить для себя город?

– Ну… не совсем так, – протянул бородач. – Животным пришлось туго еще до техно. Но руку они приложили, тут ты права, девочка. Не смогли вовремя договориться.

– А Империя?

– А что Империя? – удивился Тим.

– Почему орланы ей помогают? Разве император лучше техно?

– Это вряд ли, – хихикнул Эдгар.

– Совершенно не лучше, – заявил Тим. – Просто император появился здесь в тот момент, когда ненависть орланов к техноволшебникам была особенно сильна, и воспользовался этим.

Привлек оборотней на свою сторону. Они – его гвардия.

– Но ведь император пришел сюда тридцать лет назад, а со времени битвы прошло пять веков! Почему же орланы до сих пор нас так ненавидят?

– Это упрощенный вариант истории, его детям в школе рассказывали. На самом деле техно несколько веков бодались с Империей, но никто не мог победить. Это удалось Империи только сейчас.

– И она уничтожила техно, – прошептала я.

– Ну, как мы видим, не совсем, – подмигнул нам Тим.

– Но, наверное, можно было как-то договориться? – воскликнула я. – Чтобы мы не мешали императору, а он – нам?

Тим и Эдгар переглянулись.

– Волшебные звери, техноволшебники, Империя – почему одни должны уничтожать других?

– А это, случайно, не Правило четырех? – вдруг спросил Сергей. – Три стороны есть. Если они договорятся, разделят территорию… Хотя, территория и так поделена. Но надо, чтобы одни не вредили другим, да?

– Какой умный мальчик! – пробормотал Тим.

– На редкость умный мальчик, – пропищал Эдгар.

Но мне почему-то показалось, что он недоволен.

– А где же четвертая сторона? – громко спросила я.

Сначала мне никто не ответил. Тим хмурился, ковыряя пол носком ботинка. Мышь раскрывал и сворачивал крылья.

– Почему вы молчите? – спросила я.

– Видишь ли, Аня… – начал Тим, но опять замолчал.

За него закончил Эдгар:

– Мы не уверены, что есть и четвертая сторона.

– Как же вы требуете выполнения условия, если оно, возможно, вообще невыполнимо? – возмутился Сергей.

– Мы?! – гневно пискнул Эдгар.

– Мы ничего не требуем, – возразил Тим. – Разве нам это нужно? Это нужно вам. Ты хочешь вернуться к нормальной человеческой жизни, Аня хочет найти семью. А мне что? У меня тут телескоп, игрушка, я всем доволен.

– А я тем более, – заявил мышь.

Topreading.ru

– То есть вы даже помогать не будете? – уточнил Сергей.

– Конечно нет! – пропищал мышь. – Этого еще не хватало!

– Он просто не в духе, – мягко заметил Тим. – Если сможем, поможем.

Эдгар нервно дернул головой, тут же потерял равновесие и обязательно упал бы, если бы не крылья.

– Хорошо, – кивнул Сергей. – Можете хотя бы сказать, с чего начать? В каком направлении двигаться?

– Делайте, что собирались, – откликнулся Тим.

– Идите, куда шли, – проворчал Эдгар. – Каждый своей дорогой.

– В нужный момент вы сообразите, что делать. А теперь я должен помочь вам вернуться на Светлоярск. Хватит, устал. Приятно было познакомиться.

– А если мы не сообразим?

Это был мой вопрос, но прозвучал он уже внутри облака, которое вдруг взялось неизвестно откуда, обернуло нас и потащило куда-то. Длилось это недолго. Минута, и я уже стояла перед Воротами со стороны старого города. Сергея рядом не было.

– Ну ничего себе! – крикнула я. – И как это называется?

– Аня, ты там? – донесся глухой голос из-за закрытых створок.

Сергея, похоже, вернули туда, откуда взяли.

– Там, – громко сказала я, чтобы он услышал. – Безобразие просто! По-моему, нас обманули!

– Похоже на то. Странный старикашка.

– Сережа! – вдруг вспомнила я. – Ты же говорил, что знаешь про механизм с пазлами, даже делал его!

– Ну да. Не один, конечно, нас много было.

– Тогда… почему ты расспрашивал про картину? Как будто ее раньше не видел.

– Не видел, – подтвердил Сергей. – А при чем тут картина?

– Но ведь она же тоже складывается из пазлов!

– Не может быть. Ты что-то путаешь.

– Да ничего не путаю, мы только вчера эту картину собирали!

Сергей помолчал.

– Ничего не понимаю, Ань. Картинок всего девять. На пяти – волшебные существа, по два, на остальных – карты островов.

Topreading.ru

– Я тоже думала, что их девять! Но вчера мы собирали десятую!

– Первый раз? – уточнил Сергей.

– Угу. И Ирина Андреевна тоже не знала, что это. И никто не знал. Ой, – вдруг поняла я, – а может, ее специально кто-то подложил?

Сергей за воротами издал какой-то странный звук: не то засмеялся, не то поперхнулся.

– Не представляю, как это можно сделать, Ань. Если бы ты знала, каких трудов стоило поместить механизм в стену.

Мы еще некоторое время стояли по разные стороны Ворот. Но так ничего и не придумали.

– Ладно, – наконец сказала я. – Возвращаюсь в интернат, ничего не поделаешь.

– Ты уверена?

– Конечно, – вздохнула я. – Я не могу плыть на Центральный остров, ни с кем не поговорив.

– Тогда… будь осторожна! Пожалуйста, не забывай про медальон!

Хорошо, что напомнил! Я вытащила медальон из-под футболки, где он оказался во время полета.

– Буду, не сомневайся! И не забуду!

– Если останешься на Светлоярске, дай знать. Просто позови меня в темноте, я услышу. Если вестей от тебя не будет, я пойму, что ты покинула остров. На всякий случай, до свидания. Мало ли, как сложится…

– Это точно, – вздохнула я.

Но Сергей этого уже не услышал.

Когда летучая мышь и тот, кто назвал себя Тимом, стражем архипелага, остались одни, им стало немного грустно: появление детей скрасило скучное времяпрепровождение. Но виду никто из них не подал.

– Ты зачем наврал им? – спросил Тим.

– Ничего я не врал! – возразил Эдгар. – Я просто не стал опровергать. Им хочется думать, что на картине орлан. Ну и пусть думают, что ты дрался именно с ним.

– Да они даже не знают, что это я.

– Тем более! И незачем им знать.

– Ну, может, ты и прав, – пробормотал Тим. – Закрывай крышу!

Мышь подлетел к одной из стен и нащупал лапой кнопку. Купол стал медленно закрываться.

– Если все кому не лень будут наведываться сюда, никакого покою не будет! – пропищал Эдгар.

– Да ладно. Признайся, ты рад, что они пришли!

– Скорее, я удовлетворен. Наконец-то хоть кто-то зашевелился в этом заболоченном пруду, – буркнул мышь. – Теперь повеселимся!

– Злой ты! – упрекнул его Тим. – Лучше помоги мне поднять флаг.

– А это пожалуйста, – смилостивился Эдгар.

Он метнулся под купол и, вытащив из углубления веревочку, повис на ней всей тяжестью.

К верхушке флагштока, прикрепленного к той части крыши, которая не раздвигалась, устремилось полосатое полотнище. Наконец оно достигло конечной точки и распрямилось на ветру.

– И не жалко тебе девочку? – ехидно спросил Эдгар. – Ведь ты отправил ее навстречу опасностям!

Страж хмуро взглянул на него:

– Только не говори, что переживаешь! У меня нет уверенности, что ты ей глаза не выцарапал бы, встретившись один на один в темном лесу.

– Я вам не кот! – парировал Эдгар.

– И вообще я в ней не сомневаюсь. Помнишь сказку о Снежной королеве? «Никто не сделает ее сильнее, чем она есть».

– Ну-ну А в этом получеловеке-полупризраке ты тоже уверен?

– Его время еще не пришло. Не лети впереди самолета. Давай лучше продолжим партию.

– Нет! – неожиданно отрезал мышь. – Некогда мне с тобой. Домой пора, и так засиделся.

– Ну как знаешь, – развел руками Тим и открыл окно.

Не попрощавшись, мышь вылетел вон.

…А над башней реял флаг из четырех горизонтальных полос: цвета морской волны, белой, фиолетовой и серебристой. В левом верхнем углу его притаился герб.

Глава двенадцатая,

в которой наступает время уходить

Выдвинулись через час после обеда.

Перед этим Ирина Андреевна и орлан собрали воспитателей и старших детей в музыкальном зале и коротко объяснили, что придется пожить какое-то время в лесу. Вроде как поход с несколькими ночевками. Виталик, Лялька и Ната понимающе переглянулись: они-то знали, в чем дело. Остальные дети радостно оживились, предчувствуя приключение. Няньки недоумевали: что еще эта полиция придумала, никакого житья от них. Но возражений ни от кого не последовало.

Topreading.ru

– Только быстро. Очень быстро, – предупредил орлан. – На сборы час.

– Да как же… – начала Славкина бабушка – баба Люба, – но тетя Лена ее перебила:

– У меня все готово!

– У меня тоже, – подхватил дядя Коля. – Давно. Положение обязывает.

Младшим сказали, что просто идут гулять. У большинства малышей, за исключением Леси с Никиткой и новенькой девочки Оли, на острове были родители или какие-нибудь родственники. Их осторожно предупредили, чтобы сразу не поднимали шума: с детьми, мол, будет все в порядке.

Дети ликовали: ведь далеко в лес ходить запрещалось уже давно, и вдруг – такая радость!

…Вышли стройной колонной через кухню, оставив дом пустым и одиноким. Впереди шли привратник и художник, навьюченные палатками и спальными мешками. «Палатки, скорее всего, не понадобятся, – сказал дядя Коля. – Но на всякий непредвиденный пусть будут». Дорогу знали только он да директриса, но она задержалась, чтобы напоследок еще раз обговорить с полицейским план дальнейших действий. Замыкали шествие Даша с огромным рюкзаком, за которым ее почти не было видно, и физрук – с рюкзаком в два раза больше и тяжелее. В этой ситуации его радовало то, что ему не видно Дашу.

В середине шагали няньки и тетя Лена, тоже все с рюкзаками. Только баба Люба была с тележкой – не очень удобно на лесной тропе, но от рюкзака у нее сразу разболелась бы спина.

Каждый старшеклассник вел за руку младшего. Мелюзга нацепила рюкзаки с восторгом – ведь они были зеленые, новенькие, да еще внутри у каждого лежали металлическая кружка, ложка и тарелка, веревка, пластиковый пузырек с антисептиком, теплая куртка и еще всякие чудесные штуковины. А у старших дополнительно – складные ножи. Фонариков и зажигалок было всего несколько штук, в рюкзаках у учителей. Ведь достать запрещенные для техно предметы на острове очень непросто. Взяли самое необходимое, но и самое ценное тоже. Когда Женек, понятия не имевший о причинах похода, а вернее, поспешного бегства, поинтересовался, берет ли Ната карандаши и картон, та ответила: «Беру все, что есть, делай так же». И он, не задумываясь, сгреб все свои сокровища в рюкзак. Младшим воспитатели, как бы между прочим, посоветовали взять в поход любимые игрушки. И те радостно напихали в рюкзаки самодельных мишек, зайцев и котят. Никитка тащил на веревочке огромный самосвал, в котором легко помещался его рюкзак. Маша, которая вела Никитку за руку, то и дело вздрагивала, когда самосвал наскакивал на кочку. Но Никитка терпеливо поправлял его.

Виталику в ответ на его невысказанный вопрос орлан сказал: «Не сейчас. С полицией придется чуть подождать. Ты нужнее здесь». Виталик, конечно же, мог очень пригодиться в лесу, где их ждала неизвестность, но настоящая причина была в другом. Орлан не стал говорить этого Виталику и его родителям, но он не был уверен, что после случившегося дети с особыми свойствами будут в безопасности. Виталик, уже мечтавший о полетах, помрачнел, но рассудил, что орлан прав. Принял под опеку выданного ему ребенка и приготовился стойко нести тяготы походной жизни. Зато Лялька была так счастлива, что всю дорогу улыбалась и не обращала внимания на невыносимую трескотню восьмилетнего мальчишки, которого вела за руку. В младшей группе было очень много мальчиков, а девочек – всего три. Раньше сказали бы, что много мальчиков – к войне.

И только Юля брела в гордом одиночестве, глядя в затылок Славке, который одной рукой придерживал под мышкой самолет, а другой вел Лесю: старших было на одного больше, чем

малышей. Юле не сообщили о Славкиных «подвигах», но она как-то умудрилась разнюхать – наверное, опять подслушивала под дверью – и «обрадовать» Славку тем, что ей все известно. Когда Юле надоело разглядывать Славкину спину, она пошла рядом, то и дело осторожно посматривая на него. Наконец Славка не выдержал:

– Ты тоже считаешь меня предателем?

Никто ему этого не говорил, но Славке казалось, что Виталик и Натка думают именно так.

– Ничего я не считаю, – буркнула Юля, тряхнув косой. – А стать полицейским – не предательство? А сбежать и бросить нас – не предательство? Сами-то хороши, а?

– Но ведь… – начал Славка и умолк, глядя под ноги.

Ирина Андреевна не хотела идти в лес. Она надеялась, что Аня сможет вернуться в интернат. Значит, кто-то должен дождаться ее, иначе ребенок испугается, увидев пустой дом.

– Ты достаточно разумна, чтобы не совершать глупостей, – в своей обычной манере сказал ей орлан. – Ты ей ничем не поможешь. Лучше дождитесь ее в лесу и не пропадите сами.

Директор не стала спорить, понимала, что орлан и так рискует из-за них. У кромки леса Ирина Андреевна оглянулась – он стоял в тени здания. Она не заметила стаю птиц, кружащую высоко над ним. Помахала полицейскому рукой и скрылась за деревьями.

Директор не стала спорить, понимала, что орлан и так рискует из-за них. У кромки леса Ирина Андреевна оглянулась – он стоял в тени здания. Она не заметила стаю птиц, кружащую высоко над ним. Помахала полицейскому рукой и скрылась за деревьями.

И тотчас же лес закрыл за ней зеленый полог, намереваясь защищать от опасностей, потому что орлан защитить больше не мог.

Он чувствовал приближающихся птиц, поэтому вошел в трансформацию. Серых орланов было четверо, но один не стал задерживаться – помчался вокруг здания, закладывая крутой вираж. Он высматривал хоть малейшее движение, но все словно вымерло. Трое других приблизились, зависнув треугольником: один впереди, двое чуть позади. Комиссар, почти не удивившись, смотрел в глаза собратьям. Они были не из юниор-полиции – из специального отряда. Кто их вызвал, неужели мэр?

Люди предъявляют обвинение словами. Птицы общаются телепатически. «Вы обвиняетесь в измене, – услышал комиссар полиции. – Советую сдаться». Он бы и сдался, возможно. Не из страха – из уважения к закону. Но ему вдруг пришло в голову, что Аня в любую минуту может прийти сюда и попасть в когти полицейских – тех, которые выполняют приказы не думая. Надо было хотя бы попытаться дать ей знак, потянуть время – пусть она увидит бой, пусть поймет, что отсюда надо бежать. В конце концов, их всего трое. Ну, четверо.

И комиссар вступил в битву. Троим полицейским ничего не оставалось, как принять ее.

Драться с такими же, как ты, непросто. Особенно с теми, кто научился летать не в подростковом возрасте, как иногда бывает, а родился на Рока-Алада. Но их трое, значит, можно драться в полную силу.

Комиссар юниор-полиции был сильнее и опытнее и вполне способен выстоять против трех

молодых орланов. Но и легкой победы он не ждал: ведь ему была неизвестна их тактика. Главное было – правильно рассчитать силы.

Целя в грудь клювом, уходя из-под удара в сторону, закрываясь крылом, он побеждал. С противников летели перья, его тоже зацепили несколько раз, но комиссар одолел всех. Один за другим орланы теряли высоту и падали, кувыркаясь в воздухе. По птичьим правилам, упавший считается проигравшим поединок. А уж если трое на одного – проигравшим втройне. На земле сражение уже не продолжается.

Комиссар не успел перевести дух, как вернулся четвертый и сверху с ходу налетел на него. Пустил в ход крылья не для защиты или равновесия – для нападения. Он бил крыльями с двух сторон, сводя их вперед, как человек действовал бы сразу двумя мечами. Техника оборотня была похожа на его собственную. Только он был моложе, сильнее и не устал после сражения с тремя противниками.

Они кружили над крышей, сближаясь и вновь расходясь. Молодой орлан все время пытался выпихнуть комиссара юниор-полиции за край, а тому никак не удавалось ударить оборотня в голову или хотя бы в грудь. Они сражались приблизительно на равных, но наконец молодой изловчился и сделал выпад. Комиссар получил болезненный клевок в шею. Неприятно, но это всего лишь напоминание, что надо двигаться проворнее.

Краем глаза комиссар полиции заметил какое-то движение на земле: появился человек в форме охранника мэрии. И через минуту три поверженных ранее птицы взвились в воздух и вновь напали на юниор-полицейского. «Не по правилам», – успел подумать он.

Они атаковали вытянутым ромбом и все-таки вытеснили его за край крыши. Поочередно нанося удары, в основном сверху, в голову, птицы медленно спихивали комиссара вниз. «На землю? Зачем? Они хотят боя на ногах? Странно», – стремительно проносились мысли.

Но противники стремились не на землю. Зависнув на уровне открытого окна, враги вчетвером заталкивали юниор-полицейского в дом. Он не понимал смысла такой стратегии, продолжая обороняться. Но силы его таяли. Получив ранение в грудь, комиссар опрокинулся в воздухе на спину и оказался оттесненным внутрь.

Следующего удара полицейский не ожидал – его нанес сзади человек. Успев обернуться и посмотреть в глаза начальнику охраны мэра, оборотень без сознания рухнул на пол музыкального зала. Он не слышал, как начальник охраны вместе с орланами обшаривал интернат, заглядывая в каждый угол, ругаясь и строя догадки. Не видел, как охранник напоследок поджег склад и занавески на окнах первого этажа.

Комиссар пролежал без движения очень долго, не чувствуя подбирающегося жара. Очнулся он, только когда рухнул рояль. Горящие ножки инструмента обломились и, падая, он издал последний вскрик всеми струнами. Орлан пришел в себя и поднял голову. Вокруг полыхал огонь. Пол в доме был деревянным, к тому же паркетным, состоящим из отдельных дощечек, и прекрасно занялся. Сил на трансформацию не было, оставалось лишь открытое окно. Отчаянно рванувшись, оборотень взобрался на подоконник. Низко для полетного броска, но выбора нет.

Прыгнув, он раскрыл крылья и, чудом не ударившись, взмыл у самой земли. Сейчас нельзя было превращаться, в человеческом теле регенерация течет медленно. С трудом набрав высоту, орлан направился в сторону острова Рока-Алада.

Покинувшие «Зеленый угол» шли не останавливаясь. Дети, поначалу радостно галдевшие, притихли и только вдыхали тонкий запах хвои. Высоко в ветвях переговаривались птицы, а

других звуков в лесу не было: он как будто присматривался к новеньким. Слышно было только погрохатывание самосвала Никитки да скрип тележки. Близился вечер, да еще тянуло откуда-то влагой.

– Озеро? – вполголоса спросила повариха тетя Лена Ирину Андреевну.

– Да, уже близко. Обогнуть его, и там уже никто нас не достанет.

Впереди заблестело водное зеркало. Дети оживились, принялись нетерпеливо дергать старших за руки.

– Младших не отпускать! – громко приказала Ирина Андреевна. – Еще немного пройдем, и на том берегу сделаем привал, тогда можно будет подойти к воде. А сейчас потерпите.

Озеро оказалось почти совершенно круглым, его пришлось огибать. Но Ирина Андреевна, очевидно, очень хорошо представляла, где начинается «тот берег». Она уверенно шла впереди всех и, что удивительно, хромала меньше обычного. Должно быть, лесной воздух действовал на нее как лекарство.

Тропинка была скользкой, вдоль нее тянулись темные ели. Низкий кустарник, встречающий путников у дороги и спускающийся к самой воде, хватал колючками за ноги. Колючки были мягкие, они цеплялись за одежду; дети весело отрывали их и кидались друг в друга.

– Еще не пора, Ирина Андреевна? – спросил шедший рядом дядя Коля. – Вроде не вижу терноягеля…

– Не пора. У него красные ягоды, вы его не пропустите, Николай Валерьевич.

Женек и Натка, оба ведущие за руку девочек, шли теперь рядом – так удобнее было разговаривать. Двум художникам есть что обсудить, когда вокруг такая красота. Особенно радовался Женек – любитель изображать природу. Горизонт, перспектива, свет – здесь все другое, не такое, как в городе.

Наконец Ирине Андреевне попалась первая красная ягодка, утопающая в жесткой, почти колючей подстилке из мелких листиков, которые были острые, как иголочки. Отсюда и название – терноягель. Но срослись листья плотно и под ногами не кололись, только пружинили.

– Привал! – скомандовала Ирина Андреевна. – Выбираем место посуше и размещаемся.

Все кинулись выполнять. Ярослав Игоревич развязал свой огромный узел и выдал каждому непромокаемый коврик. Дядя Коля занялся костром, тут же отправил мальчишек собирать хворост – сухие ветки. Тетя Лена раскладывала походный столик – его, оказывается, тоже взяли с собой. И правильно, потому что поблизости не было ни одного бревна, на котором можно было бы расположиться. Лес стоял нетронутым, неприступным, неразговорчивым.

– Ляля и Маша! Вот вам ведра, девчонки, спуститесь за водой. Только аккуратно, смотрите под ноги, – распорядилась тетя Лена, вытаскивая еду из рюкзаков.

Малыши спорили, можно ли есть терноягель или он ядовитый.

– Он не ядовитый, – ответила Ирина Андреевна, улыбаясь. – Он просто невкусный. Но можете попробовать.

Леся с Никиткой попробовали и начали плеваться. Зато вечно голодный Женек, услыхавший, что тут уже что-то едят, в два счета набил терпкими ягодами рот и даже не поморщился.

– Женя, осторожнее, – с беспокойством заметила Ирина Андреевна. – Разболится живот… а мы ведь в лесу…

Наконец.

Костер развели, воду вскипятили – терноягелевый чай на вкус гораздо лучше, чем сырые ягоды, – поджарили хлеб и кусочки мяса. Рассевшись на ковриках, все ели, пили и наслаждались свободой и покоем.

– А мы скоро домой? – спросила Лиза.

– Нет, не скоро, не скоро! Давайте не скоро, ну пожалуйста! – заканючила Викусик.

Ирина Андреевна грустно улыбнулась:

– Не скоро, девочки. Не скоро.

– Ура-а-а! – заорали близнецы, а за ними и почти все остальные дети.

После еды сполоснули в озере посуду и упаковались вновь. Мусора после себя не оставили – неоткуда ему было взяться. Построились и отправились дальше, в самую чащу.

Заметно стемнело. Малыши устали и начали хныкать. Старшие тоже спотыкались.

– Не заблудились ли мы, Ирина Андреевна? – вполголоса спросил физрук Саша, наклоняясь к директрисе.

– Здесь нельзя заблудиться, Саша. Лес сам выведет нас куда нужно. Осталось совсем немного, потерпите, – громко обратилась она к детям.

Те стали скулить потише, но полностью не успокоились – уже очень долго шли.

И только когда Ирина Андреевна сама начала сомневаться в правильности выбора дороги, впереди показались будто бы ворота. На самом деле – всего лишь деревья стояли по три с двух сторон тропинки, тесно сросшись стволами. Ветки их переплелись вверху образуя свод. Директриса, привратник, а за ними и весь маленький отряд остановились. Зажглись звезды. А в траве и выше, между деревьями, засияли сотни светлячков.

– Светлый лес приветствует нас. Войдем! – произнесла директор и первая шагнула к необыкновенным воротам. Все, затаив дыхание, парами последовали за ней.

По ту сторону «ворот» лес казался совсем таким же, только было светло, словно и не ночь. Из-за светлячков, а еще потому, что светилась сама кора деревьев. Здесь был виден каждый кустик, каждая иголка под ногами. Впрочем, елок попадалось совсем мало – в основном были незнакомые деревья с широкими листьями.

А под деревьями был дом… Вернее, стенами дома были сами деревья. Лялька, первая из детей увидевшая его, удивленно вскрикнула. Стволы – так же, как в воротах, через которые они недавно прошли, – стояли близко, без малейшего зазора. В том месте, где полагалось быть входу, деревья расступались. Лишь склоненные ветви выполняли роль своеобразной двери. В

Topreading.ru

нескольких местах, высоко от земли, виднелись сквозные дупла окон, тоже занавешенные ветками. Крышу образовали переплетенные друг с другом ветви. Было похоже, что дом накрыт большой перевернутой корзиной, между прутьями которой торчали листья. Дети и взрослые молча стояли и смотрели на это чудо.

– Это теперь наш дом? – подал голос Ванька.

И все поняли, что так и будет.

Внутри дом оказался больше, чем снаружи. Не такой большой, как интернат, конечно, но очень уютный – вот только совершенно пустой. На первом этаже располагался круглый зал. В самой середине его росло странное дерево, ствол которого так извивался, что вполне заменял собой винтовую лестницу на второй этаж – вернее, в мансарду. Благодаря наростам на стволе подниматься было удобно, можно было при этом хвататься за ветки, которые сплелись, образуя подобие перил. Вот только мансарда была гораздо меньше огромного нижнего зала. Все побросали рюкзаки где попало, младшие дети носились вверх-вниз по чудесной лестнице, старшие уже облазили все окна.

– Наверху поселим малышей, их всего десять, они прекрасно поместятся, – предложил Ярослав Игоревич. – А остальные будут здесь.

– И оставим там детей одних? Не очень-то хорошо, – покачала головой Ирина Андреевна.

– Я предлагаю другой вариант: мальчики внизу, девочки наверху! – заявил физрук. – И как раз поровну!

– Меня ты тоже считаешь девочкой, Саня? – усмехнулась бабушка Славки.

– Конечно, Любовь Романовна, кто же вы еще, если не девочка!

Подскочив, физрук галантно поцеловал у бабушки руку.

– Наверное, этот вариант самый правильный, – вздохнула директор. – Хотя для пятнадцати человек наверху тесновато…

– Ирочка, та я останусь внизу, – миролюбиво заявила бабушка. – Что мне те мальчишки? А лазать, как белка, по веткам я не могу.

– Тогда и я с вами, Любовь Романовна. Мне с ногой тоже не очень…

– И то верно, Ирочка, нам с вами веселее будет.

Услышав, что они спят наверху, всегда незаметная Маша, схватив Нату Караванову за руку, закричала: «Девчонки! Айда занимать!» – и потащила спальный мешок в мансарду. Ната, визжа от страха и восторга, тоже волокла мешок и карабкалась вслед за Машей наверх.

– Леська, пошли! – сказала Ляля, подхватила малышку на руки и в два счета доставила ее на второй этаж.

Юля не спешила уходить, ей хотелось еще поговорить со Славкой. Но Славка был явно не в настроении общаться. Ирина Андреевна заметила это и велела Юле проводить наверх двух оставшихся младших девочек. Юля неохотно потащилась с ними на второй этаж.

…Наконец все расположились и улеглись в спальных мешках. Ирина Андреевна и Славкина

Topreading.ru

бабушка разместились у окна. Физрук и художник – у другого. Тетя Лена помахала мужу ручкой и ушла спать наверх, и теперь дядя Коля лежал в окружении мальчишек, половина из которых уже сопела, а другая тихо переговаривалась.

– Пап, мы что, теперь до самой зимы здесь? – спросил Виталик.

«Как бы и не зиму тоже», – подумал дядя Коля, но вслух ответил:

– Посмотрим, сынуля. Думаю, приживемся.

Славка спал. Его измучил этот долгий день, собственные сомнения и несбывшиеся мечты.

А наверху спали только няньки. Ляля сидела на окне и рассказывала всем остальным страшилку про белую балерину.

– Белая балерина раньше танцевала в нашем летнем театре, – таинственным голосом говорила Лялька. – Вернее, тогда она еще не была белой, а была обычной, живой балериной. Она была красивая, как снегурочка, и легкая, как снежинка. И каждый вечер посмотреть на ее представление приходил орлан…

– Приходил или прилетал? – спросила Лиза.

– Прилетал, конечно. Но потом ударялся о землю и становился человеком, как обычно. Не перебивай. Так вот, он каждый день сидел в последнем ряду и смотрел, как она танцует. И никогда не подходил ближе. А она его тоже замечала, но он этого не знал. И она всегда думала: «Ну почему он ни разу не подарит мне цветы?» Ей все дарили, много: тюльпаны, розы или просто ромашки. А он стеснялся.

– Стеснялся цветы подарить? Фу, дурак какой! – возмутилась Викусик.

– Не дурак, – возразила Лялька. – Он просто был очень молодой и еще никому не дарил цветов, никогда, понимаешь?

– А, ну тогда ладно, – согласилась Викусик и закрыла глаза, чтоб было страшнее слушать.

– Ну вот. Но однажды он принес букет лесных гвоздик. Балерина еще издалека заметила, что он сидит на последнем ряду с букетом. Она так обрадовалась, что стала танцевать лучше, чем всегда. И ей в этот вечер хлопали громче и дольше, чем всегда. И многие потом подошли к сцене ее поздравить…

– А когда страшно будет? – спросил кто-то из младших девочек.

– Да погоди ты, – зашикали на нее остальные.

– Сейчас и будет, – кивнула Лялька. – Орлан ждал до последнего. И когда все разошлись, он тоже подошел к сцене и сказал, что уходит на войну. И протянул ей свои гвоздики.

– Ой… – протянула Викусик.

– Вот тебе и «ой», – отозвалась Лялька.

– И он ушел? И ее оставил? – воскликнула Лиза.

– Ушел, – подтвердила Лялька. – Но она сказала, что пойдет вместе с ним! Потому что она тоже

его полюбила.

– Все равно не страшно, – захныкала та же девочка.

– Зато сейчас будет очень страшно. Она пошла на войну, и ей пришлось учиться летать, потому что она была не птица и летать не умела.

– А разве не птица может научиться летать? – перестав хныкать, заинтересовалась девочка.

– Может, еще как. Только это труднее, если ты уже большой. Но орлан сам учил балерину летать, и у нее хорошо получалось. Но однажды ее ранили, она упала с большой высоты и сломала ногу.

– Бедная птичка!

– Бедная балерина! – воскликнули девочки хором.

Тетя Лена уже спала, а Даша, хоть и слышала уже эту историю, все равно переживала не меньше остальных.

– Теперь страшно? – спросила Лялька. И, не дождавшись ответа, продолжила: – Но это еще не все! Война закончилась, и орлан хотел жениться на балерине, но она отказалась.

– Почему?! – крикнули двойняшки одновременно.

– Тихо вы! Всех разбудите. Потому что она думала, что такая, со сломанной ногой, ему не нужна. Что он ее на самом деле не любит, а просто считает себя виноватым и поэтому хочет жениться.

– Ну что же она у него-то не спросила! – возмутилась Юля. – Он, наверное, лучше знал, любит или нет.

– Наверное, – согласилась Лялька. – Но она была очень гордая. Поэтому однажды просто сбежала от него и бросилась в озеро. И после этого стала белой балериной. А он остался один, и с тех пор ему очень грустно. А она каждый вечер танцует у озера, только он не приходит…

– Как танцует? Со сломанной ногой? – одновременно удивились двойняшки.

– Ну она же белая балерина, для нее это не важно, – ответила Лялька.

Все притихли. Маша с Лесей и филологичка Даша уже спали. Лялька слезла с окна и тоже стала укладываться.

– Ляль, как ты думаешь, это правдивая история? – спросила Лиза Нагорная. – Все на самом деле так и было?

– Не знаю, – ответила Ляля и зевнула.

– Не совсем, – отозвалась Ната Караванова, которая все это время лежала неподвижно и с закрытыми глазами, словно спящая.

– Откуда ты знаешь? – воскликнула Лиза.

– Просто знаю, – отрезала Ната и повернулась на другой бок.

Topreading.ru

– Откуда ты знаешь? – воскликнула Лиза.

– Просто знаю, – отрезала Ната и повернулась на другой бок.

Некоторое время было тихо. Потом Лиза вновь спросила:

– Натусь! А как звали орлана, ты знаешь?

– Антон, – чуть помедлив, ответила Ната.

– А балерину? – хором воскликнули двойняшки.

– Девочки! Немедленно спать! – сказала внезапно возникшая в мансарде Ирина Андреевна. – Уже очень, очень поздно.

Глава тринадцатая,

в которой техно просыпается и действует

Аня

Прямо от Ворот я направилась по широкой дороге, которая ведет к площади. В этой части острова обычно безлюдно – что тут делать, если Ворота всегда закрыты. Впереди заиграли часы – опять этот ужасный Имперский марш. Неужели я зря старалась? И сколько, интересно, времени? Еще даже не начало темнеть.

Приближаться к башне, чтоб увидеть время, я не стала. Вдруг там полицейские? Сразу же свернула в переулок, ведущий к интернату.

Но то, что я увидела впереди на холме, заставило меня закричать и броситься вперед, забыв об опасности.

Наш дом пылал! Первый этаж был весь охвачен пламенем, оно вырывалось из окон, из входных дверей. На втором этаже тоже полыхало, даже сюда донесся звон вылетевшего стекла.

Почему никого нет, никто не тушит пожар, не бегает с ведрами, не поливает из шланга, который можно прицепить прямо к трубе и качать насосом? Дядя Коля специально так сделал, чтоб мы поливали клумбы под окнами, а заодно и на случай пожара. Где все? Неужели они…

Мне стало так жутко, так ужасающе, невозможно страшно, что я заревела и бросилась бегом вокруг интерната. Я звала Ирину Андреевну, дядю Колю, Нату Славку, Ляльку, даже Юльку. Всех по очереди. Куда все делись? Почему никто не отвечает?

Я остановилась под окнами музыкального зала. В них еще не было огня. Залезть на дерево и заглянуть внутрь? Но разве, если бы внутри кто-то был, он не спустился бы по дереву вниз? А вдруг все-таки кто-то есть, но не может дойти до окна, потому что надышался дыма или просто маленький и боится?

Я уже схватилась за ствол, как вдруг увидела в небе приближающихся со стороны парка птиц. Это были не юниор-полицейские. У них орланы белоголовые, а эти четверо полностью грязно-серого цвета, некрасивые и мне они не нравятся.

Я отскочила от дерева и побежала в переулок. Скорее убраться отсюда! Наши куда-то ушли, это же ясно. Может, они на берегу залива или гуляют по городу. А возможно, все-таки ищут меня… Ну конечно же, они ищут меня! И нечего было бегать как очумелая вокруг дома. Надо было сразу звать на помощь или искать своих. Я остановилась и глянула на небо. Может, эти орланы – пожарные? У нас пожарников нет, но их могли прислать с Центрального острова.

Мое сердце сильно ударило и понеслось вскачь. Птицы не обращали внимания на горящий дом и не собирались снижаться. Они летели мимо интерната – точно в мою сторону.

Сомнений не было, серые орланы летели за мной.

Я не побежала дальше в сторону площади, где меня моментально поймают, а свернула в арку между домами. Там тесный двор, густо засаженный деревьями, и через пышные кроны птицам будет трудно разглядеть, что делается внизу. У меня есть пара лишних минут, а потом надо перебежать двор наискосок и нырнуть в другой переулок. Мы так делали с Сергеем, когда в прошлый раз спасались бегством от полиции. Подумать только, ведь это было вчера! Суток не прошло, а жизнь так изменилась!

Сергея я звать не стала: чем он мне поможет? Ослепит птиц светом? Он слишком далеко, не достанет. Да и сумеет ли? Здесь ведь не город за Воротами.

Я бежала так, что в ушах свистел ветер, и по улице клубилась пыль. Медальон колотил меня по груди довольно чувствительно – все-таки он металлический. Я не смотрела ни вверх, ни назад. Видят ли меня птицы? Отстали? Продолжают преследовать? Мне было не до того, я неслась изо всех сил. Почему-то совсем не было видно людей. Ах да, все на этой дурацкой встрече с мэром!

Наконец я вылетела на берег залива, и вот тут-то орланы меня и настигли. Они появились по двое с разных сторон. Еще миг – ударятся о землю и трансформируются, тогда мне уже никуда не деться. Не дожидаясь, пока это произойдет, я бросилась в воду. Орланы, пусть даже серые, – не водоплавающие птицы. Достать меня просто так в волнах залива они не смогут. Даже в человеческом обличье оборотни плавают неважно – это не соответствует их природе, так объяснял нам физрук дядя Саша. Хорошо, что он хоть чему-то успел меня научить.

Зайдя в залив по пояс, я нырнула и поплыла под водой. Конечно, я умею плавать, наверное, все люди, живущие на берегу моря, хорошо плавают. Но только куда плыть? Сколько я смогу продержаться в воде? Устану быстро, это же ясно.

Я плыла к обломкам скал. Никогда-никогда я еще не плавала к скалам – кто бы меня отпустил? Но я видела, как мальчишки – сын дворника и сын портного, которые жили не в интернате, – туда доплывали. Значит, это возможно. И тут еще одна мысль как кирпичом ударила меня по голове. Медальон! Я ведь намочила его, он испортится и не сможет играть!

Но было уже поздно.

Я вынырнула, чтобы глотнуть воздуха. Никто надо мной не кружился. Возможно, орланы решили ждать на берегу, деваться ведь мне все равно некуда. Значит, они уверены, что я вернусь.

Или утону.

Но мне не хотелось ни тонуть, ни возвращаться на берег. Буек был уже близко, а вот скалы оказались гораздо дальше, чем я думала. Это с берега создавалось впечатление, что они сразу

за буйками, – на самом деле ничего подобного. Еще пилить и пилить. «Не доплыву», – поняла я.

Нужно было хотя бы попытаться немного отдохнуть. Я перевернулась на спину и вытянула руки вперед. Вода все еще теплая, значит, не простужусь.

Мне стало смешно. Простужусь или нет, какая разница, если я пойду на дно гораздо раньше.

Я нечаянно хлебнула, закашлялась и тут же перевернулась на живот. Надо быть осторожнее, главное – не пугаться.

Перевернувшись, я увидела, что забираю в сторону от скал, – так и вообще не отдохну. Я выровнялась и опять заработала руками и ногами. Плавать кролем или бабочкой мне не хватало сил, только брассом, как лягушка. Плыла, выдыхая в воду, и все получалось, а раньше – никогда.

Через некоторое время я почувствовала, что больше не могу. Силы кончились, в носу пекло от соленой воды, перед глазами все качалось, становясь то зеленым, то черным. Неужели вот так я и умру? Ну глупо же! За мной даже никто не гонится, я уверена.

Вновь подняла голову и посмотрела вперед. А скала-то совсем близко. Темная, гораздо больше, чем казалась с берега, на ней можно не только лежать, но даже попрыгать, и не упадешь. Еще чуть-чуть, и удастся распластаться на ней, вытянуть усталые ноги, гудящие от напряжения руки, положить голову на камень, чтобы перед глазами не кружилось черное и зеленое… Ну еще, еще немного…

Можно было вновь перевернуться на спину, но я боялась опять забрать в сторону, – сейчас, когда твердая поверхность так близко!

Я начала считать. Смогу добраться до скалы за десять рывков?

Нет, не смогла. Еще за двенадцать?

И снова нет.

Ну, теперь уж, чтобы наверняка, – двадцать пять. Раз!

Не знаю, какая сила все еще держала меня на плаву. На счет «восемнадцать» мои руки дотянулись до камня. Но оказалось, что с этой стороны никак не влезть – стенка почти отвесная. Я поплыла вокруг, почти полностью обогнула скалу – кто ж знал, что надо плыть в другую сторону, – когда обнаружила, наконец, удобный выступ под водой, на который можно было встать ногами.

Взгромоздившись на этот выступ, я уцепилась руками за камень вверху. Со стороны, наверное, могло показаться, что я обнимаюсь со скалой. Последний рывок, и я выползла наверх, на более-менее плоскую поверхность. Теперь бы отдышаться, только отдышаться.

Кое-как восстановив дыхание, я подтянула ноги и уронила голову прямо на камень, чувствуя, что засыпаю.

Главное, не скатиться во сне к краю и не упасть в воду…

Проснулась я от невероятного холода. У меня зуб на зуб не попадал, трясло так, что я не сразу смогла ровно сесть – шатало из стороны в сторону.

Topreading.ru

Начинало темнеть, но и вода, и суша еще просматривались хорошо, и я с ужасом увидела, как от берега отходит моторка. Все-таки решили выловить меня! Моторной лодкой на нашем острове пользовались редко. Значит, ради меня сделали исключение. От обиды я опять заревела – громко, всех рыб, должно быть, распугала. Ну зачем, зачем было так лезть из кожи вон? Чтобы все равно попасть в когти к орланам?

Я отвернулась от берега. До следующей скалы совсем близко, даже дрожа, я доплыву без труда. Но что мне это даст?

Просто чтобы что-то делать, а не дожидаться неизбежного, как увязшая в варенье пчела, я сползла в воду и поплыла. Вода даже не казалась холодной. Видимо, на воздухе я замерзла сильнее. Всего несколько взмахов руками, и я достигла скалы. Она оказалась меньше предыдущей, на ней только и можно было, что сидеть, обхватив руками колени. Что я и сделала.

Гул моторки позади нарастал.

Ненавижу этот звук! Убийственный звук! Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Моя рука сама потянулась к медальону. Мокрый? Я не думала об этом, пальцы сами покрутили пружинку завода.

Бах ответил мне музыкой из глубины веков. Я так обрадовалась! Значит, механизм не пострадал.

Я обернулась к приближающейся моторке. Уже было видно людей в полицейской форме, их человеческие лица понравились мне еще меньше, чем птичий облик. Музыка играла, а я слышала противный, резкий гул мотора. Я просто видела, чувствовала, как там внутри вертится что-то, названия чему я не знаю, вертится и гудит, гудит, гудит… И вдруг перестало, перестало гудеть!

В этот момент завод пружинки кончился, и «Шутка» замолчала, но я завела медальон снова. А когда музыка опять зазвучала, поняла, что слышу только ее.

Мотор больше не работал! И лодка никуда не плыла – она болталась на месте, а сидящие в ней люди пытались что-то сделать с мотором. Я даже слышала, как они ругаются. Вот повезло!

Да нет, тут же поняла я. Не повезло – это я, я выключила мотор!

Но это было еще не все. Я вновь повернулась к берегу спиной. Мне показалось… Нет, не показалось. Впереди под водой что-то было. Что-то таилось там, в глубине. Что-то, что могло звучать.

Дождавшись, когда музыка вновь прекратится, я набрала побольше воздуха и нырнула. Очень неприятно открывать глаза в соленой воде, но я постаралась сделать это. Сначала вообще ничего не было видно, кроме темно-зеленой толщи, и конечно, сразу начало щипать. Но я только моргнула. Наконец сквозь слой воды мне удалось разглядеть внизу… стену? Да, никаких сомнений. Длинная стена, конца не видно.

Я поплыла в ту сторону и очень скоро дотронулась до нее. А потом внезапно поняла, что это такое.

Это был подводный тоннель. Метро! То самое, о котором говорил Сергей. Ничего другого быть не могло. Значит, я нашла его! Какая же я молодец! И какой молодец Сергей, что сделал медальон, который мне так помог! Какой молодец композитор Бах, что написал триста лет назад музыку, которая…

И тут до меня дошло. Как же я попаду в тоннель?

Воздух заканчивался, и я всплыла на поверхность. Уже заметно стемнело. Моторка с полицейскими все еще болталась посреди моря.

– Ведьма! Ведьма! – кричали с лодки.

Чего обзываются? Я техно! Техно. Ведьма, хм. Техноведьма. И так, пожалуй, тоже ничего, неплохо звучит: «техноведьма».

Так им и надо! Нечего преследовать бедную маленькую техноведьму Вдохнув еще раз, я поплыла в глубину вдоль стенки тоннеля, пытаясь ощупывать ее одной рукой, насколько это было возможно. Хоть бы какой-нибудь вход, хоть бы щель, хоть бы…

Устав, я снова вынырнула, чтобы отдышаться. Нет, все бесполезно. Ну какой там может быть вход?

Ведь в тоннеле должны ходить поезда. А если будет щель, его же затопит! Ну неужели ничего, ничего нельзя придумать!

Вновь доплыла до маленькой скалы, влезла на нее, уже не обращая внимания на крики и ругань с моторки, обхватила руками колени и положила на них голову. Что же делать? Может, пообещать этим, в лодке, запустить двигатель – уверена, я смогу это сделать, – в обмен на то, что они… Ну и что у них попросить? Доставить меня на берег? Конечно доставят, с удовольствием. И в клетку тут же посадят. А требовать отпустить меня – смешно, ха-ха-ха. Пообещают и не выполнят.

Я опять так замерзла, что снова захотелось в воду, – там теплее. Но еще чуть-чуть, и окончательно наступит ночь, и надо думать, как переночевать. Можно вернуться назад, к первой скале, а можно попробовать доплыть во-он туда, до следующего камня. Он такой круглый, ровненький и широкий, на нем спать будет гораздо удобнее. Но это еще дальше в море. А если волна? Ведь меня смоет. Хотя, – я вновь обернулась на первую скалу, – если смоет, то смоет и оттуда. Какая разница! Нет, договариваться с орланами не буду – я им не верю.

Еще раз бросившись в воду, я направилась к ровному круглому камню. И чем ближе подплывала, тем больше сомневалась – а камень ли это? На темнеющем небе показались первые звезды, скоро выглянет луна, а я все барахтаюсь в море.

Вот и камень. Не просто камень! Сбоку к нему приделана удобная металлическая лесенка.

Я ухватилась за перекладины и легко влезла наверх. Уселась – холодно. Поверхность, а точнее, крышка этой штуки тоже явно металлическая. Вроде люка, который у нас ведет на чердак. И теперь совершенно ясно, что это никакой не камень, а скорее, труба. Больше всего это похоже… на водонапорную башню, как у нас на острове, поняла я. Но здесь-то башня зачем?

Я принялась осматривать трубу со всех сторон и, увлекшись, даже забыла про холод. Что-то не давало мне покоя… может, это лестница? Ведь ступени ведут не только наверх, но и под воду.

Я начала осторожно спускаться. Пришлось опять набрать воздуха, но через минуту я уже стояла на ровной поверхности. Ну, «стояла» сильно сказано, приходилось цепляться за перекладины, потому что вода, конечно, выталкивала меня наверх. И то ли я после всего пережитого стала быстрее соображать, то ли это опять было везение, но, даже болтаясь под водой и цепляясь за лестницу, я догадалась, что подо мной – крыша тоннеля. Того самого. И башня – это вход! Вход в метро.

От радости я быстро-быстро заработала руками и ногами, вылезая наверх. Вот и воздух. Ура!

Я плюхнулась животом на крышку люка и раскинула руки и ноги, как морская звезда. Да! Есть! Я нашла! И уж если я сумела остановить моторку, то открыть какой-то люк смогу точно.

Наверное, нормальный ребенок в нормальной жизни не радуется как сумасшедший тому что нашел люк от тоннеля. Тем более, если он замерз, вымотался и у него громко и настойчиво урчит в животе. Но то нормальный ребенок, – а то ненормальный техно. Кажется, только сейчас я начинала понемножку понимать их. То есть нас, нас, конечно. Знать, что ты нашел какую-то железку, это так… так… потрясающе!

Осталось совсем чуть-чуть. Я почему-то совершенно не думала о том, что тоннель может оказаться закрытым с другого конца и никуда не вести. Или вдруг внутри совсем нельзя находиться – например, там нечем дышать или… да мало ли, что там могло быть! Ведь им тридцать лет никто не пользовался.

Хватит валяться, надо действовать! Я встала на четвереньки и подползла к краю люка. Сбоку он был закрыт каким-то хитрым замком, я даже не знала, как это называется. Дядя Коля или Сергей разобрались бы, конечно, но их здесь нет. Куда они все могли уйти, почему бросили интернат – загадка, на которую у меня нет ответа. Но я найду их позже. А сейчас надо открыть люк и попасть на Центральный остров.

Для начала я запустила медальон. «Шутка» сразу прибавила мне сил. Но и только – на замок музыка никак не действовала, видимо, она влияла лишь на меня саму. До сих пор море было спокойным, но теперь поднялся ветерок, погнал волны, которые налетали на трубу, разбрасывая брызги. Надо было торопиться – ведь если волны усилятся, меня просто смоет и придется все-таки договариваться с орланами. Мое счастье, что их до сих пор никто не выловил.

Как назло, именно в этот момент я увидела, как от берега отплывает лодка. Обычная, весельная, так что время у меня есть. Но немного. Нельзя сомневаться в себе – я смогу.

Я ощупала замок со всех сторон – как же, как он открывается? Может, тут нужны специальные ключи? Но я даже не знаю, как они выглядят. И мелодию, с которой замок открывается, никогда не слышала.

Я попробовала посвистеть. Что еще оставалось делать? Замок не открылся, но я чувствовала: он прислушивается. Наверное, ждет определенную мелодию – свою. Эх, где же ее взять…

Я снова провела пальцами по молчаливым железкам. Интересно, Сергей смог бы открыть вход фонариком? Я закрыла глаза. Ощутила металл под пальцами. Он не звучит. Сейчас – не звучит. Но, если поднести ключ вот сюда… Мой мизинец на правой руке чуть шевельнулся. Я открыла глаза. О, какое достижение – теперь я знаю, куда подносить ключ. И что мне это дает?

Я вновь завела медальон. Потом посмотрела на выемку для ключа. Да, у меня его нет. Но что, если…

Я сняла с шеи еще звучащий медальон и приложила к углублению. По размеру он совсем не подходил, был заметно меньше. Но, что хотите делайте со мной, если ошибаюсь: замок явно обрадовался такому соседству. Когда музыка смолкла, я убрала медальон и приложилась к выемке ухом. Меня захлестывала волна, но я старалась услышать. Где-то в глубине замка, где должен вращаться металлический стержень, тоже можно сыграть свою музыку. Для этого стержень должен лишь повернуться. Повернуться. Повернуться.

И он повернулся! Чуть-чуть. Но замок уже не был безжизненным.

Ах, как бы я хотела уметь все то, что умеют техно! Знать все то, что они должны знать. Как бы мне сейчас пригодился, наверное, учебник физики, случайно найденный в подвале. А теперь он сгорел – вряд ли кто-нибудь искал его в моей тумбочке.

Наверное, техно – это как композиторы. Только композитор может слышать музыку в скрипе железа, а техно, наоборот, музыкой заставляет скрипеть железо, например, вот так…

Я попыталась насвистеть: «Земля, кораблик храбрый мой…». Дальше слова пришли сами:

….Наполнит парус звонкий голос,
И в море – черном, словно космос,
Сияет звездный путь домой…

После этого произошли сразу три события: выплыла на небо луна, щелкнул стержень в замке, и я, не удержавшись, свалилась в воду, чудом не выпустив из рук цепочку с медальоном.

Четвертым стала подплывшая с берега лодка. Я не видела ее, так как барахталась в воде, зато отлично слышала голоса.

Но это было уже неважно. Потому что я ухватилась за верхние перекладины лестницы, встала на нижние, поскорее надела на шею медальон и подняла крышку люка, которую больше не держал замок. Получилось, снова получилось!

Теперь быстрее внутрь! Темно, но можно нащупать ногами металлические перекладины. Я начала осторожно спускаться. А что делать с люком, закрыть? Но ведь тогда я совсем ничего не увижу там, внизу. Но если оставить открытым, не полезут ли сюда орланы? Рисковать нельзя. Я постаралась потверже упереться ногами, отпустила перекладины, взялась за крышку и…

Может, перекладина заржавела, а может, разболтались крепления, но ступенька подо мной обвалилась, и я рухнула в неизвестность. Ударившись об пол тоннеля, я потеряла сознание.

Не знаю, сколько прошло времени. Очнулась я оттого, что сверху на меня лилась вода. Я кое-как села и потерла ушибленные места. Голова вроде ничего, целая. Но вот спиной ударилась здорово. Руки-ноги шевелятся, хорошо, что ничего не сломала. Держась за стенку, я поднялась на ноги и посмотрела наверх. Надо мной в открытом люке – луна. То и дело в отверстие заливается вода, ветер гонит волны. Надо бы все-таки закрыть этот несчастный люк.

Я ощупала стену со всех сторон. Если тут когда-то и были ступени, то сейчас их нет. Обвалились, наверное. Ближайшая, которую я видела, была очень высоко – никак не взобраться. Придется оставить люк открытым. Ну что ж, так даже лучше, хоть какой-то свет

Topreading.ru

проникает.

Так. Теперь главное – правильно определить, в какую сторону идти. Я еще раз глянула вверх. Ступени, к счастью, в этой трубе были только с одной стороны. Когда я спускалась, берег был по левую руку. Значит, Центральный остров – по правую. И мне – туда.

Я медленно побрела по тоннелю, держась правой рукой за стену. Спина болела, кружилась голова – но приходилось идти, спать тут все равно было невозможно. Под ногами лежали рельсы, такие же, как я видела под мостом. Я пошла между ними.

Впереди почти ничего не видно, бреду неизвестно куда. Под ногами хлюпает вода. И что с тобой случилось, Анька-Насекомое? Как ты попала в такое странное место? Идешь искать брата? А вдруг ты ошибаешься и его нет на Центральном? Вдруг впереди – враги? Или чудовища спрятались в этой темноте?

Я даже фыркнула. Какие еще чудовища! Нащупала пружинку завода и повернула ключик. Заиграла моя чудесная «Шутка», и мне стало лучше. Надо просто идти – и все. Когда-нибудь это кончится.

Никто так и не полез за мной в этот люк. Наверное, я была им не так уж и нужна.

…Я шла уже довольно долго. Медленно, но не останавливаясь. Я знала, что, если остановлюсь, упаду от усталости и усну. А мне не хотелось спать в тоннеле в воде. Холод уже не ощущался – должно быть, я привыкла. Как все-таки удивительно устроен человек: в трудные минуты он может не замечать такие вещи, которые в обычной жизни ни за что не стал бы терпеть. Да все сейчас нормально: я сбежала от орланов, нашла люк, я жива, я иду. Единственное, что мне не нравится, так это то, что воды становится все больше и больше, ее уже почти по колено.

И тут я встала как вкопанная.

На небе, которого я сейчас не вижу, высоко надо мной – луна. И это значит, что сейчас прилив. Прилив!

Силы моментально покинули меня. Люк не закрыт. Вода будет прибывать и прибывать, до тех пор, пока…

Я закрыла глаза. Как же так! Как глупо…

Опустившись на какой-то выступ стены, я закрыла лицо руками. Даже если я сейчас пойду обратно, – что совсем не близко, – мне не вылезти наверх. Что же делать, что делать?! Думай же, Аня, думай!

Уже в который раз я включила «Шутку».

В голове просветлело.

А что, если дальше есть другие люки, у которых не обломаны ступени? Тогда я смогу вылезти. Нет, тут же поняла я. Это плохая мысль. Во-первых, как я увижу закрытый люк над собой в темноте? А во-вторых, если даже я найду его, поднимусь наверх и открою, на меня тут же хлынет вода. Единственное, что остается – иди вперед быстрее, чем прибывает вода, пока еще можно идти. Ну и чего я расселась?

Я встала и вновь зашагала в темноту так быстро, как только хватало остатка сил.

Иду и иду, вода прибывает. Медленно, но она уже выше колена. Сердце колотится. Медальон я теперь гоняю почти без перерыва – даже если испортится, мне все равно. Иначе раньше испорчусь я, техноведьма. Только бы что-нибудь придумать, хоть что-нибудь, хоть что-нибудь…

Вдруг впереди, совсем рядом, что-то щелкнуло, потом послышалось гудение. Похожий звук издавала наша стиральная машина, когда включалась. Затем все стихло. И после этого – мне показалось или нет? – вода стала прибывать быстрее.

Она была мне уже почти по пояс!

Бросившись вперед с вытянутыми руками, я внезапно наткнулась на стену. Прохода дальше не было. Как же так?!

Я ощупала неожиданно возникшую передо мной преграду. Стена была ребристой, но никаких замков, выемок – ничего такого под руки не попадало. Откуда она здесь взялась?!

Я металась вдоль стены, ощупывая ее то выше, то ниже. Я даже набрала воздуха и опустилась под воду, провела руками у самого пола. Есть! Там еле-еле угадывалась щель. То есть щели, конечно, не было, иначе вода просачивалась бы, а не скапливалась у препятствия. Но я чувствовала, что щель можно сделать. Можно! Я выпрямилась.

Вода уже по грудь. Если я немедленно что-нибудь не придумаю, то…

Я привалилась к стене лбом. Коробка. Закрытая коробка. А в ней – пойманная пчела. И вода прибывает, потому что коробка закрыта.

Меня осенило. Ну конечно! Стена или преграда закрылась только что, поэтому я и слышала гул. И вот отчего вода стала прибывать так быстро – раньше она просачивалась дальше. Значит, тут должен быть какой-то механизм. Может, так специально сделано, чтобы отгородить затопленный участок от остальных и не дать затопить сразу все метро. То есть я должна поднять эту перегородку, пройти внутрь, а потом опустить ее за своей спиной. И вода будет не страшна.

Но сейчас она мне уже по шею.

Я сорвала с шеи медальон и, приложив его к перегородке, завела музыку. Скоро стало понятно, что механизм вверху. Одной музыкой здесь не обойдешься. Вновь запустив пружину, я схватила медальон зубами – только так я могла держать его над водой, – потом широко расставила ноги, а раскинутыми руками уперлась в стену. Я должна поднять ее! Должна поднять. Должна поднять. Должна поднять! Если б я была оркестром, я сыграла бы все мелодии сразу.

Польку.

«Крошка спи, погасли свечи».

«Эниомориконе».

«Земля, кораблик храбрый мой».

«Шутку».

И даже…

Имперский марш.

Музыка Баха смолкла. Вода поднялась мне до подбородка. Я выпустила медальон и запела Имперский марш, упираясь руками в стену, а ногами в пол.

На последней ноте марша мне откликнулся гул сверху. Вода к этому моменту поднялась мне до носа – допевать пришлось про себя, а не вслух, – но тут вдруг остановилась. Я почувствовала, как стенка едет вверх. А внизу, по ногам, вода заструилась в открывшуюся щель. Но мне не следует поднимать стену полностью, иначе все усилия пойдут прахом. Надо пролезть под перегородкой, как только щель станет для этого достаточно большой, и снова опустить ее.

Я зажала нос пальцами, присела на корточки и тут же увидела на полу брошенный медальон. Как я могла забыть о нем, о моем спасителе?! Быстрее схватить его, быстрее же!

Я толкала стену вверх, словно торопя ее, и наконец смогла кое-как протиснуться – помог напор воды.

Вот я и на той стороне! Быстро выпрямилась. Здесь уже тоже было по пояс – терпимо. Но больше нельзя!

Снова упершись в стену руками и громко запев марш, я принялась тянуть перегородку вниз. В ответ механизм отключился и не работал довольно долго – так мне показалось. Вода поднялась до груди, до шеи, и я уже решила, что все было напрасно.

Но наконец наверху вновь зажужжал невидимый моторчик, и стенка поехала вниз. Медленнее, чем мне хотелось бы, но все же поехала. Стена опускалась, опускалась и наконец опустилась до конца. Моторчик выполнил свою работу и затих.

Все.

Привалившись спиной к перегородке, без сил, я стояла по шею в воде. Но вода больше не прибывала.

Никогда не думала, что можно спать стоя, да еще по шею в воде.

Глава четырнадцатая,

в которой мы убеждаемся, что мастерство не ржавеет

Выпустив из поля зрения странную девочку в море, луна взирала на обгоревший интернат. Пожарные прибыли слишком поздно – стены уже почернели, целых стекол не осталось. Сбежавшиеся местные жители почти затушили огонь сами, да он и так уже утихал, поскольку внутри сгорело все, что могло гореть. Спасти удалось только дерево, тянущее ветви туда, где раньше был музыкальный зал. Некоторые с изумлением и ужасом спрашивали друг друга, где же дети, но немногие посвященные были почти спокойны. И разговоры вскоре прекратились. Жители острова привыкли не удивляться пропаже людей. Ну и что с того, что на этот раз исчезли все скопом: значит, кому-то так было нужно. Постояв возле еще дымящегося здания, островитяне разошлись. Остались тлеющие стены, да флюгер по-прежнему крутился от слабого ветерка. Дым уносило в сторону залива.

Выпустив из поля зрения странную девочку в море, луна взирала на обгоревший интернат.

Пожарные прибыли слишком поздно – стены уже почернели, целых стекол не осталось. Сбежавшиеся местные жители почти затушили огонь сами, да он и так уже утихал, поскольку внутри сгорело все, что могло гореть. Спасти удалось только дерево, тянущее ветви туда, где раньше был музыкальный зал. Некоторые с изумлением и ужасом спрашивали друг друга, где же дети, но немногие посвященные были почти спокойны. И разговоры вскоре прекратились. Жители острова привыкли не удивляться пропаже людей. Ну и что с того, что на этот раз исчезли все скопом: значит, кому-то так было нужно. Постояв возле еще дымящегося здания, островитяне разошлись. Остались тлеющие стены, да флюгер по-прежнему крутился от слабого ветерка. Дым уносило в сторону залива.

Сергей тоже видел затухающий пожар. Он вышел за Ворота, как только стемнело, и теперь стоял поодаль, чтобы не попадаться на глаза местным и пожарникам, разгоняющим население. Ани в толпе не было, как не было никого из интернатских. Что это значило, куда все делись? Юниор-полицейские шныряли тут и там. Сергей видел их и в небе, и издали в переулках. Несомненно, они были заняты поиском. Где можно спрятаться на острове? Разве что в лесу. Но если Аня ушла в лес, то почему не позвала его, не подала знака? Он бы обязательно помог. Логика подсказывала: скорее всего, девочка покинула остров. Решив, что прогулки по городу, наводненному полицией, бесполезны и даже опасны, Сергей нехотя вернулся домой.

Стоило бы лечь спать, тем более, что очень хотелось, ведь большую часть времени, в которое Сергей привык отсыпаться, он провел с Аней. Но сон не шел – не оставляло беспокойство об Ане. Сергей сидел на диванчике в сторожке, теребя в руках машинку для колки орехов. Девочке так понравилось нехитрое устройство – с каким восторгом она нажимала на крышку мухомора!

«Бедная девчонка, – невольно подумал Сергей. – Что она видела? Ни папы, ни мамы. Брата, и того умыкнули. Может, хоть теперь ей повезло, и она смогла попасть на паром?» Сергей упорно гнал от себя мысль, что Аня могла запросто утонуть в море.

– Не могла! – сказал он вслух, глядя через темное окно на залив. – Не могла.

Он лег на диван и закрыл глаза. Но вскоре ему надоело лежать. Поднявшись, он пересек сторожку и вышел на улицу. Ночь была прохладной. Света не хотелось, хотя сюда не заглядывала даже луна. Но Сергей давно привык как к темноте, так и к одиночеству. Правда, сейчас ощущение того, что он здесь один, почему-то многократно усилилось. Вроде бы ничего не изменилось, а он не мог найти себе места. Прогулялся через мост. С той стороны мост, как и раньше, упирался в кирпичную стену. Вот только можно ли теперь открыть слепую дверь, если интернат сгорел? Сергей провел рукой по шершавой поверхности. Наверное, он тоже смог бы научиться открывать слепую дверь – отсюда. Но зачем, если можно легко выйти через Ворота. Да и Ани там, по ту сторону стены, нет. Хмыкнув, Сергей развернулся и направился обратно. Как ни смешно, он успел привязаться к этой прикольной девчонке с взлохмаченными волосами и длинными, как ножки водомерки, пальцами.

Сергей поднял руку, рассматривая фенечку подаренную новой подругой. Это не составляло для него труда, он давно научился видеть в темноте не хуже кошки. Но все-таки Сергей встал под фонарем и зажег его – хотелось полюбоваться цветом. Две белые нитки, две фиолетовые и две – цвета морской волны. А еще – серебристая рыбка-блесна. Сергей вертел рукой, глядя на это сочетание. Странный бородач по имени Тим сказал, что это – проводник. Но, видимо, проводник действует не сам по себе, а в сочетании с механизмом. Просто так открыть дверь с его помощью нельзя. Цвет морской волны, белый, фиолетовый, серебристый. Цветов четыре, а ведь Тим говорил про Правило четырех. Может, это тоже как-то связано?

Сергей мог бы стоять вот так и раздумывать довольно долго, но внезапно откуда-то донесся тихий равномерный гул. Сергей прислушался. Звук шел со стороны Ворот. Первой мыслью было, что вернулась Аня. Не медля ни секунды, Сергей со всех ног бросился на звук. «Сказал же: не беги к Воротам», – ворчал он про себя, но сердце его радостно билось.

Аня поступила умно: добыла какую-то гуделку чтоб ее точно услышали, и теперь подавала знак. Тем временем гудеть перестало. Сергей подошел к створкам вплотную и остановился. Он уже протянул руку к месту смыкания… Но засомневался. А что, если это вовсе не Аня, а, например, полиция, которая ищет ее?

– И на что они рассчитывают в таком случае, что я открою им и впущу в город техно? – пробормотал Сергей.

Звуки возобновились, на этот раз громче. Не было сомнений: источник находится сразу за Воротами. Вновь все стихло. Сергей ждал, что человек, стоящий по ту сторону, постучит или подаст голос. Но ничего подобного не происходило. Сергей недоумевал: если это орланы, почему они молчат? Почему решили искать Аню тут только сейчас? Он не исключал возможности, что как-нибудь неосторожно «засветился» и привел сюда полицию, но, в конце концов, они могли бы попытаться проникнуть в город сами – сняв Заслон, который сами же и установили.

Сигнал стал более настойчивым, теперь он повторялся через короткие промежутки времени. И Сергей все больше убеждался в том, что за Воротами не Аня, но и не полиция. Кто же тогда?

Заглядывая в оконные провалы, луна недоумевала: как же так? Кто превратил этот дом в безмолвный, неподвижный камень? Еще недавно здесь было так весело, шумно, даже ночью здесь не прекращалась жизнь – кто-то лазил на крышу, кто-то вздыхал у окна, перешептывался на чердаке, плакал в подушку… Не найдя ответа, луна была готова от огорчения спрятать желтое лицо в облаке, как вдруг снизу послышался шум и скрежет. Что-то происходило внутри здания, в стенах, которые еще стояли несмотря на то, что сделал с ними огонь. Рывок, другой! Кирпичи одной из стен осыпались, будто стеклянные. Из обвалившейся кладки высунулось алюминиевое плечо. Вновь сотряслись стены, на этот раз – сильнее, и большая часть их рухнула, обнажив металлическую конструкцию: несколько ящиков, соединенных длинными подвижными рычагами, пружинами и кабелем. На стенках некоторых ящиков перемигивались лампочки, красные или зеленые. Раздался тихий гул, заработал привод, рычаги и ящики пришли в движение. Одни сближались, другие поднимались или опускались. Два на самый верх, один над другим. По одному справа и слева вниз, для устойчивости. И шесть – в середину. Стенки их раздвигались, ящики раскладывались, соединяясь уже иным образом, как будто кто-то собирал гигантский конструктор. Голова, туловище, ступни. Руки и ноги состояли из рычагов, которые свободно сгибались и разгибались, поднимались и опускались. Два зеленых огонька заменяли глаза. Один красный – рот. Носом служил рубильник. Металлический человек соединил руки перед собой и медленно согнул ногу. Подняв, вынес ее вперед и осторожно поставил. То же проделал с другой ногой. Вот и первый шаг. Позади обрушились остатки стены. Металлический человек аккуратно повернул голову – амплитуда вращения алюминиевого стержня почти не ограничивалась возможностями конструкции. Перешагнув битый кирпич, медленно ступая и помогая себе «руками» при движении, оживший механизм направился в сторону города техно.

Если местные жители и слышали шум, никто не рискнул высунуть носа из безопасного жилища: мало ли что происходит на улице. Сегодня был пожар в интернате, а завтра, глядишь, стрясется еще чего похуже… Нет уж, лучше не торопиться на встречу с неприятностями.

Металлический человек медленно вышагивал, опираясь на ступни-ящики, поднимая тучи пыли. Налево и прямо, по широкой дороге, до самых Ворот нового города.

Когда сигналы в очередной раз прекратились, Сергей на свой страх и риск решил приоткрыть створки. Он расширил щель и осторожно выглянул.

За Воротами, озаряемый серебряным светом луны, стоял металлический человек.

Не веря своим глазам, Сергей распахнул створки так широко, насколько хватило сил.

– Техмат, это ты? Ты живой?

Если, конечно, к металлической конструкции с термоэлектрическим элементом можно применить понятие «живой».

Но Сергей об этом не задумывался. Он с радостью кинулся бы к Техмату на шею, если бы та не располагалась на высоте пяти метров.

– Вперед! – привстав на цыпочках, скомандовал Сергей в микрофон, отверстия которого находились на передней панели Техмата на уровне лица взрослого человека. Ребенку, чтобы дотянуться до микрофона, пришлось бы орать.

Конструкция неспешным шагом двинулась прямо на Сергея. Тот вовремя отпрыгнул в сторону, бормоча:

– Как же ты ухитрился? И программа «дойти до Ворот» сработала, надо же… Огонь с одной стороны, холодная вода с другой – термоэлемент среагировал и запустил электричество…

«Техмат», как назвал его Сергей, зашел внутрь и продолжил двигаться по прямой, рискуя врезаться в насыпь. Паренек юркнул в щель закрывающихся Ворот, припустил бегом, обогнал металлического приятеля и, приплясывая перед ним, крикнул в микрофон: «Стой!»

«Техмат», как назвал его Сергей, зашел внутрь и продолжил двигаться по прямой, рискуя врезаться в насыпь. Паренек юркнул в щель закрывающихся Ворот, припустил бегом, обогнал металлического приятеля и, приплясывая перед ним, крикнул в микрофон: «Стой!»

Металлюга остановилась, мигая зелеными лампами-глазами.

– Так, еще вспомнить бы, как ты перенастраиваешься, – задумчиво произнес Сергей, скребя в затылке.

Он не без гордости разглядывал Техмата. Угловатый, страшный, как экскаватор, но сильный, как подъемный кран, – а что еще можно было сделать в тех условиях, в которых они все тогда оказались, – Техмат был сконструирован таким образом, чтобы иметь возможность трансформироваться. И даже не в одну модификацию! Каких усилий стоило внедрить механизм между кирпичными кладками! Это удалось сделать лишь в том доме, где стены были утепленными, двойными, то есть в интернате. И все равно пришлось ломать стену, а потом класть кирпичи заново и закрашивать. Со второй конструкцией справились быстрее – она была гораздо меньше. Но куда ее замуровали, Сергей так и не успел узнать.

– Усни! – вспомнил Сергей команду.

Лампочки перестали мигать. Теперь можно было спокойно покопаться в недрах железяки, не

опасаясь, что она, случайно среагировав на голос, совершит какое-нибудь нежелательное действие. Сергей провел рукой снизу под металлическим брюхом, нащупал рычажок и потянул.

Сначала ничего не произошло. Затем передняя стенка туловища вздрогнула и чуть-чуть отъехала вбок, на манер выдвигающейся двери, а затем остановилась. Это и была дверца. Но что-то мешало ей открыться. Уцепившись за металлическую стенку руками, Сергей принялся изо всех сил толкать, пока не сдвинул ее. Дальше дверца поехала сама, открыв, в конце концов, вполне сносную кабину, в которой могли поместиться двое взрослых, либо трое детей не крупнее Ани. Сидеть, правда, в ней было бы довольно жестко, но зато при движении ни коленки, ни локти ни обо что не бились.

– Хоть ты и функционируешь, однако осмотреть и проверить не мешает. Может, что-то где-то погнулось, тогда надо бы выпрямить, – сказал Сергей не то себе, не то Техмату – И где же лестница? Или ее не было?

Так и не вспомнив, как же предполагалось залезать в кабину, Сергей кое-как, по ноге алюминиевого приятеля, забрался внутрь. Устойчивость конструкции, к счастью, сомнений не вызывала. Приоткрыв деревянную крышку ящика, которая должна была служить сиденьем, Сергей обнаружил несколько отделений, доверху заполненных пазлами.

– Ага! – довольно воскликнул он. – Все правильно, все в сохранности, отлично! Но надо будет их отсюда убрать.

Вернув крышку в прежнее положение, Сергей уселся на ящик, отыскал на боковой стенке кнопку, которой дверь закрывалась и открывалась изнутри, а затем, пошарив справа, выдвинул рычаги ручного управления. Можно, конечно, вернуть металлюгу в режим бодрствования и лишь отдавать команды – она сама привезет, куда надо. Но Сергею хотелось вспомнить, как это делается с помощью механики. Закрыв дверцу – обратно она ехала гораздо легче, – он оказался в замкнутом пространстве. Но его это не испугало. Открыв окошечко обзора, Сергей с удовольствием убедился, что видимость хорошая. Кажется, эффект достигался с помощью линз и зеркал.

– Ну что, поехали? – с замиранием сердца произнес парень и потянул за рычаг.

Техмат медленно согнул правую ногу вынес вперед и опустил, тут же подтянув левую. Таким манером он двинулся в сторону мастерских.

– Амортизация… так себе… но жить… можно, – решил Сергей, которого слегка подбрасывало при каждом шаге. К счастью, сверху было достаточно пустого пространства, чтобы не ударяться головой.

– Но надо будет все-таки приделать к потолку хотя бы пенопласт, – подумал вслух Сергей. – Если, конечно, я смогу его отыскать.

Осмотром Сергей остался доволен. Все части на месте, все работает. Немного заедала при выдвижении дверь кабины, потому что в паз набилась пыль. Сергей вычистил ее оттуда специальной метелочкой, а алюминиевый корпус Техмата отполировал до блеска. Все гайки были подкручены, болты затянуты.

Сергей отступил на шаг, любуясь делом рук своих.

– Ну вот, ты почти как новенький! – заявил он металлическому человеку, щелкнув его по

«носу».

Пазлы были предварительно высыпаны из ящика, переложены в непромокаемые пакеты и спрятаны в мастерской. Наверняка еще пригодятся! Они столько лет служили верой и правдой.

– Только что же мне с тобой делать, – бормотал Сергей, обходя вокруг Техмата. – Ты, дружище, наш, техно, только мозгов у тебя нет, не пообщаешься… А все твои задачки я решил еще в детстве.

При желании и некотором умении механизм можно было трансформировать в новую модификацию. Но в какую? Где-то даже имелись схемы и чертежи, но Сергей не помнил, где их искать, да и сохранились ли они вообще? Он продолжил тщательно осматривать крепления.

– И почему, интересно, мы сделали тебя из алюминия? Не из стали, которая гораздо прочнее. Алюминий легкий, ломкий, его проще повредить. Повезло, что ты не пострадал, когда вылезал из стены. Но зачем нам нужна была легкость? Ведь не в самолет же ты превращался? Нет, самолет – это крутовато…

Сергей похлопал по металлическому корпусу.

– Может, лодка? – продолжал размышлять он вслух.

Но как из этого угловатого чудовища сделать лодку? Ведь он, как ни крути, прямоугольный. Никакой обтекаемой формы. С другой стороны – у парома разве обтекаемая форма? Ничуть. К тому же он очень устойчивый.

И тут Сергея осенило. Ну конечно! Техмат трансформировался в катамаран. Это лучше лодки, лучше плота. Правда, моторчик слабоват. Но зато, тут же возразил себе Сергей, есть крутящийся стержень, на котором держится голова, – он легко приспосабливался под турбопарус. Вот и дополнение к двигателю.

Но чтобы трансформировать нынешний облик в катамаран, Техмату требовалась помощь. Сначала надо было кое-что открутить и переставить, это Сергей вспомнил и без инструкции.

Позабыв про усталость, Сергей отвел Техмата на берег, чтобы удобнее потом было спускать его на воду, и с жаром принялся за работу. Главное – разобрать кабину, чтобы сделать из нее платформу на двух опорах. Катамаранчик должен был выйти совсем маленький, но легко увез бы двоих.

Когда большая часть ящиков была развинчена, Сергей понял, что перестарался. Надо было открутить только часть стенок, а он, увлекшись, снял все. Пришлось половину ставить обратно.

Он работал, не замечая времени, и немудрено, ведь в городе за Воротами ничего не меняется, тут вечная ночь. А прислушиваться к собственным ощущениям мастер, занятый важным делом, позволить себе не мог. В конце концов Сергей так и уснул на берегу залива с гаечным ключом в руке, уронив голову на будущую корму.

Сколько он спал, неизвестно. А проснувшись, тут же принялся за прерванное занятие. Прошло еще несколько часов. И наконец-то прямоугольная штуковина на двух опорах с мотором и турбопарусом, с подобием кабины – только без крыши – была готова. Смущало лишь то, что ветер и соленая вода будут лететь прямо в лицо. Подумав, Сергей сбегал в мастерские и долго шарил там в поисках чего-нибудь подходящего. В конце концов обнаружил прозрачный пластиковый ящик, довольно большой, в котором хранились всякие нужные и ненужные вещи.

Не колеблясь Сергей разломал его и приспособил в качестве «стекла» кабины. Вот теперь было совсем хорошо.

Сергей даже сплясал что-то немыслимое по этому поводу. А потом подналег и столкнул новорожденный катамаран в море. Поспешно стащил башмаки и носки, прошелся по воде и запрыгнул на плавающую посудину сверху, пока ее не отнесло волной.

– Надо придумать какую-нибудь цепь и пристань, чтобы тебя пристегивать, – пробормотал Сергей.

Усевшись на широкую скамейку, он включил мотор.

…Как выяснилось, мотор был не таким уж слабеньким. К тому же боковой ветер изрядно помогал турбопарусу, наматывая воздух на стержень, словно нить на катушку.

Брызги летели в лицо. Катамаран почти не качало, ход был плавным.

– Прикольно, – с восторгом прошептал Сергей.

Поскольку опять стемнело, пришлось пустить впереди пятна света, ведь об осветительных приборах мастер как-то не подумал. «Зайчики» весело скользили по волнам, и плыть было весело. Для Сергея, столько времени просидевшего взаперти, морская прогулка была почти счастьем. Он улыбался во весь рот, одной рукой крепко держа руль, а другой то и дело поправляя падающую на глаза челку. С этой стороны острова не было ни причалов, ни патрулей, ведь часть берега была огорожена забором и относилась к городу за Воротами. Однако звук мотора могли услышать и заинтересоваться: кто это по ночам шныряет по заливу. Кроме того, Сергей начал испытывать знакомое ощущение: однажды с ним такое уже было, когда он искал в заливе вход в метро. Казалось, будто он растягивает пружину – пока еще есть место для маневра, но если растянуть ее сильнее, она неминуемо сократится, вернув его в исходную точку. И нет гарантий, что вместе с катамараном. Оказаться в море, так далеко от берега, совершенно не хотелось, поэтому Сергей счел за благо развернуться.

Вернувшись к тому месту, откуда отплыл, Сергей не поленился с помощью веревки втащить катамаран как можно дальше на берег, чтоб уж точно не унесло. Совершенно запыхавшийся, но ужасно довольный, он отправился домой, в сторожку, все еще под впечатлением от приключения. Пока он шел, его словно покачивало на волнах.

«А все-таки я молодец», – подумал он, и на душе стало легко, как будто не было последних одиннадцати лет темноты и одиночества. На миг показалось, что сейчас из дверей мастерских выйдет отец и похлопает его по плечу. А мама будет делать вид, что ужасно сердится на его ночную отлучку, но потом вздохнет и скажет: «Я понимаю, Сережа, ты уже взрослый».

Только мама называла его Сережей. А теперь назвала Аня.

Родители тогда признали, что он взрослый. Он очень хотел быть с ними, хотел сражаться вместе с другими техно. И его взяли с собой.

Некоторых техно арестовали еще до осады крепости. А те, кто были за стеной, погибли все. Он один выжил. Наверное, не случайно – так нужно было.

И теперь он обязан сделать все, что в его силах, чтобы помочь Ане.

Он даже знает как.

Во сне Сергей увидел Тима, бородатого стража архипелага. Присев прямо на катамаран, Тим качал головой.

– Спишь? – чуть ли не с возмущением поинтересовался он. – А твоя подружка, между прочим, почти до Центрального добралась.

Потом все исчезло.

Утром Сергей первым делом кинулся на берег.

Катамаран лежал на том же месте, никто, включая таинственных выходцев из морских глубин, на него не покусился.

Сергей присел рядом на корточки, положил локти на металлическую поверхность.

– Хорошо с тобой, друг, – вздохнул он. – Но я думаю, Аньке с тобой будет еще лучше.

Чтобы долго не раздумывать и не жалеть, Сергей рывком поднялся на ноги и решительно зашагал к мастерским.

Собственно, мысль зародилась еще вчера, во время поисков чего-нибудь прозрачного. Среди прочего Сергей наткнулся на запечатанную банку синей краски и на другую – с остатками красной. «Красный плюс синий равно фиолетовый», – неизвестно к чему подумал он. И хотя эта нехитрая истина ровным счетом ни к чему не вела, он не забывал об этом на протяжении всей морской прогулки. А когда вышел на берег, уже знал, что именно сделает фиолетовым.

Он принес из мастерских обе банки и кисточку, которую смог найти. К счастью, красная краска была закрыта так плотно, что не засохла. Он откупорил синюю, подцепив крышку отверткой, и перелил часть краски в другую банку. Затем, насвистывая, начал перемешивать найденной на берегу палкой. Постепенно цвет стал равномерно-фиолетовым, и Сергей засмеялся от удовольствия.

Катамаран ведь сделан из серебристого алюминия. Сюда так и просятся еще три цвета!

– Я сделаю из тебя проводник. Чтобы наверняка! – вслух сказал Сергей.

Затем бережно взял кисть. Можно было, конечно, провести полосы по бокам. Но он поступит лучше.

Пыхтя от удовольствия, он принялся выводить на корпусе фиолетовую букву «Т». Он не торопился, поэтому рука ни разу не дрогнула. Ни одной кривой линии. Все буквы одного размера, только первая больше остальных – пусть все видят, что это не просто название корабля, – это имя.

Вскоре на боках катамарана, с двух сторон, красовалась надпись «Техмат», а от фиолетовой смеси почти ничего не осталось.

Довольный работой и собой, Сергей оставил краску высыхать, а сам, прихватив банки, направился обратно к мастерским.

Предстояло ведь еще что-то придумать с белым цветом и цветом морской волны.

Topreading.ru

Впрочем, в глубине души Сергей надеялся, что за морскую волну сойдет сама морская волна – ведь катамаран все время будет в воде. Главное – добраться до острова, а там Аня как-нибудь сможет…

Он не додумал свою мысль, потому что вовсе не был уверен, что она правильная.

Но с поисками белой краски его ждало разочарование. Сергей обшарил все, что только мог, – никаких следов. И ведь как обидно: ладно бы какой-нибудь экзотический цвет, а то белый, просто белый! И ничего.

Излазив мастерскую вдоль и поперек, Сергей отправился в сторожку, не особенно надеясь на удачу. Он зажег «Эйфелеву башню», осмотрелся. Потом методично принялся обшаривать сантиметр за сантиметром. Белую краску он, разумеется, не нашел.

Зато в шкафу на полке обнаружились три носовых платка. Два из них были в клетку, а вот третий оказался белым. И мало того: по краю шла ломаная линия цвета морской волны.

Сергей развернул платок. Надо же, какая удача! Эта тряпочка, конечно, не банка краски. Но из нее можно сделать флажок, отличный маленький флажок, который он прикрепит на нос корабля. Если, конечно, к катамарану применительно слово «нос».

…Наконец флажок красовался на переднем крае. Осталось дело за малым. Сергей отволок катамаран в воду, встал сбоку и скомандовал: «Проснись». Красная и две зеленые лампочки замигали на панели рядом с рулем. Значит, Техмат слышал его. Навигатор, встроенный в память, содержал всего два маршрута – до Центрального острова и до Рока-Алада. Если бы капитану захотелось отправиться на Безымянный, на материк или куда-то еще, пришлось бы управлять вручную – что и сделал накануне Сергей. Оставался последний штрих: произнести в микрофон название конечного пункта, и кораблик помчится. Но этого было мало! Ведь Аня не знает, как управлять. Подумав, Сергей сбегал домой и написал Ане записку, снабдив ее инструкцией и схематичной картой архипелага. Потом спрятал ее под сиденье.

Решив, что этого достаточно, он со вздохом произнес: «До свиданья, друг!»

И громко объявил в микрофон:

– Центральный остров.

«Техмат» резво стартанул перпендикулярно к берегу, и через несколько метров взял на северо-запад.

Сергей провожал его взглядом, пока тот не превратился в точку.

Глава пятнадцатая,

в которой можно просто вернуться к себе

Орлан летел над Бескрайним заливом. Раны затягивались быстро, как у всякого оборотня, но сил все равно не хватало, приходилось время от времени садиться на скалы и отдыхать.

Смысла оставаться на Светлоярске не было. Его убьют, это ясно. Значит, нужно добраться до дома, прийти в себя и решить, что теперь делать. В любом случае, нужно было найти способ и дальше помогать Ирине и детям.

Скала, на которой орлан отдыхал, была последней. Впереди лежал трудный участок пути без возможности перевести дух. Рока-Алада, самый восточный остров архипелага, был самым обрывистым.

Раньше орлан преодолевал это расстояние играючи. Сейчас до острова он, пожалуй, не дотянет – нужно сначала добраться до отмели.

– Давай же, Антон, давай! – сказал себе комиссар полиции, расправил крылья и взмыл в высокое небо.

Ветер подхватил его, пришел на помощь, словно старый приятель. В воздухе всегда лучше, в небе ты – как дома. Лишь бы не было бури.

Принято считать, что орланы не умеют плавать, но это не совсем так. Упади орлан в воду, у него хватит способностей доплыть до берега… Если берег близко, а вода не слишком холодная. Тогда инстинкт доведет, направит. Иначе…

Небо пылало красным – завтра опять будет ветер. Вода с высоты казалась совсем светлой, в ней можно было безошибочно разглядеть темные спины, красноватые плавники. Лососи.

Очень хотелось есть. Хотелось охотиться. Спикировать, броситься на скользкую добычу, вонзить когти. Чтобы жертва билась, беспомощная, вырванная из воды, не в силах освободиться, зная, что ее ждет… А потом утолить голод.

Орлан отчетливо представил рыбу в когтях, дрожь волной прошла по телу. Это придало ему энергии.

До заката еще есть время, он успеет добраться до отмели и поймать лосося. А продолжать путь можно и в темноте, так даже лучше, он доберется до острова ночью или под утро.

Постепенно стало легче. Прежние силы возвращались, орлану даже стало стыдно из-за того, что проиграл бой вчерашним птенцам. Но человек! Коварное существо. Люди во много раз хуже любого из животных, неважно, волшебных или самых обыкновенных. У людей нет чувства единства. Они враждуют друг с другом. Хотя… на него ведь тоже напали собратья. Но то иной случай. К тому же не обошлось без человека.

Море под ним стало желтым – вот и отмель. Человеку здесь по колено. Орлану, если сядет в воду, потом не взлететь. Но рыбу поймать можно. А впереди будет камень для отдыха – один-единственный.

Этого вполне достаточно.

Он стал медленно спускаться, заходить на круг, высматривая лосося. Мешала подступающая темнота, но зоркий взгляд все-таки выцепил искомое: стайку из трех беззаботных рыбешек. Орлан усмехнулся про себя. Нацелился… Его тень накрыла воду. Миг! Хищник камнем упал вниз, и в следующую секунду ощутил в когтях живое, трепещущее. Две оставшиеся счастливицы прыснули в стороны, отчаянно работая хвостовыми плавниками.

«Еда. Вкусная», – пришла следующая мысль.

Еще несколько взмахов крыльями – и вот он, камень. На него можно сесть и спокойно поужинать. Главное – не выпустить трофей раньше времени.

«Еда. Вкусная», – пришла следующая мысль.

Еще несколько взмахов крыльями – и вот он, камень. На него можно сесть и спокойно поужинать. Главное – не выпустить трофей раньше времени.

Снизившись и почувствовав твердую опору под ногами, орлан испустил удовлетворенный клик, и принялся жадно клевать добычу.

Когда с лососем было покончено, орлан понял, что не нуждается в дальнейшем отдыхе. Вновь развернулись выносливые крылья, поднимая хозяина. Здравствуй, ветер!

Мой остров не виден на горизонте, потому что уже темно. Но я знаю: он там.

Здравствуй, Рока-Алада.

Длинная ночь в светлом лесу прошла. Все спали без сновидений, и на новом месте чувствовали себя не хуже, чем в интернате.

Дом присматривался. Кто первым проснется, выйдет наружу? Какой он, новый человек? От этого будут зависеть его, Дома, отношения с людьми.

Первым открыл глаза Виталик. Спросонья ему показалось, что он в своей спальне, и он хотел уже, как обычно, гаркнуть посильнее, чтобы разбудить клопов – Олежку с Ванькой.

Но рядом спал отец, а с другого боку – Женек. И, увидев их, Виталик все вспомнил.

Нащупав молнию спального мешка, он расстегнул ее и сел. Почему-то показалось, что с вечера они укладывались вплотную друг к другу, а сейчас между мешками можно было легко поставить ногу. Виталик осмотрелся. Все еще дрыхли. В окно бил широкий солнечный луч, в нем бултыхались пылинки. Виталик вылез из мешка и осторожно, стараясь ни на кого не наступить, направился к выходу. На улице было довольно зябко. Выходило, что внутри гораздо теплее – даже удивительно, ведь ни дверь, ни окна дома не закрывались.

Но чудесный дом имел и свои минусы: в нем не было ни ванной, ни туалета. Пришлось углубиться в кусты. А чтобы умыться, наверное, надо идти к озеру.

Виталик так и сделал. Он дошел до ворот, ноги промокли от росы, потом вчерашней тропинкой легко добрался до озера. Издалека увидел белых лебедей, которые гонялись друг за другом в прозрачной воде, пытаясь ухватить клювом за хвост, – играли. Виталик остановился посмотреть.

В груди кольнуло. «Птицы, – подумал Виталик. – Они свободны, им хорошо»… Но он тут же отогнал эти мысли. Он ведь пришел умываться! К тому же надо было побыстрее вернуться, чтоб о нем не начали беспокоиться.

Виталик подошел к воде. Лебеди не обращали внимания на чужака: очевидно, считали себя полноправными хозяевами озера.

Виталик скинул футболку, зачерпнул в горсть холодной воды. Фыркая, умыл лицо и шею. Вытереться было нечем, поэтому он слегка пробежался вдоль берега, надеясь, что так быстрее высохнет.

Когда он остановился, чтобы надеть футболку, лебедей на воде уже не было, – а он и не

заметил, как они улетели. Пожав плечами, Виталик поспешил назад к дому.

У ворот его встретила Ирина Андреевна. Она была не в платье, как вчера вечером, а в спортивном костюме. Виталику показалось, что директор немного не такая, как обычно. Скоро он понял, почему: она выглядела отдохнувшей, над переносицей не было обычной складки. От этого директор казалась моложе.

– Привет, Виталик! – задорно сказала она.

– Привет… в смысле, доброе утро, Ирина Андреевна.

– У озера был, – утвердительно произнесла та.

– Да, я подумал, что… Вы вчера сказали, что на берегу безопасно.

– Молодец, что не забываешь об этом, – кивнула директор и деловито осведомилась: – Кого там видел?

– Только птиц, – пожал плечами Виталик.

– Птиц, – задумчиво повторила Ирина Андреевна. – Отлично. А знаешь, чем птица отличается от человека?

Виталик молчал. Ему казалось, что знает. Но это были его личные мысли. Он боялся открыть их кому-либо.

– Ты ведь думал об этом, правда? – не отставала Ирина Андреевна. – Что есть у птиц?

– Свобода, – нехотя ответил Виталик.

– Свобода? – переспросила директор. – Да, пожалуй. В небе. В полете. Но члены стаи связаны друг с другом. Понимаешь? Это не только свобода. Это еще дисциплина и обязанности.

Виталик молчал и во все глаза смотрел на директора. К чему это она?

– Мы начнем заниматься с тобой прямо сейчас, и будем делать это каждое утро и каждый вечер. Ты готов летать?

– Да! – чуть не закричал Виталик.

Он заставлял себя не думать о полетах, а тут!

– Только одно условие. Ты слушаешь меня и подчиняешься во всем. Сможешь?

– Конечно, Ирина Андреевна, – все больше удивляясь, ответил Виталик.

– Смотри на меня и повторяй.

Директор чуть отошла от ворот, и они с Виталиком очутились друг напротив друга. Юноша с удивлением заметил, что она почти не хромает.

– Руки в стороны. Так. Ладонями вниз. Разведи пальцы. Почувствуй воздух.

Тем временем интернат – нет, Дом, – пробуждался. Выпорхнули на улицу Леся и Никитка,

Topreading.ru

умылись росой, как будто всю свою недолгую жизнь только так и поступали, полезли на деревья с низкими сучьями. Уцепившись ногами, Никитка повис вниз головой, изображая руками большие уши и показывая язык. Леся раскачивалась на упругой ветке и болтала ногами.

Из Дома в поисках Леси вышла Даша, а за ней – дядя Коля. Увидев, что вытворяют малыши, Даша пришла в ужас и хотела немедленно броситься к дереву, но привратник удержал ее.

– Погоди. С ними ничего не будет, беспокоиться не надо.

– Да как же… – взволнованно начала Даша.

– Это лес. Он их признал. Они теперь его дети, он будет их охранять. И он их изменит.

– Изменит?

– Да, – вздохнул дядя Коля. – Живя здесь, мы все будем становиться немного другими. Мы постепенно, а малыши – сразу.

– Но… это не опасно? – Даша зябко закуталась в шаль.

– Это не опасно, – подтвердил дядя Коля.

«Но это не совсем по-человечески», – подумал он про себя и принялся подыскивать место для костра.

Кроме того, надо было придумать, на чем сидеть. Со временем, возможно, дом согласится построить очаг, но пока огонь они будут разводить только на улице. А возможен и другой вариант: огонь перестанет быть для них необходимостью. Восторжествует ли Лес, победят ли они или найдут с Лесом компромисс – неизвестно. Возможно, через месяц-другой малыши будут щеголять в меховых шкурках, и их невозможно станет отличить от здешних духов. А может быть, в доме появятся кровати, кресла и даже часы. Но это только в том случае, если кто-то из детей почувствует себя техно.

В доме стоял шум. Просыпались дети, выходили взрослые. Кто-то шел собирать хворост, кто-то отправился за водой. Маша вывела мелюзгу в кустики, тетя Лена и Даша занялись завтраком.

Из глубины, из чащи, доносились слабые звуки. Дядя Коля поднял голову: так и есть, куковала кукушка.

Улыбка озарила лицо привратника. Кажется, слух начинал понемногу возвращаться.

В незнакомом месте…

Столь высоких домов на Светлоярске никогда не было.

Этаж лепится к этажу как ячейки сот друг к другу. И люди, обитающие в таком жилище, похожи на беспокойных пчел или муравьев, снующих туда-сюда в поисках смысла. Или – счастья.

В одной из квартир на десятом этаже открыто окно. Человек в черном стоит к окну спиной, скрестив руки на груди. Он думает. О чем? Вряд ли о чем-то приятном. Иначе на его лице не было бы столь презрительного выражения.

Topreading.ru

Он ждет.

Острый слух улавливает шорох крыльев: в окно пикирует летучая мышь и садится на подоконник.

– Долго же ты! – не оборачиваясь, говорит человек. – Узнал что-нибудь?

Мышь отвечает длинным протяжным свистом – тонким, на грани слышимости.

Хозяин квартиры не оборачивается, его брови скептически сведены к переносице:

– Неужели произошло нечто в самом деле выдающееся?

Мышь утвердительно пищит и докладывает подробности.

– Девчонка и мальчишка, вот как?

Вновь свист – на этот раз громкий и ликующий.

– Чему же ты радуешься, болван! – недоуменно пожимает плечами человек. – Два человечка залезли туда, куда их не просили… Что значит: не совсем человек? А кто же?

Мышь прыгает по подоконнику, словно какой-нибудь попугай. Машет крыльями и увлеченно пищит.

– Умер, но не умер… Как интересно, – медленно произносит человек и только теперь оборачивается. – А ты, я смотрю, просто в восторге от происшествия? Развлекся?

Мышь несколько раз кивает.

– Что ж, – медленно произносит хозяин квартиры. – Это может быть действительно любопытно. Если только старик не испортит все своим вмешательством.

Мышь попеременно пищит и трясет головой, продолжая так же резво скакать по подоконнику.

– Прекрати мельтешить, – хмурится человек. – Это хорошо, что не вмешивается. Помощь? Ха! Знаю я его помощь. Он любит предоставлять своим ходокам самостоятельность. Носится со своим Правилом четырех. Считает, что они сами должны перешагнуть Ступень… Идиот.

Он фыркнул и принялся медленно расхаживать по комнате, бормоча:

– До Ступени надо довести. Направить. Подсказать. Люди слабы, ленивы, глупы. И не умеют принимать решения.

Мышь разразился трелью.

– …И безответственны, согласен. Но зато они, как правило, любопытны и неосторожны, а это признак существа, ищущего на свою голову приключения. – Хозяин квартиры впервые улыбнулся. Но улыбка вышла недоброй, скорее, равнодушной. – А я люблю наблюдать, как человеческие букашки влипают в приключения. Это может быть забавно. И что там у них по плану, Эдгар?

Мышь разразился трелью.

Topreading.ru

– …И безответственны, согласен. Но зато они, как правило, любопытны и неосторожны, а это признак существа, ищущего на свою голову приключения. – Хозяин квартиры впервые улыбнулся. Но улыбка вышла недоброй, скорее, равнодушной. – А я люблю наблюдать, как человеческие букашки влипают в приключения. Это может быть забавно. И что там у них по плану, Эдгар?

Он впервые назвал собеседника по имени. Это означало, что настроение его заметно улучшилось.

Эдгар довольно пискнул.

– Центральный остров? Девчонка собралась на Центральный остров? Нашла вход?

Человек разочарованно развел руками:

– Да она захлебнется в тоннеле. Я так и знал. Ничего нового. Обычная глупость.

Мышь пискнул было, но хозяин квартиры нетерпеливо отмахнулся:

– Разочаровал ты меня, Эдгар. Поди прочь, видеть тебя больше не хочу.

Он зевнул и отвернулся, всем своим видом демонстрируя скуку.

Эдгар обиженно завозился, пыхтя и протестующе шевеля кисточками ушей. Но, убедившись, что разговаривать с ним больше не желают, вспорхнул и вылетел в окно.

Как только крылатый посетитель удалился, лицо человека в черном вновь озарила улыбка, на этот раз коварная.

– А может, и не захлебнется. Если вдруг она – настоящая техно. Чем дракон не шутит… Эх, и повеселимся тогда! Утрем нос старику.

С этими мыслями он направился в спальню, чтоб наконец-то вздремнуть.

Но не тут-то было. Пришло еще одно сообщение со Светлоярска.

Аня

Проснулась я от того, что меня колотило.

Во сне я видела черного человека и летучую мышь, похожую на Эдгара. Но человек был явно не Тимом, хотя лица его я не разглядела. О чем они говорили, мне не запомнилось, но осталось тревожное ощущение.

В горле как будто сидел еж, может даже, не один, на веках словно лежали чугунные гирьки. Я не сразу поняла, что воды в тоннеле почти не осталось, зато что-то шумело: наверное, тут были какие-то насосы. Что же они не включились раньше – там, за стеной!

Ноги были словно деревянные, спина тоже затекла. Я с трудом отделилась от стены и, попытавшись шагнуть, упала, чудом не ударившись о рельсы. Пришлось растирать ноги. Только после этого я смогла кое-как подняться и идти дальше.

Весь мой дальнейший путь был похож на сон. Я шла, меня шатало, я хваталась за стену, садилась на пол, отдыхала, шла дальше. Мне смертельно хотелось пить. Вчера удалось только

Topreading.ru

наглотаться соленой воды, но этим жажду не утолишь, скорее наоборот. Сначала было страшно холодно, потом стало ужасно жарко. Тянуло лечь и полежать. Но я не хотела лежать, а тем более спать, в этом тоннеле. Сколько еще времени мне придется провести здесь? Надо быстрее на воздух, быстрее вперед! Сейчас я уже не думала о том, кого встречу, найду ли брата. Просто хотелось на воздух.

И на свет.

Медальон на шее словно стал тяжелее, я не включала его больше. Кажется, вчера было слишком много музыки.

Перегородок на пути мне больше не попалось. Трубы, если и были, в темноте увидеть я не могла. Тоннель был прямым, ровным, темным, совершенно одинаковым, и я шла, и шла, и шла.

Долгий-долгий, бесконечный путь вперед. И впереди не мелькнет даже тоненького лучика света.

Я отчего-то вспомнила, как бежала с завязанными глазами к козлу на физкультуре. Тогда мне было легко: кругом все было родное, пол, хоженый много раз, доска, на которую мы регулярно наступали, козел этот… А тут все незнакомое, и я совсем не чувствовала, что впереди и когда кончится тоннель.

Вспомнился орлан, который заставлял нас бегать. Сергей считает, что полицейский на нашей стороне. Его действительно не было среди тех, которые за мной гнались. Но куда в таком случае он делся?

Наконец я не выдержала, опустилась прямо на пол и свернулась калачиком. Если не посплю хотя бы полчаса, не смогу сделать больше ни шага.

Сколько времени прошло, неизвестно, но когда я проснулась, мне было еще хуже, чем раньше. Теперь я хорошо ощущала, что заболела. Я кое-как села, прислонившись спиной к стене. Обычно, когда мы болеем, нам дают много пить. А тут пить нечего, до морской воды и то не добраться.

Я пыталась сообразить, есть ли смысл оставаться тут в надежде, что отдохну, и мне станет легче. Но от чего станет? Вот ведь уже и поспала, а чувствую себя так, как будто таскала тяжелые мешки. Значит, сидение на месте ничего не даст, надо двигаться. Медленно, как смогу, но только не оставаться тут.

Цепляясь за стену, я еле-еле встала и, все так же держась за нее, побрела дальше.

Шаг, шаг, шаг. Я иду. Я все еще жива. Удивительно.

Когда не было больше сил идти, я привалилась к стене. Садиться, а тем более ложиться, не хотелось так сильно, как будто от этого зависела моя жизнь. А может, и зависела, кто знает? Вдруг лягу и больше не поднимусь?

Наверное, я задремала. А когда, наконец, очнулась, долго не могла сообразить, где нахожусь. Наконец поняла и заплакала. Опять этот тоннель! Наверное, он никогда не кончится. И никто меня здесь не найдет. Никто даже не узнает, что я здесь была.

Я шла уже просто так. Не думая. Ничего не понимая. В какой-то момент мне стало казаться, что шумит в ушах. Я не обращала на это внимания: шумит и шумит. Что тут странного: у меня

же температура. Вообще удивительно, как я еще что-то могу.

Наконец шум стал настолько сильным, что я смогла понять: это вовсе не внутри меня, а где-то снаружи.

Справа.

Только сейчас я обратила внимание, что уже и не так темно: я видела стены, пол, высокий потолок и рельсы впереди – довольно далеко, выхода там не предвиделось.

Но зато я обнаружила источник света. Свет действительно падал откуда-то сбоку, я заспешила вперед и вскоре повернула.

Как же тут светло! Я зажмурилась. Свет резко бил по глазам. Я прикрыла их рукой, подождала, пока чуть-чуть привыкнут, и сделала между пальцев малюсенькую щелочку.

Передо мной, в двух шагах, был выход. Дверь, забранная решеткой. А за ней – песок и шумело, конечно же, море.

Я прошла эти два шага. Опустилась на корточки у решетки, вцепилась в нее руками и привалилась лбом. Закрыла глаза.

Наверное, она заперта. Наверное, чтобы открыть ее, предстоит еще потрудиться. Может быть, запустить медальон или спеть тридцать раз подряд Имперский марш.

Это все ерунда.

Я смогу. Я ведь уже смогла. Я дошла.

Я сидела долго. Очень долго. Не хотелось двигаться. Мне хватало того, что впереди – свобода. Я слышала море, видела песок, и мне было этого достаточно.

Но, в конце концов, жажда заставила меня шевелиться. Для начала я покрутила пружинку.

Медальон не работал.

Хорошо, что я не знала этого раньше, не пыталась запустить на длинном участке пути. Если бы я знала, что он сломался, я бы, наверное, не дошла.

Я попыталась спеть «Шутку» сама. Это довольно сложно, ведь она очень быстрая. При этом я трясла решетку.

И, уж не знаю, что помогло, – мое пение или мои усилия, но ржавая решетка в конце концов вылетела наружу, на песок, и я рухнула вместе с ней.

Тут же встала и бросилась по песку вперед. Сделав шагов десять, я окончательно лишилась сил и упала. Последнее, что я помню: ощущение мягкого песка под щекой.

Силуэт острова Рока-Алада чернел на фоне встающего над водой солнечного диска.

– Я дома, – сказал Антон.

Осталась сущая ерунда, но последние метры всегда самые долгие. Глаз уже отчетливо различал скалы, узкие фьорды и мощные, развесистые деревья. Еще несколько пустых,

Topreading.ru

молчаливых минут – и вот она, земля. Крылом подать.

Орлан не стал сразу садиться, хотя очень хотелось, а пустился вдоль высокой береговой кромки, отыскивая деревья своей стаи.

Дерево-исполин, на котором когда-то свили гнездо его предки, стояло у самого обрыва. Сверху гнезда всегда кажутся маленькими – будто только и назначения у них, что оберегать кладку. В действительности же в гнезде может скрыться с головой даже человек, стоящий в полный рост.

Орлан опустился на край родительского гнезда. Оно пустовало, конечно. Ждало момента, когда он приведет сюда свою подругу. Но случится ли это когда-нибудь? Маловероятно.

Последний взмах – и он снижается. Под ногами – мягкое дно, устланное листьями, слежавшимся пухом и мхом. Теперь – спать.

Но сон пришел не сразу.

Может, так подействовала обстановка гнезда, ощущение близкого дома, но орлан думал не о последних событиях, а о будущем. О призрачном шансе создать семью.

Пара, гнездо, семья, кладка, дети… Для птиц это так же естественно, как для любых других животных в природе. Но оборотни – не просто птицы. Не только. У них слишком много человеческих ограничений.

Прикрыв глаза, орлан вспоминал свою черноголовую птицу. Ее серые, с белыми полосками, крылья на ветру. Если он и любил кого-то, то только ее. Он сам научил ее летать. Какой упорной она была, какой бесстрашной! Никогда не отставала, не просила отдыха. Они кидались со скалы вместе, одновременно, воздух обволакивал тело, перья хвоста ловили малейшие колебания.

Он был совсем юношей, она – чуть старше, но тоже очень молодой. Он никогда не говорил этого, но втайне восхищался ею. И даже когда в войне с техно она выбрала другую сторону, он простил. В какой-то момент даже готов был бросить все, нарушить договор, нарушить единство, оставить своих и сбежать. Не участвовать в противостоянии. Лишь бы вместе с ней.

Он почти решился – не смогла она. Не ушла от сестры и племянницы, от других техно. Ее ранили в первом же бою, но орлану удалось спасти ее и спрятать. Он надеялся, что, когда все закончится, они смогут создать пару – хромота подруги не имела для него никакого значения. Но когда техно разбили… она осталась воспитывать их детей. Как ни странно – и он тоже. Но находясь по другую сторону баррикад.

Так пролетело одиннадцать лет. Могло ли сложиться по-другому?

С этими сомнениями Антон уснул.

Глава шестнадцатая,

в которой начинается совсем другая жизнь

Аня

Потолок был белым.

Лежать было мягко и удобно, двигаться совсем не хотелось. Только в правой руке, у самой локтевой ямки, что-то покалывало. Я попыталась поднять руку, но сил не было совсем.

Я повернула голову. В моей руке торчала какая-то штука. Длинная прозрачная трубка вела из этой штуки высоко наверх, к перевернутой банке с водой, а банка была закреплена на верхушке какой-то вешалки. И вода по трубке капала прямо мне в руку. Что это такое?! Зачем?

Я хотела шевельнуть рукой, но, видимо, потратила слишком много усилий и снова уснула.

Сквозь сон я слышала, как приходили и уходили люди, что-то вполголоса обсуждали, но я не разбирала слов. Со мной что-то делали: цепляли на грудь проводочки, потом убирали. Кажется, меня еще кололи иголками.

Когда я окончательно пришла в себя, то в первый момент показалось: я снова в «Зеленом углу». Но нет. Для интерната тут было слишком тихо.

Стоял солнечный день. И хотя окно было завешено, сквозь неплотную, сделанную из палочек занавеску пробивались лучи света.

Я почувствовала в себе достаточно сил, чтобы сесть и осмотреться. В руке, к счастью, уже ничего не торчало, но на том месте был прилеплен пластырь.

И все-таки что-то со мной было не так. Через пару секунд я поняла: легко дышалось. Прошел мой постоянный насморк! Я настолько привыкла к нему, что давно перестала обращать внимание. Заметила только сейчас, когда он исчез.

Комната, где я очутилась, мне очень нравилась. Маленькая и уютная, с одной кроватью, на которой я и сидела. Столик. Стул. Шкафчик в углу. Рядом с ним – та самая странная вешалка, но уже без банки. Все кругом одного цвета, белого, с двумя полосками, розовой и желтой: постельное белье, стол, коврик на полу, на нем хорошенькие шлепанцы. И такие же две полоски на белой стене, как раз на уровне моих глаз. На двери было стекло с нарисованными на нем красивыми розовыми цветами, а над дверью висела какая-то коробка – я не знала, зачем она, но сразу поняла, что внутри механизм. На мне была чистая ночная рубашка, тоже белая, с двумя полосками на груди.

Как же я сюда попала? Я ведь вышла из тоннеля… а потом, наверное, потеряла сознание. Должно быть, кто-то нашел меня на берегу и принес сюда. И что тут такое, интересно? И давно ли я здесь?

Я тронула себя за шею. Медальона не было.

С беспокойством оглядевшись, я обнаружила его на тумбочке позади кровати и поскорее надела. Нельзя, чтобы медальон случайно потерялся, даже если он не работает.

В этот момент дверь распахнулась, и вошла очень красивая девушка с длинными светлыми волосами. Она была одета в белую блузку и брюки все с теми же розовой и желтой полосками. Девушка приветливо улыбалась… Но я почему-то почувствовала беспокойство. Она вошла – и мне сразу стало неуютно, хотя никаких причин для этого вроде бы не было.

– Добрый день. Ты проснулась, результат положительный. Сейчас снимем твои параметры. Меня зовут искин Инга, приветствую тебя в благотворительной клинике «Детство с

Topreading.ru

комфортом».

Как она странно говорит… Я почти ничего не поняла. А «искин» – это что-то знакомое, про них, кажется, рассказывал Сергей.

Девушка подошла и коснулась моего лба рукой.

– Тридцать шесть и девять, температура допустимая, – ровным голосом произнесла она.

Почему-то эта Инга нравилась мне все меньше и меньше. И как это она так точно измеряет температуру? После этого девушка положила ладонь мне на лоб, на грудь, где сердце, взяла за руку, внимательно посмотрела в глаза. При этом она без перерыва называла какие-то цифры. Это она мне говорит или себе? Чтобы лучше запомнить? Откуда она их берет? Если это какие-то мои показатели, то как она их получает? Наконец Инга оставила меня в покое, подошла к окну и потянула за веревочку, поднимая кверху занавеску.

А за окном…

Я ахнула. Дом, куда я попала, стоял на возвышенности. Вдалеке я увидела множество – целый город – высоких башен. Они лепились плотно друг к другу, такие необычные – некоторые круглые, некоторые прямоугольные. И я почему-то поняла, что в них живут люди, очень много людей. Потому что в этих башнях было очень много этажей.

– Что это? – спросила я, указывая в сторону башен.

– Центральный-сити, – ответила девушка. – Офисный модуль.

Я решила не задавать больше вопросов. Наверное, проще будет разобраться самой, когда выйду отсюда.

– Я должна зарегистрировать твои параметры. Назови свое имя, фамилию и возраст.

Я уже открыла было рот, чтобы ответить, но тут девушка на секунду застыла, а потом вдруг очнулась и сказала:

– Срочный вызов. Сеанс общения прерван. Я вернусь через тысяча двести восемь секунд.

С этими словами она ушла.

С ума сойти! Она вернется «через тысяча двести восемь секунд»! Почему не через тысяча двести семь, интересно? Не через тысяча двести одиннадцать? Они что тут, все такие стукнутые?

Я откинула одеяло, сунула ноги в шлепанцы и, встав с постели, подошла к окну.

Мы были на первом этаже. Прямо за окном расстилался парк, немного похожий на наш, перед Летним театром, только гораздо аккуратнее. Ровные дорожки, чистые скамейки с прямыми спинками, пестрые клумбы. Под самым окном рос куст шиповника с нежными желтыми цветами. Я перегнулась через подоконник и протянула руку к ветке, чтобы понюхать. Шипов почему-то не оказалось, а цветок был очень-очень красивый, с ровными одинаковыми лепестками, очень мягкими на ощупь.

Вот только он не пах. Совсем.

«Странный шиповник у них», – подумала я, рассматривая парк. По дорожкам туда-сюда сновали юноши и девушки в такой же, как у Инги, одежде. Форма, что ли? Видимо, да. Кое-где прогуливались дети, некоторых возили в креслах на колесиках.

Дети были как дети, нормальные. А вот в этих, в форме, было что-то… неестественное. Во-первых, все они слишком красивые. У нас одна Ирина Андреевна такая, да и то не совсем, потому что у нее нога. А из мужчин разве что Виталик. А эти все как с картинок. Из комиксов. Что же значит это слово – «искины»?

У меня в голове что-то включилось.

Искины. Комиксы. Роботы.

Роботы. Это роботы! ИскИн – «искусственный интеллект!»

Отвалившись от окна, я сползала по стене на пол. Мамочки… Мамочки… Гоблин! Гоблин! Дохлый гоблин!

Я оказалась среди роботов!

И эта Инга… Она же сейчас вернется! Это же они… Это же из-за них погибли техно! А я ей чуть все не выложила – и как меня зовут, и вообще. Да бежать отсюда надо! Вот только в чем – в ночной рубашке?

Но тут вновь открылась дверь. Вошла не Инга, а другая девушка, тоже красавица, но с темными кудрявыми волосами. Она катила перед собой тележку.

– Обед! – объявила она. – Добрый день, меня зовут искин Илона.

Она начала расставлять на столике тарелки. Их что тут, всех зовут на букву «И»? Может, наша Ирина Андреевна тоже – того… Она ведь красивая.

Я тут же замотала головой, избавляясь от дурацких мыслей. Надо же было до такого додуматься! Нет, отсюда точно нужно делать ноги, пока я тут с ума не сошла. Но вот поесть перед дорогой – хорошо бы. А то неизвестно, когда придется в следующий раз…

– Приятного аппетита! – пожелала мне кудрявая девушка и ушла.

Я уселась за стол и поскорее принялась за еду. Из чего был суп, я не поняла, но очень вкусный. Ну что ж, и от роботов есть польза. Хлеб мне тоже понравился – белый и мягкий, явно сегодняшней выпечки. Названия еды, которая предлагалась на второе, я не знала. Она тоже пошла на «ура». А в чашке был оранжевый напиток, напоминающий апельсиновый сок, но только слишком сладкий и без запаха. Все тут у них без запаха, как так можно!

Съев все до крошки и выпив до капли, я подумала и подошла к шкафу. Открыла дверцы.

О счастье, внутри на плечиках висели мои футболка и шорты, постиранные и поглаженные. И даже булавка с остатками ниток в полной сохранности лежала в кармане. Вот только обуви не было. Скорее всего, ботинки развалились, и их просто выбросили. Ну ничего, обойдусь шлепанцами. Сегодня вроде тепло.

Быстренько переодевшись, я подошла к двери и осторожно приоткрыла. Потом высунула голову. В коридоре, к счастью, стены были не бело-розово-желтые, а приятного цвета кофе с

молоком. Прямо перед дверью никого не было. А вот в дальнем конце коридора я увидела Ингу, и рядом с ней…

Быстренько переодевшись, я подошла к двери и осторожно приоткрыла. Потом высунула голову. В коридоре, к счастью, стены были не бело-розово-желтые, а приятного цвета кофе с молоком. Прямо перед дверью никого не было. А вот в дальнем конце коридора я увидела Ингу, и рядом с ней…

Нет, конечно, не орлан. Это мне показалось с перепугу. Но на человеке была форма, очень похожая на полицейскую. Может, это и есть полицейский, но местный. Наверняка! И по чью же душу он сюда явился? Нетрудно догадаться.

Но он просчитался. Техноведьмы не сидят и не дожидаются, пока их сцапают полицейские.

Аккуратно прикрыв дверь, я бросилась к окну и в два счета перемахнула через подоконник, едва не приземлившись на бесколючечный куст шиповника. Вроде чувствую себя нормально, не голодная и настроение приподнятое. А значит, делать мне тут больше нечего.

Держась поближе к кустам, чтобы не бросаться в глаза искинам в полосочку, я побежала по тропинке, отыскивая выход из парка.

Ну здравствуй, Центральный!

Ветер напал на меня со всех сторон, стоило только выйти из парка.

У нас на Светлоярске тоже бывает ветер, вокруг ведь море. Но такой…

Холодный, пронизывающий, словно железный. Впору надевать зимнюю куртку, а не футболку с шортами.

Но хуже было другое. Во-первых, ветром принесло целую тучу запахов, обрушившихся на меня, подобно вражескому войску. А против него выступил один-единственный солдат: техноведьма. Запахи, я поняла это через некоторое время, исходили в основном от механизмов, которых здесь было неимоверное множество. Я заметила их не сразу, потому что обзор закрывали люди. Но очень скоро разглядела огромное количество мчащихся машин – совсем не таких, как наша, интернатская. То, что это именно машины с людьми, я, скорее, угадала. И сразу поняла: здешние островитяне живут совершенно иначе, чем мы.

Во-вторых, город оглушил меня звуками: гудками, скрипом, голосами множества людей. Длинная широкая улица уходила вдаль, за пределы моего видения. Люди, снующие взад-вперед, как мне показалось сначала, были какие-то одинаковые. Смотрели прямо перед собой, не здоровались и очень спешили. От них тоже исходило… это был даже не запах, нет. Ощущение. Ощущение огромного количества техники.

Стоя посреди улицы – совершенно ошалевшая, не в силах шевельнуться, – я могла только хлопать глазами, разглядывая все вокруг. Люди огибали меня и неслись своей дорогой. Смотреть на них было совершенно не интересно – они казались неживыми. Меня привлекло другое: огромные башни впереди. Те, что я видела из окна. Трудно сказать, с чем их можно было бы сравнить: с гигантскими трубами? Пожалуй.

Пока я разглядывала разноцветные «трубы», мне стало казаться, что со мной что-то происходит. Остров Центральный влиял на меня, это точно. Я чувствовала себя непривычно –

да что там, даже думать начала как-то иначе, как будто внутри меня уже не Аня Пчелкина, а совсем другое, неизвестное существо – техноведьма.

Медленно отвернувшись от башен, я зашагала по улице, пытаясь не отставать от потока людей. Ветер в толпе почти не ощущался, я даже начала согреваться.

Куда иду – не знаю. Но приду же куда-нибудь. Спрашивать, где нахожусь, я не стала. Что мне это даст? Я ведь ничего и никого здесь не знаю, только зря внимание привлеку. Я сжала медальон в кулаке, надеясь на удачу.

Наконец толпа вынесла меня к прозрачным дверям какого-то дома. Поскольку туда заходили все, зашла и я. А вот дальше…

Все проходили между столбиками, чтобы попасть на лестницу, ступени которой сами уезжали вверх. Засмотревшись на эти ступени, я не обратила внимания, что люди, подходя к столбикам, в которых светились то красные, то зеленые огни, прикладывают к ним карточки. Поток двигался очень быстро. Передо мной цокала каблуками высокая женщина. Она прошла. А вот я…

Между столбиками оказались прозрачные дверцы. Я не подозревала об их существовании, потому что они все время были распахнуты, – так быстро двигались люди. Но стоило мне сделать два шага вперед – дверцы внезапно откуда-то возникли и стали закрываться, норовя сдавить меня с двух сторон!

От неожиданности я вскрикнула и схватилась за столбики руками. Дверцы вновь распахнулись. Сзади что-то возмущенно говорили, но я успела только увидеть, как ко мне приближается человек в форме, похожий на орлана. Не помня себя, я кинулась к лестнице и вспрыгнула на нее, затем помчалась вверх через две ступеньки, едва не теряя шлепанцы. Страх гнал меня вверх, я схватилась за перила, помогая себе, но тут лестница внезапно остановилась. Впрочем, мне-то было все равно, я и так передвигалась бегом. А вот стоящие рядом люди были очень недовольны, что им пришлось идти своими ногами.

Я влетела на верхнюю площадку, и меня вновь резко обдало ветром. Оказалось, я снова на улице, только высоко. По обе стороны простирались рельсы – теперь я их сразу узнала. А под нами лежал город, казавшийся отсюда не таким уж страшным. Я оглянулась. Никто не преследовал меня. Люди один за другим поднимались сюда. А далеко у подножия лестницы суетился так напугавший меня человек в форме, к нему присоединились еще двое. Их интересовало лишь то, что перестал работать механизм. Тут кругом механизмы, поняла я. Тут ими просто все кишмя кишит. Как же здесь люди живут? О, дохлый гоблин!

Я сообразила, что сама остановила работу лестницы – не знаю как. Возможно, со страху. Ну чего было пугаться, глупая Анька? Только напортила. Я внимательнее пригляделась к неподвижным ступеням. Наверное, я могла бы запустить их снова, ведь звуки, которые издавал механизм, совсем несложные, всего лишь приглушенный рокот. Я уже протянула руку к застывшим перилам… Но тут позади раздался гудок.

Я резко обернулась, увидела знакомого страшного червяка… но в следующую минуту уже сообразила, что это и есть поезд, который ходит по рельсам. А внутри действительно сидят люди. Больше того, внутрь могу сесть и я!

Сознание того, что я сейчас поеду на поезде, наполнило меня чем-то таким, чем, наверное, наполняют воздушный шарик, который может взлететь в небо. Невозможно было выразить словами мой восторг и удивление. Поезд все приближался, становясь большим, громким и

разноцветным. Я невольно протянула к нему руку…

– Девочка, девочка, отойди подальше, ты что! Нельзя стоять на краю платформы!

Та самая женщина на каблуках взяла меня за руку и потянула в сторону. В ту же минуту поезд совсем приблизился, и стало видно, что он состоит из нескольких частей, сцепленных друг с другом. «Вагоны», – пришло подходящее слово. Не знаю откуда, возможно, из какой-то книжки. Людей внутри было немного, зато много скопилось здесь, снаружи. Как только поезд остановился и двери с шипением раскрылись, поток людей внес меня внутрь вагона и прижал к скамейке между уже знакомой женщиной на каблуках и старушкой с огромной сумкой. Пришлось сесть – не было выбора. «И как можно ходить в такой легкой маечке», – пробормотала старушка, качая головой. Люди все прибывали, и постепенно вагон заполнился до отказа.

– Следующая остановка «Улица Касперского», – произнес поезд механическим голосом и тронулся.

А я осталась сидеть, вжавшись в спинку.

Это было… замечательно. Ты сидишь, а тебя везут. Совсем не так, как в машинке. А все эти люди вокруг, наверное, катаются вот так каждый день! Какие они счастливые…

Поезд несся над городом, а я постепенно приходила в себя. Все же хорошо, и ничего не случилось. Слишком много событий сразу, очень непривычная обстановка, чужие люди, обилие техники, звуков и запахов – конечно, тут можно растеряться. Но ведь никто за мной не гонится. Никто не мешает спокойно ехать в удивительном поезде.

…А лестницу, надеюсь, они и сами как-нибудь починят. В следующий раз буду смотреть, куда иду.

Мимо проплывали в основном те же высокие дома. Многие блестели окнами на солнце, как будто были сделаны из зеркал. А может, так оно и было. Сколько же нужно времени, чтобы добраться домой жителям верхних этажей?! А может, сообразила я, внутри есть какие-то подъемные механизмы? Или, например, такие движущиеся лестницы?

Наконец я почувствовала, что движение замедляется.

– Улица Касперского, – объявил поезд, остановившись.

И двери раскрылись. Часть людей очень быстро просочилась наружу. Может, и мне стоит выйти? Но я совершенно не знаю, где я и что там. Я осталась на месте.

Как только зашли новые пассажиры, отчего в вагоне стало даже теснее, чем было, поезд сообщил, что следующая станция «Торговый центр «Мультитран», и двинулся дальше. Название не говорило мне ни о чем, и я решила, что буду ехать до тех пор, пока не услышу хоть одно знакомое слово.

Сбоку раздалась неизвестная, очень красивая мелодия. Пока я вертела головой, пытаясь обнаружить ее источник, старушка, сидящая рядом со мной, достала из сумки какую-то плоскую штуку – оказывается, звуки издавала именно она, – приложила к уху и произнесла:

– Слушаю, доченька!

Я очень быстро поняла, что это что-то вроде рации, какой пользуется охрана мэра или моряки на пароме. Вот бы и мне где-нибудь добыть такую рацию, чтобы можно было общаться с теми, кто далеко!

И тут же пришли грустные мысли. Где теперь все наши, куда они делись, как будут жить? Вряд ли в интернат можно вернуться, он совсем сгорел. В один день – потоп и пожар. Вот как бывает…

Но я уже понимала: внутри никого не было, все дружно ушли оттуда еще до пожара. Если бы я не была так ошарашена, когда увидела огонь, то догадалась бы сразу. Но куда все ушли, зачем? Если искать меня, то дома должен был хоть кто-то остаться! Скорее всего, была еще какая-то причина. Но с острова они все равно не уйдут – без меня не уйдут. И когда я вернусь, я обязательно всех найду, так что за это переживать нечего. А что сгорели все вещи, не страшно, как-нибудь переживем.

Но что действительно ужасно – игра. Механизм. Он наверняка испорчен огнем. Даже если металлические части чудом сохранились, то картонные пазлы уж точно нет.

С этими грустными рассуждениями я проехала «Торговый центр «Мультитран» и следующую станцию, даже не услышав названия. Очнулась только, когда механический голос произнес: «Образовательный модуль. Библиотека».

Я подскочила: не знаю, что означает первое, но уж библиотеку пропускать никак нельзя, особенно в городе, где так много непонятного.

Вновь сжав рукой медальон, я поспешила к выходу.

Чтобы спуститься с верхней площадки по движущейся лестнице, никаких столбиков проходить, к счастью, не понадобилось. Мне даже понравилось кататься на этой лестнице. Надо было только вовремя поднять ноги, чтобы шлепанцы не застряли в металлической штуковине.

Выйдя из дверей вслед за другими людьми, я сразу же увидела прямо напротив башню, над крыльцом которой огромными буквами светилось: «Библиотека». Какая удача, и искать ничего не надо!

Хотелось верить, что в здание можно попасть просто так, и нет надобности проходить через столбики.

Как бы не так!

Двери разъехались, как только я приблизилась. А вот сразу за дверями стояли даже не столбики, а целые ворота. И поскольку они тоже светились разноцветными огнями, я недолго думая протянула к «воротам» руку, мысленно пожелав отключить их. Огни тут же погасли! А от самих ворот теперь исходило ощущение безжизненности. Оно мне не очень-то нравилось, но, пока к месту поломки спешил очередной охранник, я спокойно прошла дальше, раздумывая над тем, почему мне теперь так легко выключать технику. Сколько я мучилась в тоннеле, чуть не погибла, а тут – раз! Без всяких усилий. И уж уверенности у меня точно прибавилось.

В огромном зале, где я очутилась, было очень красиво. С потолка свисали сияющие, как солнце, светильники, а все пространство впереди было уставлено столами, на которых высились стопки, горы, даже целые дворцы из книг! И за столами сидели дети. Сердце радостно забилось. Думая про себя, какая я все-таки молодец, что вышла именно на этой станции, я ринулась вперед… и уже через два шага поняла, как сильно ошиблась.

Topreading.ru

То, что я увидела, было очень искусной картиной во всю стену. Но нарисовано было так здорово, что казалось объемным. Реальным. Я подошла вплотную и даже потрогала. Увы, изображение осталось изображением. От огорчения я даже чихнула – громко, на весь зал. Звук улетел высоко под потолок.

– Будь здорова, дорогая!

Я оглянулась. Из-за длинной высокой конторки, стоящей поодаль, ко мне спешила женщина с добрым лицом. Поскольку она улыбалась – а значит, не собиралась в ближайшую минуту меня схватить, арестовать и прочее, – убегать я не стала.

– Как хорошо, что ты не цепляешь эту штуку, – тихо воскликнула женщина, показывая куда-то за ухо. – Все словно с ума посходили, скоро мозги целиком заменят микросхемами. В какой зал тебя проводить? Тебе игрушку, учебник? Программки какие-то?

– Мне… книжку – сглотнула я. И добавила: – Чтоб читать. Интересную.

Почему я это сказала? Сама не понимаю. Нет, это совершенно нормально: прийти в библиотеку и попросить книжку. Но разве мне сейчас до книжек? Мне надо было попросить карту острова, путеводитель или… или даже не знаю, что еще. Ну, мне же надо с чего-то начинать поиски брата. А еще неплохо бы куда-нибудь деть себя саму.

Ведь где-то же мне придется жить. Иначе…

Я уже хотела сказать доброй тетеньке, что мне нужно совсем другое, но увидела выражение ее лица. Она смотрела на меня так, как будто увидела… восход над морем в ясную погоду. Или первые подснежники.

– Книжку… – повторила она, будто не веря. – Деточка… Пойдем скорее!

Она подхватила меня под руку, и мы почти побежали вперед по длинному коридору. Стены его тоже были расписаны картинами, но я с трудом могла бы описать, что на них изображено. Какие-то сказочные, невиданные города, необыкновенные звери с большими круглыми глазами и милыми мордашками и такие же большеглазые дети – все на одно лицо.

Наконец библиотекарь – я решила, что если тетенька не охранник, то она может быть только библиотекарем, – резко зарулила в одну из открытых дверей. Там тоже имелась конторка, из-за которой нам улыбался хитрого вида дедушка в сиреневой куртке, напоминающей пижамную. Но я уже догадалась, что на острове Центральном многие носят форму. А позади высился лес из стеллажей, как и должно быть в библиотеке. Только стояли на полках совсем не книги, а какие-то плоские коробочки. Много-много рядов плоских коробочек разных цветов, но абсолютно одинаковой формы и размера.

– Вот! – с гордостью сказала тетенька, выталкивая меня вперед. – Ребенок хочет интересную книгу! И не носит мыслешунт!

Хитрый дедушка хитро хмыкнул. Потом пошарил где-то в недрах конторки и положил на стол… Я сразу узнала этот предмет, потому что видела у Даши почти такой же, только очень старый и в нескольких местах залепленный скотчем. Это были наушники.

– Какую же книжку ты хочешь? Занимательную физику? Забавную математику? Или, может, забытые языки программирования?

– Я… Мне…

Что он сказал? Что он только что сказал?! У них все это есть, я не сплю???

– Да нет же, – махнула рукой библиотекарша, возвращая меня с небес на землю. – Девочка хочет про любовь и приключения.

И она подмигнула мне!

Я, наверное, очень медленно соображала и выглядела абсолютной гусеницей. Во всяком случае, дедушка соображал гораздо быстрее.

– Любовь и приключения, – мечтательно повторил он. – Сейчас.

Удалившись в конец зала, он покопался на полках и через пару минут вернулся, сияя, как металлическая пуговица, если ее потереть об одежду.

– Вот! Все, что имеем. Выбирай.

И он выложил на конторку несколько квадратных коробочек.

Я взяла одну с полустершейся надписью: «… Булычев. Поселок…» и раскрыла. Внутри лежал блестящий гладкий круг.

– А, – осторожно спросила я, – бумажных у вас нет?

Дедушка-библиотекарь крякнул. Затем наступила долгая пауза. Библиотекари в четыре глаза смотрели на меня, кажется, целую вечность. Потом они одновременно взглянули друг на друга.

– У нас остались бумажные книги? – наконец обрела голос добрая тетенька.

– Д-да, кое-что есть. Но их так давно никто не просил… Я думал, современные дети знать не знают про бумажные книги. Надо заказать в книгохранилище, я сейчас туда позвоню… – заторопился дедушка.

Пока он общался с кем-то по рации, а добрая тетенька не сводила с меня глаз, как с редкой аквариумной рыбки, я успела десять раз пожалеть о том, что у меня такой длинный язык. Ну что я, бумажных книг не видела, что ли? Да дома их куча…

Уже нет, тут же поправила я себя. Ведь библиотека, конечно, сгорела. Как и дом. Но все равно, лучше было бы попытаться послушать эту, через наушники…

Наконец библиотекарь закончил переговоры.

– Работники книгохранилища отказываются присылать нам книги, – засмеялся он. – Они хотят своими глазами увидеть ребенка, который читает книги в бумаге. Что ж, я их понимаю. Придется тебе пойти туда самой, малышка.

– Пойдем, я покажу, как идти, – засуетилась библиотекарша, тут же потащив меня за собой в коридор.

Вот глупая Анька! Стоило ли преодолевать столько трудностей ради того, чтобы почитать бумажную книгу! Пусть даже в библиотеке Центрального острова.

Topreading.ru

Но тетенька не замечала моего настроения.

– Смотри, – тараторила она. – Тебе надо попасть в другое крыло. Пройдешь через атриум. А дальше – по лестнице вниз. И там уже висят указатели. Иди прямо-прямо, не сворачивай, и все увидишь.

– Спасибо, – как можно вежливее сказала я и поплелась в этот самый атриум, хотя понятия не имела, что это такое.

Но скоро поняла. Коридор выходил в небольшой дворик, накрытый стеклянным куполом. Там стояли скамеечки, между ними – огромные кадки со всякими растениями, а напротив я увидела дверь в соседнее крыло, куда мне и надо было.

Ну вот почему бы мне не идти вперед и вперед, до самой двери? Но нет. Меня угораздило, конечно же, оглядеться кругом. Другой, открытой стороной атриум выходил прямо на улицу, а на улице я увидела фонтан.

Ну вот почему бы мне не идти вперед и вперед, до самой двери? Но нет. Меня угораздило, конечно же, оглядеться кругом. Другой, открытой стороной атриум выходил прямо на улицу, а на улице я увидела фонтан.

И тут же забыла про книжки и вообще про все на свете.

К фонтану вела дорожка, выложенная плиткой, и я, не раздумывая, пошла по ней.

В центре небольшой площади располагался бассейн, из которого торчала огромная вертушка, похожая на те, что делают из бумаги. Из «крыльев» этой вертушки хлестали струи воды, за счет чего она и крутилась. Но это было еще не все, потому что вокруг бассейна, вдоль дорожек, прямо из земли торчали верхушки труб, из которых тоже по очереди били фонтанчики, то взлетая до небес, то становясь совсем маленькими. Иногда порядок нарушался, и фонтаны выстреливали неожиданно. Между фонтанчиками бегали дети, тихонько хихикая и радостно наступая на те места, откуда должна была хлынуть вода, и торопливо отдергивая ноги. Иногда они ошибались, тогда их окатывало с ног до головы, и они хихикали громче. Удивительно спокойные дети. Наших бы сюда, тут бы сейчас стоял такой визг, такой восторг, – и не только среди мелюзги, но и среди старших, я уверена.

Большинство детей было в непромокаемых накидках или под зонтами. Немногочисленные взрослые в основном стояли в отдалении – видимо, боясь приближаться к струям.

Я обошла вокруг бассейна. Нашим здесь точно понравилось бы. Даже учителя не остались бы в стороне. А самое главное – фонтан был музыкальным! Струи воды взлетали в небо под красивые мелодии. Одна заканчивалась, тут же начиналась другая, еще лучше.

Я стояла и смотрела на фонтан, на это чудо, лучше которого я ничего в жизни не видела. Не могла насмотреться, не могла наслушаться.

Я уже протянула руки к струям, как вдруг совершенно неожиданно рядом раздался смутно знакомый – и очень злой – голос:

– Это она!

Я резко повернула голову на звук… И так и осталась стоять с вытянутыми руками.

Topreading.ru

Прямо на меня шел мэр нашего острова.

Я видела его не так уж часто, но, конечно, отлично знала в лицо. Трудно не знать кого-то из жителей маленького островка – это вам не Центральный. Здесь, наверное, живет сто тысяч человек. Или даже триста.

Он приближался с перекошенным от злобы лицом, а рядом шли два охранника. И я поняла, что, если даже найду в себе силы сдвинуться с места, убежать не успею. Люди, которые рядом, мне не помогут: кто я для них? Чужая девочка.

Мэр надвигался на меня, расстояние все сокращалось. Страха не было. Меня охватило странное чувство, ранее не знакомое. Представьте, что вы вышли из дома после долгой холодной зимы с ледяными ветрами и непрекращающейся метелью. С жутких холодом, от которого ресницы примерзали к щекам, а руки даже в варежках становились сначала белыми, а потом – синими. И их приходилось осторожно отогревать в чуть теплой воде. Такая зима на острове была лишь раз, но я запомнила ее. Представьте, что вы вышли, – а на дворе весна. Капель, тепло, птички, ручейки. И веселый ветер несет запахи оттаявшей земли и зеленой травки. Вы только-только вдыхаете эти запахи… а вам говорят: «А теперь хватит, снова будет зима!» И тут ударяет двадцатиградусный мороз! Как назвать то чувство, которое вы испытаете? Я не знаю. Но испытывала сейчас что-то подобное, потому что очень живо представила, как охранники мэра хватают меня и увозят на Светлоярск. Не будет больше ни башен, ни поезда, ни библиотеки, ни этого чудесного фонтана, ни, уж конечно, поисков брата. Ни даже искинов, которые не сделали мне ничего дурного, – наоборот… А медальон на груди молчал – музыка ведь больше не играла.

Я стояла, мэр приближался.

И тут мои губы сами собой растянулись в улыбку. Не играет музыка? Да вот же она, рядом! А в следующую секунду я…

…А произошло, собственно, следующее: наместнику архипелага каким-то образом стало известно о беспорядках, творящихся на Светлоярске: пожаре в интернате, нападении на комиссара юниор-полиции, а главное – исчезновении детей. Очень недовольный, он вызвал к себе мэра острова, чтобы задать ему несколько неприятных вопросов. Мэр в самом мрачном расположении духа прибыл на Центральный. Он и так был раздосадован ситуацией – все складывалось как нельзя хуже, а тут еще о происшествиях слишком быстро стало известно начальству. И вдруг в центре города мэр неожиданно увидел девчонку-техно, ту самую, из-за которой заварилась каша. Она как ни в чем не бывало разгуливала по улице и любовалась фонтаном! Придя в бешенство от такой наглости, мэр, не помня себя, бросился на девчонку, даже обогнав охрану. Он был готов схватить, смять – убить, если потребуется. Уж во всяком случае, не дать ей расхаживать по Центральному!

Аня

…Я запела, направив разом все струи воды в мэра и его охранников.

Как так вышло, я даже сначала не поняла. Мне просто очень сильно не хотелось, чтобы меня трогали эти люди. Чтобы меня уводили отсюда. Чтобы опять наступала зима.

Поэтому, помогая себе голосом и руками, я обрушила потоки воды на тех, кто сейчас был мне врагом. Охранники загородили мэра, прикрываясь руками. Он выкрикивал из-за их спин ужасные ругательства. Дети на площади визжали и веселились – не то, что раньше, – взрослые растерялись. А я не давала струям ослабнуть. Вот они уже не просто хлещут по злодеям, они

похожи на огромных крылатых животных, вроде драконов, только из пастей у них вырывается не пламя, а вода – как из пожарного шланга. Дети кричат и показывают пальцами на водяных «драконов». А я стою меж этих струй и под ними, словно под арками, и на меня не падает ни одна капля. Я пою, а фонтан играет… Имперский марш.

Я не выбирала его специально, как-то само получилось. Видимо, музыка обладает разным воздействием и по характеру, и по силе. Имперский марш – самый неприятный, но и самый мощный. Ведь когда я захлебывалась в тоннеле, мне тоже пришлось, в конце концов, спеть его.

– Вперед! Взять ее! – кричит мэр.

И охрана с готовностью бросается исполнять приказ, но вода окружает злодеев крутящейся восьмеркой, из которой не выбраться. Словно это и не вода, а раскаленный металл. Люди застывают, как статуи, а потом я поднимаю руки – и сверху обрушиваю на них водопад.

Но тут мой Имперский марш кончается, и я словно прихожу в себя, решая, что хватит. Уже не пою, но вода – да нет, не вода, а механизм, который заставляет фонтан работать, – слушается и так, и я отвожу струи от своих противников. Теперь они свободны, но ко мне подойти не могут – меня защищает переливающееся всеми цветами радуги водяное кольцо. Какое-то время мы стоим и смотрим друг на друга – мэр и я. Охранникам я, видимо, менее интересна, они не обращают на меня внимания, лишь по мере сил выжимают воду из одежды. Мэр что-то говорит, но я скорее догадываюсь, чем слышу:

– Берегись! Тебе это так не пройдет!

Он похож на мокрую собаку, только отряхиваться, как это делают собаки, мэр, к сожалению, не умеет. С его одежды ручьями стекает вода.

Он еще некоторое время с ненавистью смотрит на меня, после чего отзывает своих телохранителей. И все трое разворачиваются и уходят. За ними тянется мокрый след.

Лишь когда они совсем исчезают из виду я возвращаю фонтан в прежнее состояние. Он опять поет тихую красивую мелодию. Можно подумать, что ничего и не было, если бы не совершенно мокрая площадь.

Взрослые, наконец, уводят детей, уверяя, что фонтан сломался, что это опасно! Детвора нехотя подчиняется.

– Мама, он не сломался, это она сделала, вон та девочка! – вопит самый догадливый и самый мелкий пацан.

Но мать с возмущением уносит его.

Я стою на площади поющего фонтана и смотрю на свои руки. Как я это сделала? Кажется, я понимаю. Я будто шагнула куда-то – научилась пользоваться свойствами, которые вроде и раньше были, но проявлялись сами по себе, случайно. Сегодня я осознанно применила техноволшебство и с его помощью одержала победу. Надолго ли? Не знаю. Но это очень важно.

На мне нет ни одного мокрого пятнышка. Если так дальше пойдет, мне окончательно понравится быть техноведьмой.

Я немного погуляла по площади, приходя в себя. Мэра я теперь не боюсь. Если вздумает снова приблизиться, я его так встречу! Главное, все время держаться поближе к технике: ее вокруг

Topreading.ru

немало.

Как бы там ни было, пора было пойти погреться. Долгие прогулки по осенним улицам в футболке и шортах не очень-то полезны для здоровья.

Повернувшись, я зашагала к библиотеке.

Книга вторая

Когда ты мыслишь двоичным кодом, выбор прост: либо ноль, либо один.

Итан оставил мобиль на подземной парковке, втиснувшись в плотный ряд таких же легких обтекаемых конструкций, и, миновав прозрачный переход, очутился в холле детской благотворительной клиники.

Освещение средней яркости, упругое напольное покрытие, цветные изображения на стенах и функциональная мебель. Фоном – тихая музыка.

Музыка – это изменение частотных колебаний в единицу времени. Некоторые мелодии Итан преобразовывал в формулы, в точки и графики. Иногда получались целые картины.

Музыка – это изменение частотных колебаний в единицу времени. Некоторые мелодии Итан преобразовывал в формулы, в точки и графики. Иногда получались целые картины.

Человек бы решил, что музыка Итану просто нравится.

Свернув в левое крыло, Итан пробирался между искусственными пальмами. Отодвигал в сторону свисающие с потолка лианы, так похожие на настоящие. Для него они и были настоящими. Полукруглая дверь привела его в просторный зал. Покатые своды, высокий потолок. В вышине плавало искусственное солнце, под ногами расстилалась искусственная трава. Центр был занят надувным бассейном с шариками. Все соответствовало принципу «Безопасность. Комфорт. Мотивация». В пяти бело-розовых пластиковых кроватках, напоминающих ракушки, спали два мальчика и три девочки, в возрасте от полутора до трех лет.

Дети были здоровы. У них просто не было родителей. По разным причинам.

Итан знал это. Он приехал сюда специально.

Навстречу ему вышла врач-педиатр Имоджин.

– Добрый день, Итан. Вы окончательно решили взять на воспитание НИ?

– Да, партнер.

– Вы уверены?

– Да, партнер.

– Передаю информацию повторно: Натуральный Интеллект – сложная разработка природы. Могут возникнуть не учтенные нашими программами ситуации. Они потребуют от вас

Topreading.ru

самообучения в экстренном режиме и самостоятельного принятия решений. Есть вероятность запроса нестандартных действий, которых нет в вашей Базе Данных.

– Информация получена.

Они общались с помощью визуально-речевого интерфейса. В человеческом обществе так принято, хотя и не обязательно. В присутствии детей это необходимо.

– Вы подтверждаете согласие?

– Подтверждаю.

– Вы можете сделать выбор.

Итан двигался от одной кроватки к другой. Анализаторы считывали изображение и прочие параметры.

Девочка. Темные волосы, цвет кожи – смуглый, возраст – два года, родилась на Центральном.

Мальчик. Темные волосы. Цвет кожи – светлый, возраст – три года, родился на Центральном.

Мальчик…

– Задача номер один: выбрать ник для вашего воспитанника, – напомнила Имоджин.

Это задание первого уровня. Итан создал необходимый список. Среди ников для ребенка были Перл, Ада, Рая, Эрланг, Оберон и еще несколько. Требовалось лишь принять окончательное решение.

Мальчик. Светлые волосы, светлый цвет кожи, возраст – полтора года. Остров Центральный местом рождения не является.

Время, пребывания Итана возле кроватки мальчика превысило необходимый минимум. Превысило среднее значение. Приблизилось к допустимому максимуму. Итан анализировал.

– Предполагаемый выбор может граничить с опасностью средней степени, – сообщила Имоджин.

– Причина?

– Биологические родители НИ обладают способностью дистанционно перепрограммировать Искусственный Интеллект.

– Мальчик доставлен с острова Светлоярск?

– Верно.

В Базе Данных Итана содержалась информация о Светлоярске. Мальчик распознавался как потенциальный техно.

– В моей Базе есть информация о техно. Уровень моей защиты соответствует стандартам. Задача выполнимая. Программа воспитания запущена.

Имоджин произнесла какой-то ответ, но в это время мальчик проснулся и начал кричать,

Topreading.ru

светлая кожа лица мгновенно покраснела. Слова искина не воспринялись визуально-речевым интерфейсом, но у Итана имелись и другие порты для принятия информации.

Он только что получил разрешение.

Другие дети тоже проснулись – кто-то захныкал, кто-то молчал, смуглая девочка хлопала ресницами, темноголовый мальчик вторил басом крикуну. Имоджин успокаивала его, гладя по голове.

Нагнувшись, Итан взял на руки орущего ребенка-техно. Тот постепенно замолк, но все еще был рубиново-красным от натуги.

– Руби, – Итан сделал выбор. – Я назову тебя Руби.

...С ребенком в одной руке и пакетом необходимых вещей в другой Итан покинул благотворительную клинику. С сегодняшнего дня у него будет новая функция: воспитатель НИ.

Когда мыслишь двоичным кодом, выбор делать просто: либо да, либо нет.

Глава первая,

О тормозах, мыслешунтах и булках с творогом

Аня

Иногда трудно рассказывать о вещах, не имеющих объяснения. Кажется, что ты сочиняешь небылицы. Даже самой себе кажется. А уж что подумали бы наши: Ната и Славка, близнецы Нагорные, Ирина Андреевна, начни я вдруг описывать, как прогнала мэра с помощью водяных драконов! Орлан бы поверил, наверное. Он-то знает, что к чему. И Сергей, конечно, не заподозрил бы меня во вранье. Но остальные… Они должны увидеть, как я обращаюсь с техноволшебством. Только так они поймут, что я теперь – другая. Уже не маленькая девочка, которая тайком бегала ночью из интерната, чтобы нарвать в лесу орехов. Теперь и интерната никакого нет – сгорел. И остров Светлоярск далеко.

Это в прошлом.

А есть здесь и сейчас: библиотека, Центральный, и я, Анна Пчелкина. Техноведьма.

...Я сидела в читальном зале. Передо мной на столе лежала открытая книга под названием «Поселок».

«Грибы тем временем выбрались из мешка, расползлись между корней, и некоторые даже успели до половины закопаться в землю».

Я не могла сосредоточиться на том, что читаю. После всего, что случилось, мне не очень-то хотелось возвращаться в библиотеку. Хотелось бежать подальше от этого места: вдруг вернется мэр? Или местная полиция видела мои танцы с драконами и явится сюда за мной? Но ведь я обещала! Люди ждали меня, специально искали книжку. Обманывать их было как-то неловко. А кроме того, я пришла сюда, надеясь встретить детей своего возраста. Вдруг среди них окажется мой брат Алеша, или я хотя бы узнаю, где его можно поискать.

Но пока с ровесниками не везло. В кресле у стены напротив сидел мужчина, чуть постарше

Topreading.ru

нашего дяди Коли. Он что-то слушал через наушники. На шее у него болталась маленькая черная коробочка, в прорезь которой он вставил крошечный прямоугольник. Никаких приспособлений для большого блестящего круга не было. Да и круга самого что-то не наблюдалось. Наверное, книги тут могут быть совершенно разными. В общем, ничего странного.

А вот впереди меня за столом сидела девушка – наверное, как наша Даша. И то, что она делала, было гораздо интереснее. На девушке тоже были наушники с черной коробочкой, но кроме этого – на столе перед ней лежала доска с кнопками. И она быстро-быстро нажимала всеми десятью пальцами на эти кнопки. Когда я вошла, девушка уже сидела здесь, и мне издали показалось, что она играет на рояле. Но рояля не было, звуков не было – да вообще больше ничего у нее не было, кроме этой странной доски и наушников. И чем она занимается, было совершенно непонятно.

Для нас троих зал был слишком большим. По стенам я заметила несколько экранов для театра теней, только под ними имелись кнопки. Неужели экраны как-то освещаются? Вот здорово! Хотя и с обычной настольной лампой тоже неплохо. Одну половину зала занимали два ряда столов, на другой полукругом выстроились мягкие диванчики, перед ними – журнальные столики с темной гладкой поверхностью. Светильники на потолке были плоскими, яркими и походили на звезды. Еще кое-где под столами, в том числе и под моим, стояли какие-то прямоугольные приспособления. В них торчали провода.

Наконец мне повезло: вошла девочка и два мальчика, и мое сердце забилось от волнения. Все трое в светлых комбинезонах с одинаковыми синими нашивками на рукавах. На груди нашивки были разные: такого же синего цвета у мальчишек и синяя с золотым – у девочки. «Образовательный модуль № 10», – разглядела я надпись на нашивках. Дети выглядели лет на четырнадцать, не меньше. Девочка носила стрижку каре и была, наверное, симпатичной, но она меня не интересовала. А вот мальчишек я, как говорят, пожирала глазами. Вдруг все-таки кому-то из них тринадцать – ну, почти тринадцать – и этот кто-то, мой брат? Славка с Женьком ведь тоже кажутся старше, потому что растут.

Один повыше, волосы темно-русые, большие глаза, нос… как нос. Другой вообще обыкновенный, как Славка, даже уши такие же, но на щеке родинка. Мне кажется, у Алеши не было родинок на щеках, а волосы – как у меня, светлые. Но ведь я могу ошибаться. И волосы могли потемнеть. А уши… Да кто обращает внимание на уши в полтора-то года! Хорошо, что я вообще что-то помню. Должно быть, благодаря тому, что я техно.

В мою сторону ребята не смотрели. Они одновременно подошли к диванчику и одновременно, как по команде, уселись на него, оказавшись ко мне левым боком. И тут я увидела за ушами у мальчишек круглые черные кнопки, и вздрогнула.

У дяди Коли тоже на этом месте кнопка – но другая. Раньше я думала: это для того, чтобы лучше слышать. Но Сергей сказал – наоборот, это сделали, чтобы отец Виталика слышал хуже. Потому что он техно, как и я. И значит, эти мальчики – тоже?.. А у девочки, интересно, кнопки нет, или она закрыта волосами?

Я чуть было не бросилась к ним, но потом решила задержаться, чтобы еще раз подумать. Я ведь здесь не дома, ничего не знаю. Вдруг только зря выдам себя, а они вовсе не те, кто мне нужен. Все-таки, сразу три техно? И так спокойно разгуливают по Центральному острову? Но с другой стороны – они ведь постоянно живут на этом острове.

Пока я раздумывала, встал и ушел мужчина, за ним – девушка. А дети все так же сидели, не двигаясь. Не разговаривали, сосредоточенно смотрели прямо перед собой. Книг и наушников у них не было. Но казалось, что они все-таки чем-то заняты: очень похоже выглядели, например, Лиза с Викусиком, когда решали в уме волшебные задания. Так может, и эти тоже – решают? Но здесь нет никаких заданий.

На всякий случай я проследила взглядом: нет ли на противоположной стене какой-нибудь таблицы или картинки, которую я вдруг не заметила. Конечно нет! Напротив – только пустой экран, да и он, пожалуй, выше. От нетерпения я не находила себе места. Как поступить? Что сделать?

Наконец, девочка будто очнулась, заправила волосы за ухо, положила что-то в карман комбинезона – я не поняла, что, у нее же ничего не было в руках, – и встала с дивана. Да, теперь я смогла увидеть точно такую же кнопку, хотя она почти сливалась с темными волосами девчонки. Обладательница кнопки заметила меня. Потом перевела взгляд на мою книгу – и снова на меня. Я обрадовалась было подходящему моменту и уже собралась знакомиться – но девочка вдруг отвернулась и, ни слова не говоря, вышла из зала. Ну нет, так они все разбегутся, пока я буду медлить! Зажав страницу пальцем, я закрыла книгу и, держа ее в руках, решительно встала, со скрипом отодвинув стул.

И подошла прямо к мальчишкам.

Вовремя, потому что они одновременно перестали делать стеклянные глаза. Тут же оба полезли за ухо и – теперь мне было хорошо видно – достали каждый из своей «кнопки» крошечный металлический прямоугольник, наподобие того, каким пользовался мужчина в наушниках. Только совсем тонкий. Один зажал эту штуку в кулаке, другой – положил в нагрудный карман. Так значит, и у девочки был точно такой же.

Оба смотрели на меня без всякого выражения и молчали. Как будто я – стол. Или стенка.

– Привет, – осторожно сказала я.

Ответа не последовало. «А может, они говорят на другом языке?» – вдруг пришло мне в голову.

– Меня зовут Аня! – почти с досадой произнесла я. – Вы меня понимаете?

– Не понятно, – произнес тот, который с родинкой, на чистом русском языке, но совершенно без эмоций. – Она искин?

– Ее ник – Аня. Она не искин, – возразил глазастый.

Хотя возражают обычно хоть с какой-то интонацией! А этот просто… проговорил буковки.

– У нее нет мыслешунта. Она – искин. Ее ник – Аня. Она не искин. Не понятно, – тянул свое С-родинкой.

– Да что с вами? – не выдержала я? – Что вы, как роботы?

Хотя роботы на Центральном острове выглядят гораздо более живыми! А эти двое – обычные мальчишки, я почему-то уверена. От искинов исходит что-то**…** неприятное. Сейчас я ничего такого не чувствовала, но меня раздражало их странное поведение. Кирпичом по голове их огрели, что ли?

– Мы не роботы, – доложил глазастый.

– Цель твоего визита, – выдал С-родинкой.

Видимо, это был вопрос.

– Я**...** познакомиться подошла! И я не искин, с чего вы взяли!

Я огляделась в поисках поддержки, но мы ведь были одни в зале, и на помощь никто не спешил. Ну как с такими разговаривать?

– Что у тебя в руках? – все-таки С-родинкой хоть чем-то интересуется. Глазастый-то совсем… потерян для общества.

– Это – бумажная книжка, – с расстановкой сказала я. – Называется «Поселок». Что, не видели никогда?!

– Не видели, – подтвердил С-родинкой.

Второй молчал. И тут вернулась девочка. Но они даже не взглянули на нее. Сидели, не двигаясь, как раньше.

– Время пребывания в зале превышено. Время полдника будет сокращено. Хочу узнать причину.

Она тоже говорила странными предложениями. Но по крайней мере, не походила на робота! Говорила совершенно спокойно. Но – по человечески. Как сказала бы, например, хорошая учительница, которая просто сообщает ученику об ошибке, но не сердится.

– Незапланированный контакт – отвечал С-родинкой.

– Немотивированное поведение, – добавил Глазастый.

И только после этого девочка обернулась ко мне.

– Искин не должен мешать обучению. О баге программы следует сообщить…

– Да кто тут искин! – взорвалась я и даже не заметила, что ору. – Вы что, с ума сошли все?! Я нормальный человек! Живой, нормальный человек!

– Она не искин. Ее ник – Аня. Она из Трущоб, – отчитался С-родинкой.

Дохлый гоблин! Из каких еще Трущоб?! Или… они так называют Светлоярск? Ну по сравнению с Центральным, наверное да, у нас – трущобы. Хотя я так не считаю, я люблю свой остров. Но как они быстро догадались! А ведь изображали тупых!

– Из Трущоб? – наконец-то в лице девочки мелькнуло что-то, отдаленно напоминающее интерес. – Ты пришла, чтобы получить знания?

– Э… да! – поспешно ответила я.

Пусть из Трущоб. Пусть – знания. Назовите хоть летучей мышью. Только давайте нормально разговаривать, а?

Topreading.ru

– Время полдника, – повторила девочка. – Надо идти в буфет.

Она явно стала дружелюбнее! Хотя и не улыбнулась. Наверное, я просто слышу хорошо: что-то изменилось в ее голосе.

– Сдайте флэшки и догоняйте нас, – это уже мальчишкам.

Все тем же ровным тоном.

Наконец-то они почесались встать! И направились к выходу. И даже не очень медленно.

А я пошла за девочкой – хотя она мне больше ничего не сказала, но ведь попросила же догонять нас. А никаких других нас тут явно нет.

Книжку я оставила в зале.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж. Прямо перед нами высилась огромная арка – вход в буфет. Вот только преграждали его металлические вертушки – как и везде тут, с красными огоньками. Уже по привычке, я протянула руку к огонькам… Но передумала. Девочка внимательно смотрела на меня. В руке она держала неизвестно откуда взявшуюся карточку, похожую на те, какими пользовались люди, чтобы попасть на движущуюся лестницу.

– Ты забыла карту, – утвердительно произнесла она.

– У меня нет, – призналась я.

– Потеряла, – кивнула девочка. – Моя подруга тоже всегда теряет карты. Неорганизованность. Пройдем по моей.

Я промолчала. Я не виновата, конечно, причем тут «неорганизованность»! Но ведь она предложила помочь, так что – ладно. Но все-таки теперь я буду называть эту девчонку «училка». Строит тут из себя!

Мы встали близко друг к другу между лопастями вертушки. Училка приложила карту к глазку, он стал зеленым – и мы быстренько проскочили, пока поворачивались лопасти.

Внутри пахло булочками с творогом – как в пекарне у нас на острове. Как я люблю этот запах! Ирина Андреевна иногда водила нас к пекарю за булочками, но чаще мы ходили с Дашей. У Даши всегда были деньги, и она кормила булочками всех детей – и когда училась, и когда уже работала учительницей. Но однажды я услышала, как физрук ругает Дашу за то, что она берет деньги у мамы, а ее мама – секретарь мэра. Что в этом такого, не понимаю: не без спросу же она их берет! Мама сама ей приносила, я много раз видела – в интернате нет секретов. Ну, почти нет. Но после этого разговора с Сашей Даша перестала водить нас в пекарню. И ни одной новой заколки для волос себе не купила за целый год – а раньше любила. Паромщик каждый раз привозил по ее заказу целую коробку – нам тоже перепадало. А уж что надоест Даше – точно доставалось нам.

А потом все это прекратилось – видимо, Даша отказалась от маминых денег.

И если в этом уютном месте с голубыми занавесочками на окнах, с круглыми столиками на толстой, как у гриба, ножке, стульчиками с резной спинкой и огромным аквариумом тоже кормят за деньги – что вполне вероятно – то я зря сюда пришла.

Посреди столовой высилась огромная колонна, и аквариум размещался прямо в ней. Я приблизилась, чтобы посмотреть. На нашем острове аквариумы пытались заводить все. Чаще всего использовали самую большую банку, какую удавалось раздобыть. Наполняли морской водой, туда же клали камушки и водоросли. Поймать рыбку несложно – хоть удочкой, хоть сачком. Самые красивые, конечно, на глубине, но нам хватало и тех, что у берега. Но рыбки долго не выдерживали – то ли им не хватало чистого воздуха, то ли мы неправильно их кормили. Поэтому приходилось отпускать – чтоб не подохли. Говорят, для аквариума нужно какое-то приспособление, но никто из нас не знал, как оно выглядит.

Этот аквариум был просто сказочным. Огромные полосатые рыбы, и еще красные, а у самого дна, из грота, торчит желтый хвост. А вот морской конек, а вокруг много водорослей, и вода синяя-синяя, такой и не бывает…

Я протянула руку и дотронулась до стекла.

Аквариум моментально исчез. Стекло потемнело – и оказалось вовсе не стеклом. Поверхность его стала похожа на те журнальные столики, что я видела в библиотеке.

Мне, конечно, хватило мозгов понять, что аквариум не был настоящим. Но**…** Как?!

Я беспомощно обернулась к своей новой знакомой. Слева была воздвигнута такая же колонна, правда без аквариума, но зато с окошечком. И Училка была занята тем, что вытаскивала из окошечка поднос с едой. Подойдя к ней, я увидела стакан-непроливашку как для малышей, булочку в прямоугольной тарелке, затянутой пленкой, и яблоко, тоже в пленке. Если упадет – ничего не разольется и не испачкается. И не испачкает тебя. Удобно.

Мне, конечно, хватило мозгов понять, что аквариум не был настоящим. Но**…** Как?!

Я беспомощно обернулась к своей новой знакомой. Слева была воздвигнута такая же колонна, правда без аквариума, но зато с окошечком. И Училка была занята тем, что вытаскивала из окошечка поднос с едой. Подойдя к ней, я увидела стакан-непроливашку как для малышей, булочку в прямоугольной тарелке, затянутой пленкой, и яблоко, тоже в пленке. Если упадет – ничего не разольется и не испачкается. И не испачкает тебя. Удобно.

Училка повернулась ко мне с подносом в руках.

– Ты никогда не была здесь? – правильно истолковала она мое бездействие. – Нажмешь кнопку, откроется окошко, заберешь полдник.

Я мрачно покосилась на окошечко. Да, вон рядом с ним желтая кнопка. Везде тут эти кнопки.

– Ты знаешь, – вздохнула я. – Я могу нечаянно ее сломать. Кажется, я только что сломала аквариум. Можно попросить тебя нажать эту кнопку еще раз? Поднос я подержу.

Училка повернула голову в сторону второй колонны. И я с радостью заметила, как ее брови медленно ползут вверх. Ну наконец-то и ее чем-то пробрало! Теперь я смогла нормально разглядеть ее и убедиться: действительно симпатичная. Карие глаза, густые ресницы, брови, которые сейчас приподняты, с красивым изгибом. Только рот большой, как у меня почти. Лягушачий. Ну и ладно, зато мы с ней – уж точно не роботы.

В это время вернулись мальчишки. Они без единого слова, не глядя на нас, один за другим подошли к колонне, по очереди извлекли свой полдник и так же, молчком, уселись за один из

столиков. Жевали они сосредоточенно, как будто стихи с английского переводили. То, что не работает аквариум, а их подруга стоит посреди столовой как третья колонна, с подносом в руке, на них впечатления не произвело.

– Там камера, – сказала Училка. – Мне второй раз не откроется. Но если перед окном встанешь ты, а я – сбоку, наверное, получится.

Первую часть я, как обычно, не поняла, зато вторую – вполне. И кивнула.

Она поставила поднос на ближайший столик. Кода мы подошли к колонне, я увидела надпись над окошком: «Улыбайтесь, камера любит вас». Рядом торчал какой-то… фонарик.

Ну раз просят – жалко, что ли.

Я широко растянула губы, демонстрируя что «мы тоже очень рады», и глядела прямо в глаз фонарику, а моя спасительница, встав с края, тем временем нажала кнопку.

Сработало. Отлично!

– Спасибо! – с искренним чувством поблагодарила я, вытаскивая свой честно заработанный – еще бы, сколько труда и волнений! – паек.

Такой же стаканчик, такая же тарелочка с булкой. Вот только яблоко мне досталось – огромное. Видимо, я все-таки везучая.

– Как тебя зовут? – спросила я, когда мы, наконец, уселись и принялись за еду.

– Мой ник – Линкка.

– А этих? – я кивнула на мальчишек.

– Ответят сами, если захотят.

Ну надо же! Какие скрытные. Зайдем с другой стороны…

– А сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

– А мальчикам? – немедленно вырвалось у меня.

– Пятнадцать и четырнадцать, – последовал ответ.

Ф-фу. Гора с плеч. Никто из этих долбанутых мне не брат.

– Почему они такие… тормоза?

Получилось не слишком вежливо, и вопрос был, скорее, в никуда. Но Линкка неожиданно ответила:

– Уплотненная программа. Ускоренный темп. Высокая нагрузка на мозг. Мыслешунт блокирует второстепенные импульсы.

Не все слова я знала, но смысл был совершенно понятен: переучились, бедолаги.

Topreading.ru

– Но ты-то нормальная! – возразила я.

– Они тоже нормальные.

– Извини… – я почувствовала, как загораются уши. – Я хотела сказать… Ты ведь…

– Я учусь по общей программе, – пришла мне на помощь Линкка. – У них – хай-фай. А ты?

– Я учусь по программе седьмого класса, – честно ответила я.

– Не слышала, – сказала Линкка, и я подавилась булкой. Хорошенькое дело!

– Почему вы решили, что я искин? – вспомнила я, прокашлявшись.

– Ты не носишь мыслешунт.

– А разве все люди носят?

– Все дети от пяти лет, кроме детей Трущоб. Они не хотят учиться. Они играют в игры, хулиганят и рисуют каллиграффити.

Я даже жевать перестала и воззрилась на нее. Вот это новость! Даже без учета того, что последнее слово мне не знакомо.

– Но к тебе это не относится, – продолжала Линкка. – Ты пришла получать знания.

– А что, в школу дети Трущоб тоже не ходят? – съязвила я.

Она не ответила. Только старательно морщила лоб, как будто силясь что-то вспомнить. Похоже, простой вопрос загнал ее в тупик.

– Нет данных, – наконец ответила Линкка. – Тебе виднее. Нам пора идти – время вышло.

Она поднялась, и одновременно с ней встали из-за стола мальчишки. Главная она у них, что ли? Вот и поговорили! Совершенно ничего не удалось узнать.

Я тоже вскочила, с яблоком в руке. Круглая столешница тут же провалилась в середине, и все что было на столе – стаканы, тарелки – ухнуло внутрь, прямо в ножку. И далеко внизу зашумело. Со столиком мальчишек происходило то же самое. Интересно, там и моется само, или они это все выбрасывают?

Меж тем мои новые знакомые уже спускались по лестнице, и мне ничего не оставалось, как кинуться следом.

– Подождите! – крикнула я, остановившись на верхней ступеньке. Они обернулись. – Мне надо найти одного мальчика.

– Ник? – спросил на этот раз С-родинкой.

– Алексей, – без надежды ответила я.

– Нет данных, – произнес мальчишка.

– Сделай запрос в инфопортал. У тебя нет мыслешунта, значит, сможешь войти в Паутину. Или

попроси взрослых, – ответила Линкка.

После чего все трое развернулись – и удалились.

Отличный совет, дохлый гоблин. Даже два. И как мне ими воспользоваться? Первое – не для слабоумных из Трущоб, второе – опасно.

Подбрасывая в руке яблоко, я вернулась в читальный зал. Почему он так называется? Кроме меня тут и не читал никто. Подошла к столу, на котором одиноко лежала моя книга, раскрытая на том же месте: «Грибы тем временем выбрались из мешка, расползлись между корней, и некоторые даже успели до половины закопаться в землю». Что за странные грибы – автор ошибся, что ли? Может, это зверьки какие-то? Хотя… Кто сказал, что в нашем лесу таких не водится? Что я вообще знаю про лес? Я только и заходила туда, что на двадцать шагов. А в глубине, может, и грибы бегают, и ягоды песни поют. Благо там нет никого. Из людей.

– Библиотека закрывается. Просьба сдать информационные носители, – зазвенел под потолком приятный женский голос.

Я подняла голову от книги… и только сейчас заметила, что в кресле у стены, где раньше сидел мужчина в наушниках, теперь восседает незнакомый человек. Он медленно встал, и я машинально сделала шаг назад. Я заметила орлиный нос. Хищный взгляд. Тонкие пальцы с острыми ногтями. Черную одежду – костюм, почти как у мэра, но рубашка тоже черная. Все это я разглядела в один момент и бросилась бежать.

Этот человек был слишком похож на того, что я видела во сне, в тоннеле, хотя и не разглядела тогда лица. Он ничего не сказал мне, ничего не сделал. Возможно, даже не пошел за мной. Но мне почему-то было так страшно, холод пронзил позвоночник, а ладони тут же вспотели, что даже мысли о том, чтобы остановиться и спокойно подумать, не возникло. Я пролетела по коридору и очутилась в зале с картиной и люстрами, вихрем пронеслась через ворота с лампочками и через минуту была уже на улице. Медальон под футболкой немилосердно колотил меня, напоминая о своем существовании.

Расслабилась, дурочка! Уши развесила. Рот раскрыла. Ты зачем сюда пришла, булки в библиотеках есть? Делом займись уже, пока тебя не поймали!

Едва передохнув, я рванула в сторону поезда. Выяснилось, что в те двери, откуда я вышла, войти нельзя. Но другие оказались неподалеку.

Отключить столбики? Пожалуйста. А вот за лестницу хвататься не будем, пусть везет.

Вот я и наверху. Подошел поезд. Я поспешила внутрь и успокоилась только тогда, когда закрылись двери.

– Следующая станция – «Пять холмов», – объявил голос.

Вонзив зубы в яблоко, я повернулась, чтобы на прощание глянуть в окно.

Человек в черном стоял на перроне.

Topreading.ru